
Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2014

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Новороссия — как звезда... ..	3
Анатолий ПАНАСЕЧКИН. Время в коллоид бьёт. Стихи	103
Андрей ШЕНДАКОВ. Затерянный край. Стихи	108
Любовь БЕРЗИНА. Сияющий Родины свет. Стихи	146
Михаил ГУСАРОВ. Лампада. Стихи	150
Стихи поэтов России	184

ПРОЗА

Алла ЛИНЁВА. Чёрный принц. Повесть	10
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Догорала осень. Рассказ	111
Владимир ЧУГУНОВ. Случай в метель. Рассказ	156

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КАТАСОНОВ. «Пятая колонна» как многоголовая гидра	92
Алексей ЧИЧКИН. Новая угроза с Чёрного моря	97
Людмила ФИОНОВА. Агония цивилизации	128

Алексей ШВЕЧИКОВ. От либерализма к неонацизму	133
Наталья НЕХЛЕБОВА. Власть и дети	160
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества.	
Очерки русской жизни. Продолжение	170

РУССКИЙ ВОПРОС

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Прошей, Україно!	194
Александр ИЗРАИЛЕВ. Украинство — это предательство	201
Евгений ПАВЛОВ. О младорусских	205

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

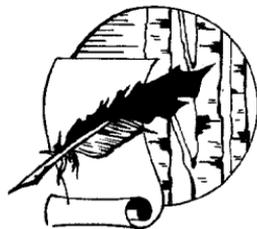
Александр САМСОНОВ. Разрушение русского мира	208
Валентин РАСПУТИН. Возвращение Тобольска	216

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир СМЫК. Бессмертная комедия и вечная истина	224
Эмма МЕНЬШИКОВА. Если Бога нет в сердце...	235

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	240
Содержание журнала за 2014 год	284

Валерий ХАТЮШИН

НОВОРОССИЯ — КАК ЗВЕЗДА...

МЕЧ И КАМЕНЬ*

Тротил джихада и Дары волхвов...
Две веры, две надежды, две стихии.
Явленья духа этих двух миров
слились в пространстве и в судьбе России.

Сошлись непримиримые миры,
как жизнь и ложь, как Истина и нежить.
Шахидки пояс и волхвов Дары...
И лишь одно из двух должно утешить...

Несовместимы пламя и вода.
Нас вновь столкнули и легко и быстро.
Остра их вера, но у нас — тверда.
И меч о камень высекает искры...

14 января 2014

МАЙДАННЫЙ СМРАД

Горящий Киев. Дым и вонь.
Животный рык холопа.
Опять ввергает Русь в огонь
фашистская Европа.

* 29 и 30 декабря 2013 года в Волгограде шахиды осуществили теракты. Погибли люди. А в начале января 2014-го в Москву из Афона на одну неделю впервые прибыли Дары волхвов.

Всю мразь и грязь собрал Майдан
в злорадстве святотатства —
Галичины отвратный стан
нацистского хохлятства.

Дождался ширых дней Тарас* —
свободы зубоскальства.
Настал его погромный час
заклятого москальства.

И камни тяжкие летят
в днепровские рассветы,
в Житомир, Харьков, Сталинград,
в лицо и в грудь Победы.

Европой вскормленный фашизм
клыки ощерил снова.
И чёрный смрад горящих шин
ползёт к степям Ростова...

31 января 2014

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Нет Украины. Есть Россия.
Неистребимая. Одна.
Идут в Крыму дожди косые...
Пришла победная весна...

Ярись, бандеровское быдло!
Тупая злоба наших дней.
Нам ваша ненависть обрыдла.
Вы скоро захлебнётесь в ней.

Скоты, забывшие о чести,
себя предавшие давно,
вы нам чужие. Мы не вместе.
Беснуйтесь! Мы не заодно.

Вы нам давно уже не братья.
Мы с вами не один народ.

* Тарас Шевченко.

Кто рад бежать к врагу в объятия,
тот вырожденец и урод.

В Крыму весна... Не свищут пули.
И в марте маки зацвели...
Мы в лоно русское вернули
святую пядь родной земли.

Рычат нацистские дворняги,
грозит войной майданный сброд...

Андреевские плещут флаги.
И в Русском море — Русский флот.

18 марта 2014

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Беспощадный, коварный и подлый,
вот он, Запад, во всей срамоте.
Европейцев содомские кодлы
мир толкают к последней черте.

С острой болью взирая на это,
в новом смраде фашистской чумы
беспокойное сердце поэта
мир спасает от гибельной тьмы.

И за высшие смыслы в ответе,
Бог простит наш расколотый свет,
если будет, как прежде, на свете
хоть один гениальный поэт...

13 апреля 2014

ЗАЩИТНИКАМ НОВОРОССИИ

Держитесь, Луганск и Донецк,
Славянск, Краматорск, Мариуполь!
Бандеро-фашистский свинец
все маски сорвал наконец.
Идёт Украина на убыль.

История против неё.
В предательском раже утробном,
взлелеяв тупое враньё,
призвание отвергла своё
она с ликованием злобным.

Держитесь! Мы смотрим на вас.
И сердце бессонное знает:
услышан Божественный глас.
Идущий на смерть за Донбасс —
Россию собой заслоняет.

Держитесь! Герои, бойцы!
Защитники Новороссии!
Стоят рядом с вами отцы —
далёких времён молодцы
и светлые лики святые.

Держитесь! Россия придёт —
собратья, готовые к бою.
Победа, как утро, — грядёт.
И русское солнце взойдёт
над вашей и нашей землёю!

8 мая 2014

* * *

Свободу завоёвывают кровью.
Не признаёт она иных щедрот.
Она своей безжалостной любовью
на пьедестал ведёт и эшафот.

Свободу завоёвывают кровью.
Глуха к словам без жертвы и борьбы,
она, как смерть, не поведёт и бровью
на уговоры, просьбы и мольбы.

Свободу завоёвывают кровью.
Подкожный страх пред нею изживи.
Цхинвал, Донецк, Луганск и Приднестровье
познали яд и мёд её любви.

Свободу завоёвывают кровью.
Когда остры глаза, сердца и слух,

ни жалам пуль, ни чёрному злословью
не победить в крови свободный дух.

Жестокий мир овеян русской новью.
За русский новый мир идёт война.
Свободу завоёвывают кровью —
и лишь тогда навек она верна.

1 июня 2014

СЛАВЯНСК

Душа навечно сохранит
дней окаянных перегрузки...
Весь мир молчит и Кремль молчит,
когда из танков бьют по русским.

Когда по русским лупит «Град»,
зевает мир за бога ради.
Славянск, как Брест и Ленинград,
стоит, не сдавшийся в блокаде.

К нему из адской черноты
слетелись укроотщепенцы.
И заполняют блокпосты
со всей России ополченцы.

К победе русской путь таков...
И к подлой власти нет вопросов.
И, как скала, стоит Стрелков.
И Некто предал новороссов.

9 июня 2014

РУССКИЙ ХОЛОКОСТ

Стонет мир от футбольных страстей:
«Ух ты!..»
Распинают в Славянске детей
укры.

Над Донбассом снаряды свистят:
«Грады».

Города и деревни бомбят,
гады.

Рукоплещут убийцам хохлы —
праздник.
И майданные скачут козлы —
дразнят.

Русофобская мерзостно лжёт
пресса.
И «Маяк», точно проклятый, ржёт.
Бесы.

Пресловутый еврейский вопрос —
узкий.
В мире есть лишь один Холокост —
Русский.

15 июля 2014

ТАНК ПОД ИМЕНЕМ «СТАЛИН»

Укры бьют по больницам,
мрази долбят по школам...
Ополченские лица —
под святым ореолом...

От снарядного шквала
дети плакать устали...
И сошёл с пьедестала
танк под именем «Сталин».

В грудях дымных окалин,
в волнах воя и свиста
танк под именем «Сталин»
снова бьет по фашистам.

Брызжут яд в истерии
все скоты и уроды.
Но стоит за Россию
остров русской свободы.

Сошедший с постамента в г. Константиновке Донецкой обл. танк-памятник ИС-3 («Иосиф Сталин») разгромил блокпост нацгвардии.

В дни донбасского ада
в этих заревах грозных
кто-то видел солдата
в гимнастерке из бронзы...

23 июля 2014

НОВОРОССИЯ — КАК ЗВЕЗДА...

Невозможно убить мечту.
Новороссия не погибла.
От стенаний душа охрипла.
Но лелеют скоты вражду.

Разбомблённые города.
Изувеченная надежда.
Поселилась в сердцах надёжно
Новороссия, как звезда...

Ждёт предателей русский суд —
он мечту воскресит, как чудо.
Прижились среди нас иуды —
просто рай земной для иуд.

Мы запомнили их дела,
их слова, имена, личины.
Мы имеем свои причины
Всё иудство спалить дотла.

Безнадёжные дураки,
укры, твари, сыны заклятья...
Нам козлы-прыгуны — не братья.
Нам убийцы детей — враги.

Пусть лелеют они вражду,
если память вконец отшибло...

Новороссия не погибла.
Невозможно убить мечту.

31 июля 2014 г.

ЧЁРНЫЙ ПРИНЦ

ПОВЕСТЬ

Часть 1

Глава первая

Алые маки

Одинокий луч солнца, такой нетерпеливый и ласковый, вылетел из-за весеннего облачка, доверчиво прилёг на Элино плечо. Лямка летнего сарафана соскочила и беспомощно висела на тоненькой руке. Сколько ни поднимала её Эля за сегодняшний праздничный день, всё бесполезно, лучше не трогать. Алые маки рассыпались по тонкому крепдешину, сарафан в первый раз надела она сегодня на «обмытие» Лёшкиного диплома.

Лёшка — дальний родственник школьной подруги Риты, самой лучшей и самой верной, с которой Эля не разлей вода. Была у них в школе и третья подружка — Лера Булгакова, но с Ритой всё-таки гуляли чаще, да и интереснее с ней было. Она столько книг прочитала, на любой вопрос у неё свой ответ.

В Липецк её семья перебралась из Ярославля, поселились в новой девятиэтажке, недалеко от Элиного

ПРОЗА

дома, и Риту, тихую спокойную девочку с большими карими глазами и румяными щёчками, тепло встретил весь Элин пятый «А».

Алёша закончил в этом году машиностроительный техникум, отлично защитился, и в связи с этими приятными событиями его мама устроила дома грандиозное торжество. Пришли и студенты-сокурсники, и какая-то замечательная мамина подруга с сыном Эдиком, и Рита с Элей. Эля собственно была здесь совершенно случайной гостьей, она и видела-то этого Лёшку раз в жизни, обыкновенный парень, немного застенчивый, но подруга упростила: одной идти скучно, да и посидят недолго, для приличия, а потом гулять пойдут.

Первый день весны сиял неистово. Его непременно хотелось встретить в этом ярком сарафане! Дома Эля и внимания не обратила на соскальзывающую с плеча узенькую ленточку, быстро собралась, накинула шубу, в осеннем пальто ещё холодно. Это днём небо бирюзовое, нежное, облака золотистые. А по вечерам ветер жгучий и мороз, и кое-где сугробы ещё по колону.

Алёша встречал их в прихожей, помогал раздеваться, как истинный джентльмен. Шубы повесил в шкаф, шарфы и шапки закинул на полку, сопроводил в зал, где уже важно сидели его терпеливые гости.

Лёшкина мама наносила последние штрихи к сервировке стола, он уже буквально ломился от всяких яств. И всё на нём расположилось по неоспоримому закону этикета, белоснежная скатерть с кружевом, мельхиоровые ножи и вилочки по краю тарелок, льняные салфеточки, умело уложенные взлетающими птицами. И котлетки на блюдах ароматные, и рыбка в кляре, и курочка фаршированная, и словно дышащее пюре. И разноцветье салатов, и даже апельсины с яблоками на серебряном подносе.

И около всей этой красоты и опрятности, высокие и статные, с пышными причёсками две миловидные ухоженные дамочки, обе воспитывающие сыновей в гордой самостоятельности, без их недостойных отцов. Мама Алёшки и мама Эдика. Эдик, как фотомодель с обложки модного журнала: строгий костюм молочного цвета, волосы прядями откинута назад, взгляд высокомерен, но чист, редкое слово, сказанное Эдиком, подруги-родительницы ловят с обострённым вниманием — эрудит.

Алёшка хоть и держится галантно, но совсем не такой, намного мягче и проще, только вот молчаливый, как будто ему и здесь, в своём родном гнёздышке, отчего-то за всю эту мамину уютность неловко.

Сколько раз уже ловила Эля его осторожный взгляд. И как только встретятся они глазами, он свои сразу же спешит отвести.

— Твой брат меня не узнаёт, наверное? — поделилась с Ритой.

— А, по-моему, очень даже неплохо узнаёт, — отозвалась Рита. — По-моему, ты ему просто нравишься...

— Вот только не это, не это, Риточка, — смутилась Эля и поправила в очередной раз упавшую лямку.

Гости, наконец, уселись, вспорхнули птицы-салфетки, улеглись на коленях, наполнились и зазвенели бокалы, негромко застучали вилички по тарелкам.

— Ну почему?.. — не сразу, но всё-таки продолжила начатую тему подруга: она уже выпила налитое ей шампанское и заметно повеселела. — Он интересный человек, и очень даже симпатичный. Ну, приглядишься! Он тебе совсем-совсем?.. Ни капельки?..

Эля сделала очередной глоток, и как только Рита справляется с шампанским так быстро?..

— Ну, Рита... я же тебе говорила!.. У меня с собой целых пять писем от Черкашина!

Но Рита не сдавалась, её ничуть не убедили доводы подруги, и, расправившись с крылышком цыплёнка, она демонстративно облизала пальчики, пропитала салфеткой губы и, словно бы и не спрашивая, спросила:

— Прислал всё-таки... Нашёлся, стало быть!..

— Да он на учениях был, на полигоне! А теперь вот все разом пришли!

Но Рита только махнула рукой, мол, отстань, из армии можно сколько угодно и всё что угодно написать! А Эле нечем было возразить — Сашка Черкашин и вправду был непредсказуем: то появлялся на её жизненном пути, то опять исчезал на долгие месяцы. Жил он в деревне, а Эля в городе, и встречались они лишь на летних каникулах. А зимой от него приходили весточки-приветы. Их привозила Лера Булгакова, её родня живёт в том же селе, на той же улице, что и Сашка, и даже дома их окна в окна глядят.

А перед армией Эля с Черкашиным и вовсе рассорились. И зачем только приходил он к ней в тот злополучный вечер!.. Даже страшно подумать, зачем?.. Только всё испортил. Сейчас пишет, чтоб она простила. Но по-прежнему не пишет, за что. За то ли, что с проводов своих пьяным к ней пришёл, накинудся как с цепи сорвался... что пришлось ей вырываться... Отбежав на приличное расстояние, она крикнула ему напоследок: «Никогда я тебя не прощу! Запомни — это навсегда!» А он ещё

долго сидел на зелёном бугорке, курил. Не окликнул, обиделся, видите ли. Хорошо, что совсем недалеко, за плетнём брошенного сада, ждали её брат с девушкой и соседский паренёк. Всю дорогу тот паренёк её развлекал: я, говорит, считал тебя малюпунькой совсем, давно ли в куклы играть перестала, а как оглянулся — батюшки — целуется! Так незаметно успокоил, что у калитки бабушкиного дома она уже улыбалась, и ночью улыбалась, и наутро, что честь свою девичью сберегла.

И целый год Сашка с какой-то другой девчонкой переписывался, а потом вдруг письмо от него пришло. И какое! И любит, и гордится, что она у него такая верная! И уже под своей фамилией письма отправляет — Черкашиной Эльвире!

И всё это благодаря Леркиному деревенскому брату Толику, который временно проживает у Леры. Родители-то её сейчас на Кубе, отец — заслуженный бригадир на стройке, от треста его послали в долгосрочную заграникомандировку. Старший сын у них в армии, младшего с собой забрали, а Лерку оставили за хозяйку. Все ей завидуют: и предки не «достают», и шмотки фирменные привезут, отцу какие-то специальные купоны на покупку импортных товаров дадут.

Эля раньше часто к Лере заходила, как-никак и десятилетку вместе заканчивали, без Риты уже, и в медучилище вместе поступили. А потом Леру отчислили за прогулы, она поступила в другое заведение на стенографистку. Появились у неё новые друзья-подружки. И выпьют, и покурят, и в картишки поиграют. Словом, сейчас Эля к ней не заходит, не вписывается она в чужую компанию, даже переживать за Леру стала. Хорошо ещё, что Толик за ней приглядывает. Он очень серьёзный, просто копия своего дяди — сурового Леркиного отца, но почему-то отморозил однажды такую глупость: «Эль, выходи за меня замуж!» Эля думала, что он шутит, и тоже пошутила, мол, как восемнадцать исполнится, а пока чемодан начну собирать! Лера разобиделась, зачем ты с ним так. Ну, Эля и призналась, что Черкашина любит. И Толик сразу написал письмо Черкашину, мол, если она тебе не нужна, так напиши честно по такому-то адресу, вразуми, чтоб не ждала. А Черкашин всё наоборот сделал.

Гости веселились, поднимали бокалы, говорили тосты. И Эля тоже наполнила свой бокал:

— Рит, выпьем за меня с Сашкой?! Ты ведь у нас свидетельницей будешь...

— Ну, ладно, — вздохнула Рита, — выпить выпью, а вот в свидетельницы, это ещё посмотрим...

«Да что ж смотреть-то!» — хотела возразить, год ведь уже переписываются. В мае уже отслужит!

Но тут раздался звонок в дверь, и она остановилась на полуслове, потому что все, и Рита в том числе, обернулись к прихожей, куда ушёл совсем погрузневший Алёша.

Возвратился он, улыбаясь, прямо сияя. За ним в зал вошёл такой же высокий и стройный парень в светлой рубашке и распахнутой джинсовой курточке.

И что тут началось! Мама Лёшки убежала за чистыми приборами, принесла подогретую картошку, зашебетала:

— Егорушка! Какой молодец, что пришёл!..

И всё остальное: и как там твоя мамка, и как твой папка, и как сестрёнка? И где ты учишься, и пойдёшь ли в армию...

Этого Егора можно было только пожалеть. Ах-ах-ах! Ему даже жевать некогда было! Через пять минут все гости знали, что учится он в «политехе» на втором курсе какого-то мудрёного факультета, название которого Эля сразу же забыла. Зачем он ей?! И сколько внимания! У неё, например, ещё никто и не поинтересовался, где она учится. А она, между прочим, поступила на самое престижное акушерское отделение медицинского училища!

А потом Лёшка включил магнитофон, все разом вышли из-за стола, разбрелись кто куда: Алёша позвал Риту пообщаться в своей комнате, наедине, две пары танцевали у серванта медленный танец, мама с подружкой удалились, чтобы не смущать молодёжь, на кухню. За пустым столом остались лишь Эдик со своими томными глазами и чёрной бабочкой на воротничке, и Эля. Недолго раздумывая, она вылила себе в бокал оставшееся в бутылке шампанское, мысленно сказала себе: «За нас с Саш...» Но увидела в дверях Егора. Он стоял, прислонившись к косяку, и наблюдал за ней улыбающимися глазами.

И на этом месте медленный танец закончился, начался быстрый. А Эля даже не пригубила. Угрюмый Эдик очнулся, налил себе водки, позвал Егора быть третьим в их сиротской компании.

— Ну, если только за красный диплом, то непременно! — сразу согласился Егор и сел за стол, опять взглянув на Элю.

— Конечно, за него! — отозвался Эдик.

Эля сделала глоток: «За Лёшу и его диплом!»

Вернулись Алёша и Рита, молча сели за стол. Эля интуитивно поняла, что говорили о ней. Наверное, он расспрашивал, есть ли у неё парень. Как неловко, как неловко! И, не дай-то Бог, он пригласит её на медленный танец, только бы звучала и звучала, и не кончалась эта лёгкая ритмическая музыка. И хорошо бы, если бы Рита ему уже всё рассказала о Черкашине, что Эля одного его любит, одного его ждёт, и, практически, она почти за ним замужем...

А потом все танцующие обратили внимание на возвратившегося Алёшу, тоже поспешили наполнить стаканчики. За всеобщим оживлением и весельем Эля и не заметила, как куда-то исчез Егор. И не с кем стало переглянуться. К тому же теперь Риту увела в свою комнату Алёшина мама, наверное, расспросить о житье-бытье.

Поэтому, когда заиграла грустная мелодия, Эля решительно встала и направилась на кухню. Она не знает — зачем. Просто уйти от греха подальше, чтобы не обидеть ненароком Алёшу отказом, если он пригласит её танцевать.

И вот она вошла и, прислонившись спиной к стене, замерла. Егор сидел на единственном оставшемся здесь табурете, нога на ногу, и курил, глядя в окно. Она не дышала. Что ещё он может подумать?! Ещё вообразит себе, что она искала его! Господи, какие странные мысли лезут в голову! Хотя, что ж тут странного, просто пришла, просто стало скучно. Скучно без него? Ну, это уж слишком. Главное, не надо молчать, нужно спастись положением. Но она молчала.

Он оглянулся, словно почувствовал чьё-то присутствие. Задумчивый взгляд его не был удивлённым. Только качнулась слегка его верхняя нога. Кажется, чуть дрогнули смуглые, длинные и красивые пальцы, держащие сигарету. И тоже замерли. И ни слова никто не говорил, только смотрели друг на друга какими-то отрешёнными взглядами. Эля даже не сразу почувствовала, что стена холодная, а луч солнца, доверчиво прильнувший к её плечу, почти горячий.

Почему ей так приятно смотреть на него? Его глаза словно завораживают. Ни синие, ни карие, ни зелёные, а какого-то прямо колдовского, мягко изумрудного цвета.

— Эля! Ты где от нас спряталась?! — послышался напевный голос подруги, и на кухню ввалилась целая толпа: и Эдик, и Алёша, и ещё один припозднившийся приглашённый молодой человек.

Неужели только из-за того, что она взглянула на Егора умоляюще, он сразу поднялся, затушил бычок в пепельнице, и, пригласив её на танец, увёл из кухни за руку, как маленькую девочку, потерявшуюся в незнакомом пространстве.

Глава вторая

Любовь оправдывает всё

Поздним вечером они возвращались домой. Шли пешком через лог, разделявший их микрорайоны. Риту провожал Станислав, тот молодой человек, который пришёл позже всех.

Он тоже жил с Алёшей в одном дворе, и все они учились в одном классе. Егора крепко держала под руку Эля. Она буквально вцепилась в рукав его дублёнки, чтобы не упасть, поскользнувшись на спуске. Шуршали в кармане Сашкины письма, топорщились там, и того и гляди высыпались бы в снег, когда все вздумали прокатиться с горки. Из осторожности Эля приостановилась, а Егор поехал один. Горка была крутая, и на самой середине его резко отбросило назад. Он упал плашмя на спину, растянулся и лежал неподвижно. Все кинулись к нему, не зная, жалеть или смеяться. А он лежал и не думал вставать, и так ему было хорошо, что, тоже посмеявшись, он просто лежал и смотрел в небо. И напрасно Эля протягивала ему руку.

Станислав и Рита уже поднимались в гору. А он всё лежал.

— Вставай же, простудишься! — Эля опять протянула ему руку.

— А ты любишь звёзды? — неожиданно спросил он.

— Звёзды? — переспросила она.

Она никогда не думала, любит ли она звёзды. Она смотрит на них иногда, когда бывает грустно, но чтобы любить... Почему она должна их любить? Они далёкие, холодные, ведь они только отражают солнечный свет.

— Да, они мне нравятся, — ответила и для убедительности подняла голову и посмотрела на небо.

А оно было и впрямь удивительным, судя по нему, завтра прямо ручьи побегут.

— Нет, ты не так смотри. Иди ко мне! Да не бойся же!

Она подошла, и он попросил её прилечь рядом на снег. Она прижала руку к внутреннему карману, чтобы не вывалились письма, и осторожно легла.

— А теперь смотри! Видишь?..

Эля лежала на его руке и смотрела на звёздные россыпи, и ей показалось, что они с Егором не на земле сейчас, а в каком-то другом мире, в каком-то другом царстве. Страшно подумать — в небесном царстве. И каждая звёздочка дружески приветствует их, мигает, ободряя ласково и нежно.

— Вот Большая Медведица, видишь ковш? Вон Малая... — указывал он свободной рукой, а там звезда Кассиопея. А вот Млечного Пути здесь совсем не видно...

И он вздохнул, словно сожалея, что не увидит сегодня этого Млечного Пути. Нет, Сашка совсем не такой, сколько ни сидели они с ним на лавке под берёзой, сколько ни целовались до утренней зари, а никогда на небо не смотрели, и ни разу он не поинтересовался, любит ли она звёзды.

— Пойдём, а то кто-нибудь увидит, что подумают?.. — сказала она, поднимаясь.

— Пусть думают, что хотят, важно, что мы думаем, — ответил он и всё же стал подниматься.

Когда поднялись в гору, увидели обнимающихся Риту и Станислава. Те немного смутились, что их застали врасплох, но тут же выкрутились, мол, совсем замёрзли и уже не знали, как согреться, зашли бы в подъезд, да потерялись бы из виду.

— Ладно-ладно, не оправдывайтесь, — в шутку ободрил их Егор, а когда все четверо пошли дальше, сказал, совсем не шутя: — Любовь оправдывает всё!

— Ого! — удивилась Рита. — Это кто так сказал? Никогда раньше не слышала...

— И не услышишь! — бодренько отозвался Станислав. — Это он сам придумывает! Он ещё и не такое скажет!

Егор даже не ответил, словно дальнейшая судьба сказанной им фразы совсем его не касалась, а Рита после долгого размышления, когда каждый уже думал о своём, подвела резюме:

— Философия... однако!..

С этими словами они и приблизились к дому Риты.

А Элин стоял дальше, и Станислав обещался дожидаться Егора.

В тёплом подъезде на первом этаже Егор пожал ей на прощание холодную руку и сказал:

— Когда-нибудь я расскажу тебе о звезде-призраке, которая, как Летучий голландец, блуждает в небе. И никто, представь себе, не знает, планета это или космический корабль. Появляется она, где ей угодно и когда угодно, и совершенно не поддаётся никакому астрономическому изучению. Учёные дали ей имя: Чёрный принц.

И пока Эля старалась сообразить, о чём это он говорит, он притянул её к себе и чмокнул в щёку.

Глава третья

Тайна

Всю следующую неделю Эля читала-перечитывала Сашкины письма и разглядывала фотографии.

Что же это за любовь у них такая, что она ничегошеньки не знает о нём, ни привычек, ни увлечений? Она даже не знает, троечником он был или хорошистом. Почерк у него красивый, и сам он как артист. Вот у БМП, облокотившись на свою боевую машину пехоты, в солдатской гимнастёрке с

растёгнутыми верхними пуговичками. А здесь в госпитале, в больничной пижаме, с перевязанной рукой и пристальным взглядом.

Вот таким она полюбила его, гордым, уверенным в себе. И хотя двоюродные братья выбора её не одобряли: мало того, что Плехановский, и сёла их враждуют, так ещё и бабник. Но ведь для Эли оба села родные, одно по отцу, где братья, другое по матери, где Сашка... А что бабник, это злые языки, сплетни. На самом деле Сашка смелый и сильный, и никто из деревенских парней не смел даже приблизиться к ней, так он её ото всех оберегал, только вот почему-то в последнюю встречу так некрасиво с ней поступил?.. Даже и представить себе невозможно, как шла бы она одна в темноте мимо заросшего кладбища...

Дни стояли солнечные, но холодные. На Восьмое марта намечались в городе народные гуляния — Проводы зимы.

Перед выходными Эля забежала к Рите. Новости, которые она узнала, были сногшибательными: к ней заходили Станислав и Егор, свидание назначено на завтра. И никаких возражений по этому поводу и самоотводов не принимается!

— Рита, Риточка!!! — радостно стонала Эля — Что же мне делать?..

Радость переполняла её сердце, ведь не было дня, чтобы она сама не вспомнила этого Егора. И втайне надеялась, что он и вправду расскажет ей когда-нибудь о какой-то загадочной планете. Да и не в Чёрном принце, собственно, дело, а в том, что ей всю неделю, а, может быть, и всю жизнь не хватало именно его, его лирической души, его непостижимого колдовского взгляда.

— Что делать, что делать? — передразнивала Рита. — Любить! Ты же слышала: «Любовь оправдывает всё!»

Что, собственно, оправдывает, Эля не знала. И перед кем ей оправдываться? Воздушные Сашкины поцелуи, обилие признаний, по большому счёту ведь нечто абстрактное, чего нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни даже поверить в их искренность. Может быть, права Рита, что в армии перед «дембелем» ему просто нечем заняться, вот и строчит одно письмо за другим, и в каждом почти одно и то же?..

— Не забывай ты себе головушку, иди на свидание с Егором. Сразу видно, он хороший человек.

— Ты так думаешь?.. — И радовалась солидарности подруги, и горестно вздыхала, сомневаясь. — Ой, Риточка...

— Не стони, даже очень хороший. Мне это и Стасик сказал. Правда, он ещё кое-что сказал, но это уже дело третье и тебя не касается.

Рита отвела глаза, а Эля так и ахнула:

— Как это не касается? Меня теперь всё касается, что его касается.

— Вот оно как! — улыбнулась подруга — Как Алёшку, так не нужно — я верная, а как Егора — так всё касается!

Но долго-долго лёжа ночью с открытыми глазами, Эля уже пожалела, что Рита открыла-таки ей тайну, лучше бы она отшутилась. Ну, куда ей деваться теперь от этой правды? — У Егора есть девушка, где-то далеко-далеко в деревне...

Глава четвёртая

Проводы зимы

«Ну и пусть, и пусть!» — думала, собираясь на встречу. И с чего это она взяла, что у них свидание? Может быть, это обыкновенная дружеская встреча, не более. И опять он пожмёт ей на прощание руку, и опять уйдёт. На неделю, на месяц, или вообще навсегда. А значит, и не о чем жалеть, и нечего загадывать. Ишь! Раскатала губы! Какого парня отхватила! И красивый, и о звёздах рассуждает, о Чёрном принце каком-то загадочном. Пусть он басни эти соблазнительные девушке своей рассказывает, а она больше ни за что на свете не посмотрит с ним на небо, на его звёздные россыпи. От этого одно головокружение, и больше ничего! А с другой стороны, чего это она обижается, чего навывдумывала себе?! Будут смотреть по-дружески, как брат и сестра. И ничего такого, и никаких поцелуев, даже в щёчку. И на том спасибо, что излечил её от Сашки Черкашина, она за эту неделю столько всего переосмыслила, что за все четыре года осмыслить не могла! Как глаза открылись! Совсем они, оказывается, с Сашкой чужие. И на небо он при ней ни разу глаз не поднял, а если и поднял, то лишь на тучки посмотреть, не собирается ли дождь. И звёзды ему лишь на хорошую погоду указывали. И разве смог бы он так легко и просто сказать: «Любовь оправдывает всё!» Это какие-то очень важные слова, из философии, а может, и того хлестче — из религии. В общем, ответа Сашке она не отправила, и более того, не хотелось ей ему отвечать. Не любит он её, не любит по-настоящему, потому что теперь она чувствует, что не так любят! Нет, она ещё не знает, как, но не так, ведь каждый раз, когда она уезжала из деревни, он провожал из клуба других девчонок! Других защищал, других оберегал. Господи, ну конечно, бабник!

Ну, и никого ей тогда не надо! И пусть этот распрекрасный Егор со своей любимой девушкой счастлив будет, и пусть Черкашин себе другую дуру ищет...

С этими отчаянными мыслями Эля вышла из подъезда, по пути вспомнив, на какой ступеньке стояла она, на какой Егор, когда он всё-таки, несмотря на свою далёкую любимую, нежно притянул её к себе.

И опять сияло солнце, и слезились от его яркости глаза.

Ребята ждали их под часами у старого здания городской филармонии. Эля невольно отметила, что и здесь никогда не встречались они с Черкашиным: только деревенский клуб, тесный и насквозь прокуренный, только тропинка к бабушкиному дому, только лавочка под берёзой и его жадные губы. И, конечно, соловьи. Всю ночь соловьи. Но слышал ли их Сашка?..

Станислав радостно обнял Риту:

— Здравствуйте, девчонки! С праздником!

И торжественно вложил в её ладонь маленькую коробочку. Она вскрикнула, рассматривая:

— «Сигнатор!» Мои любимые!!

Нетерпеливо вскрыла упаковку, вытащила круглый флакончик и с видом знатока — а как же, будущий товаровед! — насладились нежно-сладковатым запахом. Потом дала понюхать Эле, сказала, что это один из лучших ароматов болгарского парфюма!

Егор молча улыбнулся, взял Элю за руку, и они пошли в парк.

У высокого столба, окружённого толпой зевак, остановились посмотреть, как поочередно лазают по нему голоторсые мужики, охочие до висящих на верхушке подарков. Эля сунула руку в карман и ойкнула, наткнувшись на что-то. Это были французские тени, как раз под серые Элины глаза. Она неловко улыбнулась Егору, как бы спрашивая: «Ну, зачем?» Он сразу отвернулся, только пожал кончики её пальцев.

А потом они стояли в очереди за блинами, их тут же, на улице, пекли наряженные в цветастые шали поварахи, потом ели их с невероятным аппетитом в сторонке от толпы, под широкой липой, смеялись, вспоминали, как «прокатился» с горки Егор. И Эля была бы вполне счастлива, ведь ни с кем ещё не провожала она зиму, никто из парней, не считая одноклассников, не дарил ей подарков на Восьмое марта, если бы не назойливые мысли о его деревенской девушке.

В тот вечер они долго молчали в гулкой подъездной тишине, боясь нарушить её словом. Он курил сигарету за сигаретой, сидя у стены на корточках, потом встал, облокотился на перила, а она, притулясь на подоконнике, разглядывая ночные огоньки.

— Зачем ты так много куришь?.. — спросила, вспомнив вчерашнюю лекцию по анатомии. — Столько смолы оседает в лёгких...

— Не знаю, не думал об этом... Просто курю и всё, — ответил он, не оборачиваясь.

— Может быть, не всё так просто? — спросила она.

— Может, и не просто. Всё в жизни не просто, — отозвался он. — Не надо, не переживай так, не преувеличивай сложности...

— Думаешь, не переживать?.. Но как же нам тогда быть?!

— Ты действительно почти замужем? — совсем глухо спросил он.

Она онемела. Откуда он знает? Кто мог сказать?.. Ах, да! Она же сама сказала Рите, а та сказала Алёше, а Алёша Егору. Но зачем?..

— Что же ты молчишь?.. Значит, это правда? А я-то ещё как-то надеялся, что Алёшка просто так сказал, чтобы ты никому уж из нас не досталась...

Эля всё молчала. Что же ей сказать ему?

Но он помог ей сам. Он подошёл к ней совсем близко, обеими руками взял её вспыхнувшее лицо и посмотрел прямо в глаза:

— Скажи хоть что-нибудь...

И она прошептала:

— Как же я достанусь тебе, если ты сам принадлежишь другой?..

— Я?.. Да кто сказал тебе?.. Ну, у меня и вправду есть одна знакомая девушка, мы переписываемся... но я ей не принадлежу. Это моя беда, что она любит... а я её не люблю. То есть люблю, конечно, но совсем не так, как надо любить... Как, быть может, уже люблю другую...

— Другую? И кто же она?..

— А ты разве не видишь?..

И он прижался губами к её приоткрывшимся губам. Она не отвернулась. Она не понимала, что с ней происходит: какое-то невероятное счастье врывалось в её размеренную, почти спланированную жизнь. Что-то будет теперь, но что бы ни было, к Сашке она никогда уже не вернётся.

И Эля рассказала Егору, какое чудо прозрения произошло с ней за эту неделю. И они ещё долго стояли, прижавшись друг к другу, счастливые и успокоившиеся...

Глава шестая

Подари мне себя

Вторая декада весны не радовала солнечной погодой. Вместо золотистого сияющего неба, над серыми унылыми дома-

ми и садами большими рваными клочьями повисли тяжёлые и сизые снеговые тучи. С них то и дело хлопьями валил снег, устилая размокшие было в начале марта дороги, и не было этому снегу конца и края: вместо прежних, вчерашних, осыпавшихся облаков, угрюмой стеной надвигались новые.

У Егора не клеилось с зачётами по сопромату и термодинамике, но он, вместо того, чтобы с головой погрузиться в конспекты, невесомым судёнышком выплыл из стремительного океанического потока студенческой жизни и лежал на его поверхности, не желая сопротивляться своим чувствам.

А чувства распирали его, грудь теснилась от чего-то важного, значимого. И неописуемо чистого, и ослепительно светлого.

Все мысли его с раннего утра принадлежали ей одной — тоненькой, курносой светлолицей девушке, которую он увидел первого марта у Алёшки Беликова. И до самого позднего вечера и даже когда просыпался среди ночи, всё стояла она перед ним, хрупкая и молчаливая, словно осыпанная кем-то с небес лепестками алых маков. Волосы её пушистые, мягкие, как шёлк, нежно согревают его ладони, губы её шепчут ему какие-то невообразимые слова.

И нет сердцу покоя, потому что каждый вечер, щедро одарив его ласковыми улыбками и поцелуями, она уходит, скрываясь за стенами своей квартиры. А он терпеливо несёт своё разгорячённое тело домой. Тёмными, холодными, безлюдными улицами. Чтобы прийти и всю ночь пролежать с открытыми глазами, всю ночь помнить её распахнутые глаза и чтобы всю ночь ласковым шелестом звучало в ушах её тихое умиленное «милый»...

Третью неделю он не отвечает на письмо Светланы. В чём же она виновата? И в чём он виноват? Он не кривил душой, когда признался Эле, что почти страдает от той детской привязанности. Да и что, собственно, было между ними? Ему скоро девятнадцать, а она ещё совсем девчонка. И вся любовь её была выдумана ею, потому что ничего такого и не было. Ни пожатия руки, ни поцелуя, ни даже взгляда намекающего, всё бегло и осторожно, чтобы не привязать к сердцу, но так и вышло. Чем больше он, приезжая в деревню, избегает встречи с ней (в письмах-то общаться куда проще), тем сильнее разжигаются страсти в её романтической душе. Она пишет, что начала сочинять стихи, и полны они бесконечной печали и надежды:

*Колода лежит, как камень.
Где былая моя беспечность?*

*Подари мне себя на память,
Подари мне себя на вечность...*

Как он может обидеть, как он может разочаровать её в таком юном возрасте? Она же совсем ребёнок. Оттого и вдвойне тяжелее вспоминать о ней сейчас, когда он уже не одинок, когда день ото дня всё крепче срастается его душа с Элиной душой.

Вот и Эля, когда он недавно пригласил её, Стаса и Риту к себе домой, расстроилась из-за этих Светланиных писем. И зачем он показал ей эти стопки?.. Получается, всё-таки хвалился, дескать, смотри, сколько — больше сотни писем! И в каждом по три, четыре листа.

Он положил их на полочку под столом и ушёл со Стасом в магазин: родители-то уехали, а дома из еды — шаром покати. Не ожидали, что сын вздумает остаться, не поедет к любимым дедуле и бабуле. А раз не поехал — то будь добр сам позаботиться о своём пропитании, оставили ему немного денег и со спокойной душой уехали.

Они ушли, а девчонки остались «шуршать» по хозяйству. Рита взялась чистить картошку, а Эля быстренько пропылесосила Егорову комнату и села за письма. Он так и застал её за этим неблагодарным делом — по щекам её пробежались слёзы.

Весь вечер потом он только и делал, что смешил её. Он буквально уморил всех, и себя в том числе, бесконечными шутками и анекдотами, которых наслушался в стройотряде, но Эля то смеялась, повалившись на кровать, то опять уходила в себя.

За окном было совсем темно, когда Стас и Рита вышли из отцовской комнаты, куда незаметно удалились, пока Егор и Эля рассматривали толстый семейный фотоальбом. У порога Егор заснял на свой старенький фотоаппарат их полусонные лица, проводил до лифта, Элю он не хотел отпускать, просто невозможно было отпустить её в таком подавленном состоянии. Он во что бы то ни стало должен её успокоить и заверить, что ничего противозаконного они не совершают по отношению к Светлане.

А Эля, как назло, увидела и Светкины фотографии. Ну, на одной, допустим, их много там, мальчишек и девчонок, сидят в овраге у колхозного сада, а вот вторая фотография, действительно, была почти что уликой. На ней запечатлена одна Светлана. Профессиональный снимок, красивый. Светка сидит такая задумчивая, такая одухотворённая, с какой-то загадочной полуулыбкой Джоконды, и смотрит прямо в объектив, чуть-чуть снизу и наискосок.

Ему и самому нравился этот снимок, и Эля так долго от него не могла оторваться. А потом, ко всему прочему, она повернула фото, а там памятная надпись: *вечно любимому от вечно любящей*.

Ну, как объяснить, что просто не может Светка по-другому, всё у неё сейчас «навечно»? Бывает, и письма присылает такие, что диву даёшься: накрасит губы яркой помадой и расцелует весь листок сверху донизу.

Ну, такая она! Что с неё возьмёшь? Но видела бы Эля его письма! Все они скучные, если только историю какую-нибудь сногшибательную расскажет, так, чтобы рассмешить, не более того.

Вот и сейчас он опять в роли какого-то шута, но ведь сейчас совсем другое дело! Всё по-другому! Когда он только смотрит в Элины глаза, светлые, чуть раскосые, умоляющие о какой-то невероятной нежности! Когда только смотрит! А что говорить, если прикасается к её локотку или бархатной щёчке, если бы она знала, какая сила рождается в нём! Но разве знает она, разве понимает хоть что-нибудь в его мужских чувствах?..

— Знаешь, хочешь, обижайся на меня, хочешь, нет, — сказал он, когда она со слезами на глазах в очередной раз убежала в коридор обувать сапоги, — но домой я тебя сегодня провожать не пойду! И тебя никуда не отпущу! Завтра пойдём вместе, всё объясним твоим родителям.

— Ты что, с ума сошёл? Ты ещё не знаешь моего отца, — всхлипнула она, уткнувшись ему в плечо жарким заплаканным лицом, — ему ничего нельзя объяснить, он убьёт меня!..

— Ну.. ну.. — лихорадочно соображал, чем бы успокоить, прижимая к груди её голову, глядя растрепавшиеся волосы. — Ну, тогда мы скажем ему, что мы поженимся... что мы подали уже заявление...

И — о, чудо! — она перестала плакать, она умолкла на его плече, как ребёнок, которому дали незнакомую игрушку, и он рассматривает её с неподдельным интересом и не знает ещё, как в неё играть, но уже довольный и успокоившийся.

Потом она немного отстранилась, заглянула в его глаза так растерянно и спросила тихо, словно простонала:

— Егор, ты это серьёзно?..

Голос её дрогнул, и он не удержал себя: его вдруг охватила такая силища, такой порыв, такой жар окатил с головы до ног, что он схватил её, почти испуганную, ошеломлённую, на руки, унёс в свою комнату, положил на заправленную кровать и стал целовать губы, шею, плечи. Да так, что если бы опомнился — испугался бы: так крепко, так жаростно никогда ещё и никого не целовал он в своей жизни!

Лишь далеко за полночь они пришли в себя и увидели, что лежат на кровати совершенно без покрывала, оно куда-то сбилось и повисло между стеной и кроватью. А сами они какие-то взъерошенные, совершенно обессиленные, полураздетые, но что обоих до слёз рассмешило, так это мягкие замшевые сапоги на Элиных ногах — с расстёгнутыми молниями и отвёрнутыми по обе стороны голенищами: так радостный длинноухий сеттер бежит навстречу своему хозяину.

Глава восьмая

Счастье

На следующий день, лишь чуть рассвело, они встали, попили чай, доели заветренный сыр, так и оставшийся вчера лежать на тарелке, и отправились в путь.

Ночной морозец залатал подтаявшие лужицы, легко дышалось ранней апрельской прохладцей, на душе тоненьким хрустальным звоном звенели серебряные колокольчики.

Чтобы немного прийти в себя от навалившегося счастья, собраться с духом перед предстоящим объяснением с Элиным отцом, Эля знала, что с мамой-то проблем не будет, и уже успела убедить в этом Егора, они решили пойти пешком.

Город ещё только пробуждался, редкие прохожие попадались навстречу, торопливо пробегали мимо, спеша на ближайшую остановку, а они шли, подгоняемые в спину сухим колким ветерком, и почти всю дорогу задумчиво молчали.

У Ритино дома Эля немного оживилась. Она замёрзла, и ей хотелось просто отдохнуть, погреться в подъезде. Они так и сделали, зашли в подъезд, он расстегнул куртку, она нырнула в его тепло, прижавшись к шерстяному свитеру. Свитер был мягок и душист, из него ещё не выветрился запах одеколлона, нежный, горьковато-пряный. Он слегка кружил голову, дурманил.

«Господи, за что мне такое счастье? Такое бывает только в книгах или в кино!» — думала в сладкой дрёме.

Они даже ни разу не поссорились за эти два месяца, им даже не из-за чего перечить друг другу, у них такая гармония в отношениях, такая идиллия, что, кажется, такое и невозможно в обыкновенной жизни с обыкновенными людьми. Иные мечтают об этом всю жизнь, и не получают. За что же приходит такое счастье?.. Когда оба... Одинаково... Крепко...

Дверь им открыла мама, первая вошла Эля, держа за руку Егора, потом вошёл он, немного смущённый, от волнения глуповато улыбаясь.

— Мама, я говорила, это Егор. Егор, это — моя мама.

Мама совсем опешила, отступив немного, стояла и смотрела на них, крепко прижимая к груди свёрнутую простынь, как будто это была самая дорогая для неё вещь.

Эля не стала выводить её из временного ступора, быстро разувшись, повела Егора на кухню, где журчала вода, а, значит, был отец. Отец стоял к ним спиной, он мыл тарелки и чайные чашки после завтрака. Похоже, он даже не слышал, что кто-то пришёл. Эля ведь постучала тихо, чтобы никого не разбудить в это раннее утро выходного дня. Или слышал и знал, что это она вернулась, его единственная дочь и надежда: от сына, по его мнению, на старости лет он и водички не дожждётся; и готовился к предстоящему серьёзному разговору.

Но Эля не собиралась медлить. Иначе неизвестно, как оно всё повернётся.

— Папа, я выхожу замуж...

Отец как не слышал, продолжал ополаскивать чашечки.

— Мы подали уже заявление. Познакомься, это Егор.

Эля смотрела на спину отца и наблюдала, как плечи его слегка обмякли, уши стали краснеть, сделались совсем как бурлак.

И вот он обернулся, наконец, как в замедленном кино, взял со стола вафельное полотенце, долго вытирал им руки, потом сказал каким-то уж совсем не похожим на свой голосом и как-то неестественно членораздельно:

— Ну, что ж, ты уже стала взрослая, совершеннолетняя, сама можешь принимать решения... Поздравляю!..

И они с Егором обменялись рукопожатием.

Глава девятая

Синие бабочки

Егор в первый раз был в Элиной комнате. Здесь стояла её кровать, аккуратно заправленная со вчерашнего дня, письменный стол, кресло, шкафчик. На стене висели ковёр и миниатюрные часики. Сквозь гардины проникал рассеянный солнечный свет, за окном медленно качала тонкими ветками молодая берёза.

Сколько раз он представлял Элю в её комнате. Как сидит она за столом и рисует младшему брату индейцев, которыми тот бредит с детства, или читает своих любимых классиков: Пушкина, Тургенева, Куприна... или изучает конспекты по анатомии, которую недолюбливает и побаивается, по фармакологии, которая буквально изводит её бесконечной зубрёжкой...

А вот тут под этой люстрой она однажды, чтобы проверить, не слишком ли коротко подшила школьную форму, резко подняла руку, в которой держала массажную расчёску, и вдребезги разбила плафон. За что получила от отца крепкую взбучку. Вот на этой кровати, с краешку, укладывала с собой спать всех своих кукол, какие только были, штук пять или шесть, и они охраняли её в темноте от «всадника без головы»...

А сейчас она вяжет себе кофточку каким-то мудрёным ажурным узором. Вот лежит в кресле пакетик с цветными клубками, и торчат из них тоненькие спицы.

Она ему столько всего рассказывала, а он так ясно это представлял себе, когда приходил домой и оставался наедине со своими мыслями и чувствами.

И он тоже много рассказывал о себе, и всё ей надо было знать до самых мелочей. И где он родился, и почему всё детство жил с бабушкой и дедушкой, и зачем — ведь это было так опасно — когда его уже увезли родители в город, убежал к ним обратно в деревню.

Эля появилась в комнате с бутербродами, нарушила его одинокие раздумья, сказала, что сейчас принесёт яичницу и кофе.

Они опять позавтракали, и сели смотреть её фотоальбом. Он был не таким объёмным, как у него, и заполнен был наполовину. Егор увидел её, маленькую, с полосатым котёнком, она так крепко прижимала его к себе, что, казалось, вот-вот задушит... А здесь они с братом в деревне, сидят у беленького домика на лавочке, шуряются на солнце. Эля такая худышка, в пёстром платье, с хвостиками на макушке. А здесь они сидят со своей бабушкой, на той же лавочке, счастливые, в обнимку.

Он пролистал немного пустых страниц и закрыл альбом, его уже клонило в сон, никакой кофе на них не действовал, они так рано встали сегодня и совсем не выспались.

Эля уже поднялась, чтобы закрыть дверь на шпингалет, как вдруг из фотоальбома выпал и попался прямо на глаза Егору беленький уголок любительского снимка.

И когда Эля обернулась, он уже разглядывал фотографию Сашки Черкашина.

— Это он? — спросил после некоторого молчания.

— Да... в госпитале, — ответила она как можно равнодушнее. — Руку сломал.

И опять затянувшаяся пауза. И непонятное что-то между ними, какая-то невидимая глазу, но осязаемая кожей неловкость.

— Симпатичный, уверенный в себе, такие девчонкам нравятся, — сказал глуховато-сдержанно и отдал фотографию Эле.

Она положила Черкашина на прежнее место, закрыла альбом, сунула в ящик стола.

Ей хотелось сказать, что Сашка уверен в себе даже чересчур, хотелось успокоить, что она ему не пишет уже с того самого дня, как они познакомились у Алёши, и её совсем не интересует, кому он там нравится или не нравится. Это, в конце концов, его жизнь, далёкая и абсолютно чужая ей.

Но она чувствовала непонятное смущение. И зачем она дала ему в руки этот альбом, совсем забыла, что в нём фотография Сашки...

Они лежали, обнявшись, с открытыми глазами, не могли заснуть, хотя и разговаривать, а тем более выяснять что-либо и прояснять, просто сил уже никаких не было.

Холодный ветер резким порывом распахнул форточку, взлетели и затрепетали отчаянно синие бабочки на голубеньких шторках. Эля прижалась к Егору, и он обнял её крепче. Но она всё равно почувствовала, что он где-то далеко-далеко и мысли его, как вот эти синие бабочки на вуалевой шторке, трепещутся в неведомых ей пределах, куда он сейчас не хочет её впустить.

Глава десятая

Не всё так просто

Как-то, возвращаясь с практики, Эля повстречала на улице Риту. Обе обрадовались.

— Ну, что там у вас новенького?.. — спросила подруга.

— Ой, Рита, я ведь в тот вечер так и осталась у Егора. Своим сказала, что заявление в ЗАГС подали, они спрашивают, на какое число роспись, а мы ещё и не подавали. В начале лета, говорю.

— Так и говори. Сейчас три месяца на размышление дают...

И как-то замешкалась, замолчала, опустила глаза. Потом собралась с духом, сказала:

— А мы ведь со Стасиком расстались... Тот день последним был... Перестал приходить...

Рита постаралась улыбнуться, но улыбка получилась жалкой.

— Как это перестал приходить? Поссорились, что ли?.. — Эля привыкла видеть их вместе, ей стало не по себе.

— Да не ссорились мы. Раньше тебя не понимала, а теперь сама в таком же положении оказалась...

В техникуме у Риты тоже не ладилось. Перспектива всегда работать продавцом не радовала, всё ей надоело.

Эля завершила её, что сегодня же вечером они с Егором зайдут за ней, вместе погуляют, а потом зашлют Егора к Стасу в «разведку».

Вечер выдался тёплый и ласковый. Ни ветерка, ни дождинок. И небо было высоким, светлым. От него и воздух казался таким же лёгким, дымчатым. И пахло мягко-мягко деревьями и кустарниками, и приближающимся их цветением.

Прогулявшись по аллеям парка, они возвращались втроем: Егор и, с обеих сторон под руки держась за него, Эля и Рита. К Станиславу решили не заходить, завтра Егор выяснит, что к чему, не женское это дело бегать за парнем! Стас, конечно, Дон Жуан ещё тот, но не до такой же степени, объясниться-то как-то надо!

— Не волнуйся, выведем мы его на чистую воду! — вполне искренне обещал Рите Егор. — Может, заболел...

— Ага, заворот кишок! — грубовато пошутила Рита.

— А это мы ему быстренько выправим, — подхватил тему Егор, желая развеселить подружек, — среди нас же есть медицинский работник! Потренируемся?!!

И Егор одним махом выхватил у Эли сумку, с которой она пришла к нему на свидание прямо с практики. Он знал, что там всегда лежат у неё накрахмаленные белые халат и чепчик. Присев на скамейку, он вытащил всё это больничное обмундирование, нахлобучил на макушку чепчик, накинул поверх куртки халат, и со словами: «Держите большую!» бросился догонять кинувшуюся от него прочь Элю. В конце аллеи догнал и повалил на ближайшую скамейку. Она отчаянно отбивалась, покатываясь со смеху, мимо проходили люди, недоумевали, что происходит. А Егор, придерживая её за плечи, покрикивал: «Осторожнее, больная, вы пораните доктора! Признавайтесь, что у вас болит?! Говорите, кишечная скрутка?! Эту оказию мы вам сейчас быстренько выправим!»

— Егор, Егор, перестань! — сквозь смех и слёзы умоляла подбежавшая Рита. — А то нас сейчас всех отправят в психушку!

— Да что вы говорите?! — дурачился Егор, войдя в роль. — И вам плохо?! А ну-ка покажите, что вас беспокоит?!

И Рита уже со всех ног неслась от него по ступенькам...

Насмеялись они в тот вечер до колик.

А когда проводили подругу до подъезда, она серьёзно спросила Егора:

— Ну, а вы-то когда заявление понесёте?

Егор как-то странно отвёл глаза:

— Понимаешь, не всё так просто...

От такого ответа сердце Эли сжалось в комочек. Она даже успела подумать, что вот так всегда бывает, когда нахохочешься — потом плачешь.

В её подъезде он признался, что уже ходил в военкомат, написал заявление, что хочет в армию. А это значит, скоро ему придёт повестка...

— Какая ещё повестка?.. — спросила Эля, не поверив своим ушам.

«Как же он мог? Не посоветовавшись, не предупредив. И что она теперь скажет своим родителям?..»

Глава одиннадцатая

Разлука

Майские праздники опять отмечали вчетвером. Ходили на демонстрацию, фотографировались. Как предполагала Рита, у неё со Стасом начались примерно такие же отношения, как раньше у Эли с Черкашиным. Разница только в том, что он живёт не в деревне, пропадает не на месяцы, и приветы от него Егор передаёт чаще, а точнее регулярно.

По этому поводу Рита уже не волнуется — лишь бы хоть иногда приходил! Точно так когда-то Эля думала о Сашке. Ревности она не испытывала, потому что ничего конкретно и не знала. Другое дело, если бы Егор начал изменять. Но она и представить себе этого не может, настолько он предан ей. Вчера в троллейбусе она прямо спросила у него:

— Егор, а если я забеременею, что скажет твоя мама?..

Он ненадолго задумался и ответил:

— Ну, что она скажет?.. Наверное, скажет: «Женись!»

И она улыбнулась, припав к его груди, и он улыбнулся, обняв её. В последние дни они почти не расстаются, врозь только ночуют. Остальное время всегда вместе. Если у неё кто-то дома, то она с утра собирается и как будто уходит в училище, Егор в это время уже ждёт у кинотеатра, они смотрят какой-нибудь фильм, а потом идут к нему домой, к этому времени его мама успевает уйти на работу. А иногда Эля встречает его у себя дома: сонная, открывает дверь, виснет на плечах.

Она уже столько лекций пропустила, но разве можно думать сейчас о какой-то учёбе — повестка Егору уже пришла...

Отец перестал расспрашивать Элю о свадьбе, через маму этот вопрос был улажен. Хотя Эля предполагает, чего маме это стоило: все шишки за недостойное воспитание дочери сыплются теперь на её неповинную головушку. А самой Эле лишь один раз выпало удовольствие услышать недовольство отца. Тогда она уже обувалась перед выходом из дома, когда он, подвыпивший, проснулся некстати:

— Ну, что, солдатка, теперь ещё два года ждать будешь?..

— Пап, ну разве значат что-нибудь какие-то два года по сравнению со всей оставшейся жизнью!.. — ответила она с достоинством, призвав на помощь всё своё дочернее мужество.

— Ну, жди, жди... — недовольно буркнул отец. — А он там, глядишь, себе зазнобу найдёт и будет над тобой, дурочкой, посмеиваться. И правильно сделает!..

— А ты по себе-то не суди, — сразу кинулась спасать положение мама, — не все же такие бессердечные! Есть и порядочные люди!

Отец в молодости, что и говорить, красавцем был. В армию его одна девушка провожала, а там, в Казахстане, он с молоденькой немкой познакомился. Из Германии их многих тогда в Казахстан переселили. И начали они в увольнениях встречаться. Полюбил, наверное, отец ту немку, раз Элю он её именем назвал. А ту, сельскую, которая его провожала, забыл и бросил. По рассказам тётушки, родной отцовской сестры, та, бедненькая, руки хотела на себя наложить, да Господь отвёл...

— Я вас, таких бестолковых, предупреждаю! — горячился отец.

И чувствуя, что не пробить ему сплочённую женскую оборону, вздохнул:

— А что как в Афганистан заберут?..

— Э-эх! Типун тебе на язык! Спал, и спи лучше!.. — отчитывала его мама. Ей очень нравился Егор, она и сама прониклась к нему доверием. — Иди, иди, дочка, путёвого слова от такого отца всё равно не дождёшься!..

Это точно, не дождёшься: в любых делах он мастер, каких поискать, а в житейских премудростях — профан небывалый!

Но почему-то так врезались в сердце его непутёвые слова...

А ещё эта Егорова поездка в свою деревню. У неё и сомнений не было, что он возьмёт её с собой, и он сначала позвал, а потом как-то странно замолчал. И она не спросила, почему уехал без неё. Умом понимала: ну в качестве кого она поехала бы? Больше, чем невеста, но меньше, чем жена?..

Хорошо хоть, что на проводах их посадили рядышком. Громким начальственным голосом гремел своё напутственное слово папа:

— Ну, что ж, Ёшка, — так с детских лет смешно и трогательно называл он Егора, — в солдаты, так в солдаты! Теперь ты совсем взрослый. Сам решение принял. Что ж...

И замолк, осёкся его голос. И всем стало ясно, не такого пути желал он своему сыну. И всё ведь шло как нельзя лучше: осталось сдать какие-то ничтожные зачёты, и перевёлся бы на третий курс. А там уже намного легче учиться, предметы все профильные, да и практики больше. Закончил бы институт, и опять он ему помог бы, взял бы мастером к себе на завод, а если бы не захотел работать под его крылом, в другое бы достойное место устроил. С его-то связями!

И это последнее «что ж» было таким потерянными и беспомощными.

Мама Егора была молчалива, поблёскивали её красивые глаза под опухшими веками.

Глава двенадцатая

Служи спокойно, любимый

Эля и Рита спозаранок приехали к военкомату, где уже толпились призывники и провожающие. Недалеко от входа увидели Егора и его маму. Егор выглядел совсем мальчишкой, волосы ёжиком, в старенькой курточке, потрёпанных джинсах. Она сразу протиснулась к нему, вцепилась в руку и не отходила ни на шаг. До тех пор, пока ребят не построили и не погрузили в специальный автобус. Увозили их в районный городок Грязи на сборочный пункт: там они должны были ждать дальнейших распоряжений.

Когда автобус с новобранцами скрылся за поворотом, Эля всё стояла и стояла у военкомата, у неё не было ни сил, ни желания трогаться с места.

Рита поспешила в техникум, а Эля словно ещё чего-то ждала, словно могло ещё что-то произойти в её столь стремительно меняющейся судьбе, как будто каким-то невероятным чудесным образом мог ещё возвратиться старенький «пазик», высадить по нелепой ошибке попавшего в него Егора.

Рядом, как вкопанная, стояла его мать.

Лишь бегло взглянув на неё, Эля прочла мысли этой яркой женщины: «Зачем? Какова цель твоего такого своевольного поступка?» И, наверное, она ещё думала, в кого же он уродился такой упрямый?

Сколько же она, действительно, натерпелась от своего беспокойного сына? Если учесть, что он и мальчишкой убегал от них, то получается, и сейчас он сбежал. С той лишь разницей, что тогда можно было его вернуть и вразумить, а сейчас?..

В этот пасмурный день, тоскливый и опустошённый, родители увезли Элю в деревню. Надо было сажать картошку, потому что все соседи уже посадили, один бабушкин огород сиротливо дожидался хозяйского участка. Но и там, что бы ни делала, ни на минуту не забывала она Егора: где он, скачивает ли?..

Всю ночь напролёт она не сомкнула глаз. «Что он пытается доказать? Кому? Себе ли, родителям, ей ли?..»

Шумели деревья за маленьким оконцем, поскрипывал вяз, раздавались то и дело какие-то устрашающие звуки: то ли это соседская калитка скрипела-скрежетала, раскачиваемая ветром, то ли ещё что. Все уже спали, разморённые весенней свежестью, уставшие, а Эля словно и не работала, словно и не таскала по рыхлому чернозёму тяжеленные вёдра с картошкой за вскапывающим лунки отцом. А он ещё и покрикивал на неё, чтоб не зевала.

Ранним утром она не удержалась, отпросилась у отца; хоть с недовольством, ведь оставался ещё в огороде не засаженный островок, но препятствовать не стал — и поехала в Грязи.

Егора выпустили, и долго сидели они на лавочке у военкомата. Он был очень грустный. Оказывается, вчера призывников отпускали по домам с ночёвкой, и он приезжал в Липецк, приходил к ней, искал. И только Галка Абрамова, соседка с пятого этажа, случайно встретившаяся ему, сказала, что Эли нет, уехали в деревню...

Было почти жарко. Пахло зелёной травой, распутившейся сиренью. Воробьи не находили себе места, стайкой слетали с кустарника, выискивали на земле какие-то малые крохи, семечки, взлетали обратно на ветки, чирикали звонко.

— Служи спокойно, любимый, не думай ни о чём плохом! — шептала Эля ему на прощанье в обветренные губы. — Я обязательно дождусь тебя... Два года, подумай, пустяк...

В первом же письме ему, то есть ответе на его письмо с обратным адресом, она радостно сообщила, что возможно приедет к нему на присягу!

Жизнь налаживается

О сколько теперь пришлось Эле трудиться! Со своей любовью она запустила все предметы! Теперь пришлось переписывать лекции у сокурсниц, разыскивать преподавателей по месту их основной работы: в больницах и поликлиниках. И лишь одна из них, молоденькая врачиха, преподающая у них спецпредметы, спросила:

— Что же вы на мои лекции не ходите?.. Не интересно?.. Зачем же тогда выбирали акушерство?..

— Да я не только на ваши не ходила, — искренне призналась Эля, — я... вообще в училище не ходила...

— Это почему же?..

— Я... парня своего в армию провожала...

Врач долго молчала, перебирая какие-то важные свои листочки, не зная, что и ответить. Может, ей поначалу и хотелось отчитать Элю, кому же понравится сидеть после работы, слушать жалкое лепетание нерадивых учениц, но всё же она улыбнулась, спросила уставшим голосом:

— Ну, и как, проводила?..

— Проводила, — кивнула Эля.

Ехала домой и всё улыбалась. Все зачёты сдала, всем учителям пообещала, что больше не будет пропускать занятия. И, действительно, зачем теперь пропускать, для кого?..

Отец больше не упоминает о солдатских переменчивых настроениях, он вообще не любит спорить с женщинами, считает это пустой тратой времени, махнул рукой: живи, как знаешь. Мама иногда вздыхает, мол, ушёл Егор, некому и шоколадкой угостить. Но за этими вздохами Эля слышит и сочувствие, и ненавязчивое материнское любопытство, чем-то оно теперь дышит, одинокое дочкино сердечко...

А дочкино сердечко и само не знало, чем оно дышало, просто дышало.

Кружилось в городе раннее лето. Жарким маревом падало небо на доцветающие сады. Тугие узелочки завязывались на молодых яблоньках, вишенки зелёными бусинами высвечивались из листвы палисадника. В деревнях уже пололи картошку, а Эля ещё ни разу туда и не съездила...

В последние вечера Галка Абрамова не даёт унывать, как прорвало её: то в парк поедет, по тенистым аллеям прогуляемся, то к знакомым своим девчонкам на соседний микрорайон пригласит. Словно даже обрадовалась, что Егора забрали и опять можно, как раньше, дружить. А пока гуляют,

всё расспрашивает: и пишет ли, и что пишет, и что отвечаешь?.. — спросит, да так пронзительно, словно в душу заглянет, и Эля всё как на духу ей расскажет. И так приятно рассказывать, больше и некому — Рита в каком-то сельском магазине практику отрабатывает.

Удивительное дело — воспоминания! Как будто жизнь в жизни. Шкатулка в шкатулке. Откроешь — и залюбуешься! Здесь и первый взгляд, долгий, заинтересованный, и первый вопрос, осторожный, необязательный, и ответ незатейливый...

Всё рассказывает Эля, и всё в сотый раз переживает. И про любящую Егора девушку из деревни, которая пишет лирические стихи, и про загадочную планету под названием «Чёрный принц», летающую в солнечной системе, но не так, как остальные планеты, а по каким-то другим, неизведанным и не изученным нашими астрономами законам.

И всё Галке интересно, она ведь тоже сейчас одна, её парень тоже в армии, отслужив полтора года, недавно приходил в отпуск.

— Ты извини, я про Егора могу говорить бесконечно. Как у вас-то с Сергеем дела? — спросила однажды.

— Да так, — не поднимая глаз, обречённо ответила подруга, — он какой-то не такой стал.

— Да ты с ума сошла! — почти воскликнула Эля.

Для Эли теперь все солдаты чисты, как ангелы. И непременно надо дожждаться.

— А сама-то ты дождалась?! — сверкнули оживившиеся Галкины глаза, и она спросила с бойким укором:

— Ну, где он сейчас, твой Черкашин? А ведь уже материал купила... на второй день свадьбы... его любимого цвета...

Ах, как ловко она поддела! Эля уже и забыла о том сиреновом отрезе, а Галка помнит, ведь продавался он в её профтехучилище. И она, как швея-мотористка, обещалась пошить не только платье невесте, но и рубаху жениху.

Эля молчала. Что на это скажешь?..

— И зачем ты мне об этом напомнила...

— Ладно, это я так, сама не знаю, зачем... — вздохнула Галка. — Если бы у меня появился такой, как Егор, я бы тоже про всех забыла, давно бы к нему улетела!

«И я непременно полечу», — подумала Эля.

Но как лететь в эту неведомую Москву, с кем? Ни разу она там не была. А на присягу его родители без неё съездили...

Вечер совсем загустел, стало пустынно на их улице с тусклыми фонарями.

— А из-за Сашки Черкашина я теперь в деревню не еду — боюсь встретиться... Хорошо бы, сам всё понял, или просто взял да и забыл. Это лучше всего было бы! Улеглось бы само собой.

— Жди, забудет! Без памяти, что ли?..

— То-то и оно... Мама говорит, что он в Головщино приезжал, у бабушки спрашивал, когда приеду.

— Не надо бы тебе ехать...

— Знаю, что не надо. Но бабушка ждёт...

Глава четырнадцатая

Поездка

Они стояли на сельской остановке втроём: Эля, родной братишка Вовка и двоюродный Андрей, с которым встретились случайно на автовокзале.

Раньше они всё лето гостили в деревне. Воды из колодца принести, полы в сенцах подмести, жуков колорадских на картошке собрать — хоть малая, а всё бабушке помощь! А если уж доводилось с мячом по выгону погоняться или в поле за горохом, за кукурузой, за опятами уйти — великая радость!

День был не солнечный и не пасмурный. Густые облака то заслоняли солнце, то опять оно выходило, яркое и ослепительное. Приезжие этим рейсом уже разбрелись по своим тропинкам. Из продуктового магазинчика летел на крыльях тёплого ветерка мягкий хлебный дух. В этом магазине работал когда-то Элин дедушка, мамин отец. Здесь и жила неподалёку его семья, чуть пройти в сторону кладбища. А мимо кладбища вьётся узенькая тропочка по бугоркам и холмикам — к дому, в котором жили они уже с бабушкой.

А за кладбищем ветер разносит другие запахи: ржавчины и мазута, там стоят комбайны, разбросаны на поляне разные детали-железяки. Тропинка, едва коснувшись этого крутого запаха механического прогресса, сразу убегает к далёким домишкам на косогоре, где вольный ветер резво носится на просторе, весело раскачивает вёглы, путается в золотой листве высоких красавиц-берёзок. Там навсегда осталось жить Элино детство, и частица её сердца по сей день там. Бабушка давно переехала в город к старшей своей дочери, к Элиной крёстной. Да и самого их домика уже нет, пожар оставил от него лишь обугленные стены да садик, буйно заросший теперь лебедой и крапивой.

— Может, пешком дойдём? — предлагает двоюродный брат.

Он стал таким взрослым за этот год, что Эля даже не сразу узнала его. Раньше они постоянно мерились ростом, и она

всегда была выше, а теперь, пожалуй, она ниже на целую голову. Да и характером возмужал, исколесил на «Яве» с соседскими парнями всю окрестность. Вот и сейчас не терпится ему поскорее добраться до своего мотоциклета.

— А давай ещё подождём, — выглядывает из-за стены Эля.

Пока, слава богу, всё в порядке, тишина и покой, никого на горизонте, похожего на Сашку, нет. Может, подумалось, оно и лучше, побыстрее уйти. Вовка тоже согласен идти, измучился в поездке, но раз старшая сестра не хочет, можно и подождать автобус. Из дома они вышли два часа назад, целый час с пересадкой добирались до автовокзала, потом там стояли, ждали автобуса, теперь вот здесь...

Они уже хотели двинуться в путь, как мимо остановки проехал по большаку мотоцикл с коляской. Эля не разглядела, кто сидел за рулём, кто позади. Но лицо второго было повернуто к ней. «Только бы не Сашка!» — мелькнуло в голове. Братья в очередной раз вышли на дорогу посмотреть, не едет ли головщинский автобус, а она стояла, отвернувшись, рассматривая исцарапанную разными глупостями стену, как вдруг опять послышался гул мотора. Мотоцикл возвратился и остановился неподалёку.

Черкашин сидел позади друга и смотрел в их сторону. Она, узнав его, поспешила отвернуться: «Мало ли, может, он её не узнает?..»

Но почему же такая тишина?! Эля повернулась и всё поняла. Он сидит и терпеливо ждёт, когда она заметит его. Сидит и молчит, и мучается, наверное, не меньше, чем она: «Что делать?» Она не отводила уже взгляда, будь что будет, раз уж суждено встретиться.

Он даже не улыбнулся, он просто махнул рукой, подзывая. Она оглянулась, как будто кто-то ещё мог стоять позади. За спиной никого не было, и она в последний раз изо всех сил уцепилась взглядом за чьи-то каракули, словно за последнюю возможность спастись. Братья с интересом наблюдали, чем закончится эта немая сценка. Андрей уже успел поздороваться, а Вовка стоял безучастный, ему было всё равно, лишь бы поскорее добраться до лавочки у бабушкиного дома.

— Ты в Головшино?.. — только и спросил Черкашин, когда она подошла.

— Да...

— Тогда садись, подвезём.

— Не надо. Я не одна.

И пока Эля стояла в растерянности, Черкашин слез с сиденья и пошёл пересаживаться в коляску.

— Садись на моё место.

Вовку усадили к нему на колени, Андрей бочком пристроился на крыле.

— Доедем с ветерком! — Черкашин заметно повеселел.

На лицах братьев тоже расцвели улыбки: «С ветерком!»

На окраине села съехали с большака на мягкую тропинку меж лопухов и крапивы и вскоре остановились у бабушкиной калитки. Братья спрыгнули, сказали вежливое «спасибо» и скрылись за калиткой, а Эля, слезая, зацепилась за какую-то детальку вязаной юбкой.

— Нам надо поговорить, — сквозь незатихающий гул мотора услышала голос Черкашина.

«Как специально!» — злилась на юбку и дёргала подол в разные стороны.

— Я приеду часов в шесть. Хорошо?

А зацепившаяся петля ещё больше запуталась. Видя, что Эля вот-вот порвёт нитки, он помог ей отцепиться. И ещё громче повторил оставшийся без ответа вопрос:

— Хорошо?..

— Хорошо, — буркнула она, спрыгнув с мотоцикла.

Шла до калитки ни жива ни мертва и спиной ощущала калёные стрелы, пущенные ей в спину. Только когда они развернулись и отъехали, оглянулась — Черкашин махнул ей на прощанье.

О, как это было бы здорово — если бы на прощанье!

Навстречу ей с порожка спорхнули две радостные девчонки, сестрёнка и племянница, и повисли на ней, щебеча наперебой: «Эля, Эля приехала! Ура!»

Анечка, дочь двоюродной сестры, и Танюшка, дочка крёстного, в той поре, когда им так интересно общение с Элей. Они, оказывается, уже давно гостят в деревне.

— А с кем это вы приехали? А он кто, твой жених?

Не унимались и в избе, пока Эля расцеловывалась с бабушкой:

— А мы его знаем! Он уже приезжал! Мы сказали, что у тебя экзамены, а он сказал: «Сколько же она будет их сдавать?» А мы сказали: «Не знаем!» Нас тётя Маша научила так ему говорить!

Тётя Маша — мать Эли. Это лучшее, что она могла придумать, чтобы не обидеть парня.

— А мы сидим, слышим, кто-то едет, думали, опять он — а это вы!

Девчонки не унимались, пока бабушка не прикрикнула на них и не отослала в огород за огурцами. А сама ушла в чулан, и всё возилась там у печи, готовила свой нехитрый

обед: сковородку жареной картошки, но такой душистой-предушистой, что поневоле слюнки текли, шаркали её мягкие самодельные тапочки: ноги у неё так болели, что ни одна обувь не подходила, а у Эли, пока разбирала сумки, да выкладывала на стол городские гостинцы: сдобные булки, печенья и конфетки, щемило всё внутри: бабушка совсем старенькая стала, еле ходит...

После обеда мальчишки возились во дворе со сломанным велосипедом, а Эля под непрерывное жужжание непоседливых «пчёл» отдыхала на печке. Так спокойно было на душе, а главное, в этой милой сердцу суете к ней вернулась уверенность, что всё она сделала правильно, и все довольны: и девчонки, и братья, и бабушка. А Черкашин, конечно, не придет. Она может голову отдать на отсечение — не придет! Уже сколько раз так было! Вот если бы она ему сказала: «Не приезжай!», тогда бы он ещё мог приехать, а так как она согласилась, то он не придет специально — отомстит! Надо же ему хоть как-то отомстить за то, что она скрывалась от него. Он же не дурак, понимает, что не могут экзамены длиться два с половиной месяца. И объяснение не нужно, уже и так всё ясно. Да и он что, сидел и ждал, когда она придет? Господи, да он и раньше-то никогда её не ждал! Он вообще ждать не умеет. Ему это слово незнакомо! Все девчонки в округе побывали у него в невестах. Ни одну не пропустил! А после армии ему сам бог велел разгуляться. Неужели она не понимает?! Она же теперь не глупая девочка, которой можно запудрить мозги. Она — женщина! И у неё внутри тоже есть чувство. И совсем не такое, какое было к нему. Всё детское и наивное вытеснила другая любовь, взрослая, к Егору. И ничегошеньки не оставила Черкашину.

Глава пятнадцатая

О, боже!

И Эля задремала...

Девчонки жужжали теперь за окном на лавочке, доносились иногда их тоненькие голоса сквозь ласточкин свист. Ласточки который год гнездятся и выводят птенцов у бабушки под крышей...

И приснился Эле огромный зал, и словно сидят они с Егором в самой его середине, а над ними небо, полное звёзд.

Они сидят и смотрят на это небо. Её рука лежит в его руках, голова на его плече. И вот кто-то даёт Эле бинокль, и она смотрит в него, и видит неимоверно красивое облако, словно

в золотистом окоёме, и ослепительное солнце, и ведёт бинокль дальше, и вот уже не иначе лунный диск с серыми пятнами кратеров. И вдруг большая тень наплывает на луну, и становится темнее, темнее, и вот уже совсем темно, как ночью. А главное, становится так страшно, так страшно, что сердце бухает и готово вырваться из груди. «О, боже! — шепчет она во сне. — О, боже!» И нет у неё других слов, и Егора рядом нет, она одна в этой черноте, и не понять, на земле ли она или в небе.

«О, боже! — шепчет она, проснувшись. — О, боже!»

Анечка и Танюшка забегают в избу, летят к ней на печку:

— Он приехал, приехал!

Господи, сколько же времени?

Она отдернула занавеску, посмотрела на часы: шесть часов.

«Как пунктуально, — подумала, упирая глаза в низенький потолок. — Как глупо, как ненужно, как некстати. За чем?!»

— Ну, что же ты лежишь? Вставай!

— Он послал нас за тобой!

Девчонки взметались по избе, одна уже держала наготове кофточку, другая пыталась расчесать Элю, пока она натягивала юбку.

— Да что вы пристали, никакой он мне не жених! Не жених, поняли? Цыц! — цыкнула Эля, но девчонки только рассмеялись.

Уже с порога она увидела Черкашина. Он стоял за калиткой под их высоченной берёзой, которую посадил здесь когда-то один из бабушкиных сыновей. Он ушёл на войну добровольцем и не вернулся, а берёза разрослась, раскудрявилась. В её тени любит поспать на фуфайках Элин отец, когда возвратится уставший с полевых болотцев, где частенько охотится на диких уток, или после рыбалки; здесь летними вечерами отдыхают приезжающие из города его сёстры, поют красивые песни про Стеньку Разина, про новобранца Ваньку, провожать во солдаты которого набежала вся родня, и который может пропасть ни за что... А для детей на упругих и крепких ветвях здесь иногда привешивают качели...

Черкашин был в фирменных джинсах, белой рубашке и почему-то в очках. Он больше походил на какого-то пижона из итальянского фильма, нежели на жениха среднерусской полосы. Ещё эти противосолнечные очки на вечерней зорьке! К чему они?! Как будто они пойдут сейчас неизвестно куда, а не по сельскому большаку, по которому пастухи вот-вот погонят стадо.

Всю дорогу от печки до берёзы Эля искала правильные, умные слова. Обязательно нужно сказать, что ничего между ними уже нет, и не будет, никакой любви и никакой свадьбы. Что теперь она совсем другая, что...

Но он вдруг снял очки, повесил их на кармашек рубашки, так светло улыбнулся, так по-свойски обнял за талию...

И она узнала в нём того, другого Черкашина, которого любила когда-то. С кем гуляла когда-то по этому ночному большаку, прижимаясь к его такой же белой рубашке, потому что курточка его висела у неё на плечах. Большая полная луна плыла за ними вдоль посадок, ветер налетал и спутывал её длинные тогда волосы, и Сашка то и дело останавливался, убирал спутавшиеся пряди с лица, и долго они целовались где-нибудь на полдороге. Где-то глухо лаяли собаки, где-то кричали первые петухи...

Господи, неужели это было с ними?.. И куда это делось?! И откуда теперь дыхнуло с этими августовскими красками, с этими пряными запахами доцветающих трав? И куда он ведёт её, опять такую доверчивую, разомлевшую от нахлынувших воспоминаний, чарующих её одинокое сердце. Почему же одинокое? А Егор? Только где он сейчас, и зачем он оставил её одну, оторвал от себя так жестоко? И, главное, зачем? А, может, он просто сбежал от неё, чтобы не быть обязанным жениться?.. Ведь такие редкие и такие короткие его солдатские письма...

— Почему ты не писал? — спросила Сашку, как пошла в наступление. Чтобы только заполнить эту угрожающую пустоту молчания.

— По-моему, я писал тебе регулярно, — Сашку не так-то просто было смутить. — А в конце, понимаешь, ну совсем не было настроения. Только и жили тем, что скоро домой. А вот почему ты так долго не приезжала?..

Сашка нагнулся, сорвал травинку, стал её покусывать.

— Я думала, что если нужна тебе, сам приедешь. Адрес тот же, — ответила она так обтекаемо, что сама удивилась, как это у неё всё логично получилось.

— А я приезжал. И не раз. Тебе разве мать не говорила! Я и с ней разговаривал, и с бабушкой твоей. Извини, что до города не доехал. Здесь тебя ждал...

Он опять так же, как давным-давно, остановился и хотел поцеловать её. Но Эля отстранилась, и они медленно пошли дальше, свернув с большака на узенькую колею, ведущую в поле. Шумела, звенела листва посадок, колосилось, золотилось на закате поле пшеницы.

Да, до её города Сашка не доехал ни разу! Ни раньше, ни после армии. Как будто это за тридевять земель, как будто не в Липецке было его профтехучилище.

— Давай не будем, — осмелилась она сказать ему самое главное. — Это уже не важно. Просто я хочу сказать тебе...

— А ты уверена, что я хочу это слышать?! — перебил он её так неожиданно, что она даже вздрогнула. — Молчи, ничего не хочу знать! Я ехал к тебе! Если бы не ты... остался там...

Потом они уселись на поляне, и он всё твердил, словно самому себе вдалбливал в голову:

— Ничего не говори! Мы уедем. Далеко. Во Владивосток. Там у меня друг. Начнём новую жизнь, я ведь не глупый, всё понимаю. Но слышать ничего не хочу!

Эля уже понимала, что по доброй воле она попала в ловушку. Так просто ей теперь не уйти и не вырваться — не отпустит! Не для того он пришёл!..

Она немного отодвинулась, проверяя пути отступления: может, хоть как-то удастся сбежать, но он тут же схватил её за руку.

— Ты что, боишься?.. Не меня тебе надо было бояться!.. Я люблю тебя!..

...Возвращались они молчаливые. Ещё не стемнело. Горели за горизонтом облака, как будто за ними был другой мир, другое сказочное царство, и не было в нём ни обмана, ни грязи, ни предательства.

Они распрощались на большаке. Где-то далеко послышался гул мотора, Эля оглянулась, увидела, как Черкашин садится на подъехавший мотоцикл, и облегчённо вздохнула. Слава богу, что всё ещё обошлось культурно, а то могла бы прийти домой в разодранной кофте с синяком под глазом. Это деревенским девчонкам хорошо знакомо, ещё бы забор дёгтем намазали, как в средневековье! А то так недорого, парой синяков на запястье, расплатилась за неверную любовь к солдату. Успокоила его гордыню, и домашних своих не травмировала...

Всю ночь Эля думала о своей судьбе. Спала с девчонками в мазанке, на широком раскладном диване. Такая тишь! И темь, хоть глаза коли. Анечка и Таня, добравшись до подушки, сразу засопели, а она лежала посерединке с открытыми глазами и ничего не видела. Плакать ей было не из-за чего. Ничего хорошего она от этой поездки и не ждала. Он больше не приедет. Он отдалился на тысячу вёрст теперь, после этой их ненужной и так не желаемой ею близости. Он почти умер для неё. И возможно (и хорошо бы!) умерла для него и она. Навсегда. Аминь.

В Липецке

На следующий день, не дожидаясь новых приключений, Эля уехала в город. Лучше она придет в другой раз, в противном случае, кто знает, что взбрeдeт Сашке в голову, вдруг, действительно, придет за ней и повезeт знакомиться с семьей. Сопротивление ему нипочeм.

Бабушка, братья и разочарованные eе спешным отъездом «пчeлки» взяли с нeе честное комсомольское слово, что она вернeтся непременно. Днeм загрузили сумки картошкой, огурцами и помидорами, посадили на автобус, и всю дорогу она молилась, чтобы не встретился на плехановской остановке Сашка или кто-нибудь из его друзей. Все они, и все Плеханово стало теперь чужим и опасным. Даже родовой дедушкин домик глядел с укоризной: «Что же ты, девонька, так сплеховала...»

Эля знала, что это говорит eе совесть. И чтобы заглушить чувство вины, она убеждала себя, что никакого мужа у нeе нет, а Егор, кому она доверила свою судьбу, сбежал от нeе в армию. Даже в армии ему лучше, чем с ней. «О чeм же сожалеть? — спрашивала она неизвестно кого. — Не я первая, и не я последняя». И почему-то вспомнились слова Егора и показались такими глупыми: «Любовь оправдывает все!» Как же! Оправдывает!

И так мерзко было на душе, так гадко и унижительно. Неужели теперь так будет всегда?..

В Плеханове она не встретила никого. Выходит, собеседником в тот день был один лишь дедушкин домик.

Так же, как вчера и как всегда здесь, пахло свежим хлебом. Так же, как вчера, поднимали пыль проезжавшие мимо машины, и невыносимо тарахтел где-то за церковью чей-то мотоцикл.

Автобус пришeл быстро, вместил в себя несколько пассажиров и повeз Элю в Липецк. Мелькали поля, и лесополосы убегали в глубь полей, и лес стоял, молчалив и печален, и до боли в глазах блестела на солнышке река, торопящаяся куда-то к своим, только ей известным берегам.

Как же любила раньше Эля эту дорогу! Дорогу к нему, к Черкашину! Четыре года лeгкой птахой летало сердце над этими светлыми просторами. Пело сердце для него одного, а теперь оно замолчало...

Нет, с таким настроением определeнно нельзя идти домой. Мама сразу заметит неладное. Поэтому Эля свернула к род-

ной девятиэтажке. Лифт не работал, и она пошла пешком. Но Риты не было дома, никого у них не было. Эля спустилась в пролёт, поставила у стены сумки и уселась на подоконник, где обычно они сидели с Егором. Это было излюбленное их местечко в Ритином подъезде. Здесь они грелись, отдыхали, целовались. Здесь перед самой армией он вырезал на перилах «Эля». Почему же он не вырезал рядом своего имени? Может быть, всё сложилось бы иначе. Может быть, не сидела бы она здесь одна, униженная, растоптанная вчерашним... «Эх, Егор, Егор, что же ты наделал? Зачем ты оставил меня?.. И мой ли ты ещё, и твоя ли я теперь, никто уже не сможет мне ответить»...

Рита поднималась по ступенькам, умученная трудовым днём. Эля чуть не сшибла её с ног, кинувшись навстречу.

— Рита, Риточка!

— О, Элочка! Ты откуда с такими сумками? А я ведь только вчера приехала!..

Радуюсь друг дружке, они поспешили в квартиру.

В комнате Эля дала волю слезам:

— Какое же я дерьмо, Рита, какая гадина! Нет мне оправдания, и прощения нет! Господи, ну зачем я встретила с этим чёртовым Черкашиным?!

Рита чуть не выронила чайник от такого интересного начала разговора.

— Элочка, подожди, подожди! Выпей холодной водички, не плачь! — успокаивала, кидаясь то за водой, то опять на кухню к плите. Потом махнула рукой, отключила газ под чайником и принесла из холодильника отцовскую чекушку.

Эля залпом выпила стаканчик, зажала рот рукой и выдавила из себя:

— Я всё испортила, Рита, я всё испортила...

— Да что же ты испортила, что? Посмотри, какая ты хорошенькая, какая миленькая. И худенькая...

Рита считала себя толстухой, и этот аргумент был для неё самый важный.

— Постой, постой, я сама угадаю, что случилось. Ты ездила в Плеханово?

Эля молча кивнула, растирая по щекам слёзы.

— И встретила там Черкашина?

Две крупные слезы выкатились и задрожали в глазах.

— И что он сделал?.. Эта сволочь обидела тебя? — напирала Рита, готовая уже и заявлние в милицию написать.

— Нет, Рита, нет! Я сама себя обидела. Сама, понимаешь?

— Нет, я не понимаю, Эля! И не хочу этого понимать! И ты не выгораживай этого подонка. Ты мягкая слишком, а он —

гадина! Ты сколько ему всего простила, а он так тебя отблагодарил! А теперь ты его защищаешь. А если он всю жизнь тебе поломает? Ему-то всё равно, он их сколько, я уверена, переломал. Одной больше, одной меньше. Подумаешь! — Рита завелась уже — не остановить: — И сколько же он будет пить твою кровушку?

Но Эля одёрнула её:

— Нет, Рита, нет! Он тут ни при чём, — сказала, немного успокоившись. — Это я дура несусветная! Пошла с ним за чем-то! Природа, видите ли, красивая, места, видите ли, памятные. Душевно так начиналось, а закончилось... дерьмом собачьим!

И опять завыла, уронила руки на стол, упала на них лбом.

— Ну, и не вини себя, слышишь, — тормошила за плечо подруга, — и нискобочко ты не виновата. Ни капельки!

Рита налила по второму стаканчику и достала из холодильника миску с малосольными огурцами.

— За нас, за таких вот дур, которые позволяют над собой измываться!

На её глазах тоже выступили слёзы. Она смахнула слезинки и улыбнулась:

— Велика беда! Они бы из-за нас так мучились! Я вот тоже, Эля, со Стасом навсегда рассталась. Навсегда. Решено. Ба-ста. Я, Эля, — Рита вздохнула глубоко, и как выдохнула, — я замуж выхожу!

Эля осторожно откусила огурец и от удивления замерла.

А Рита наливала по третьему заходу. Потрясла бутылку над стаканчиком.

— Отцу придётся новую купить. А ты что затихла? Знаю, что хочешь сказать. Отвечаю: не рано. И я не тороплюсь. В сентябре заявление понесём.

Эля прохрустела огурцом, спросила:

— Кто он? Давно знакомы?..

— Он?.. Обыкновенный человек. Надёжный. Три недели...

Глава семнадцатая

Свадьба

Свадьбу Рите справляли в специализированном кафе торжеств. Уж как ни отговаривали её все от такого «надёжного», как ни убеждали, что не может она знать человека, с которым знакома без году неделя. И родители убеждали, и Эля. Бесполезно!

Новоиспеченный жених её был полной противоположностью Станислава. Тот симпатичный, высокий, плечистый. И

опять же — друг Егора. Дружили бы потом семьями. А этот ну совсем никакой, даже хуже никакого — сидевший. Девчонки имя-то его бояться произнести, не то что в гости потом прийти! Жить-то молодожёны уезжали к его родителям.

— Да что вы все как с ума посходили?! Ну не повезло ему, по малолетке отсидел, а так он душа-человек! Да вы к нему предвзято относитесь, потому что не знаете его, — обижалась Рита, защищая своего избранника.

А избранник всё обнимал её да ластился, и всё нашёптывал на ушко какие-то волшебные слова, и она расплывалась в улыбке и буквально таяла на глазах у подруг и родителей. А подруги и родители с содроганием смотрели на его сплошь изрисованные татуировками руки. И каждый думал про себя: «Врёшь, парень, не один раз ты туда ходил!»

Рита была счастлива по-настоящему, по-бабьи, как определила бы, наверное, какая-нибудь эмансипированная женщина-профессор. У неё ещё и не было в жизни такого постоянного и преданного партнёра. И все, естественно, поохав и повздыхав, смирились. Плюнули, можно сказать, потому что в долговечность этого брака всерьёз никто не верил. Не верила, наверное, даже и мать жениха, женщина с очень грустными глазами, внешне обыкновенная, тихая, такая, как тысячи матерей, которым душу вывернули наизнанку их непутёвые сыновья.

На второй день свадьбы невеста с женихом пригласили всех к себе в «гнездышко». Похудевшая в предсвадебной суете, Рита после первой брачной ночи выглядела ещё прекраснее — вся светилась. Глаза что чёрные маслины, сочилось спелой влажностью. Походка и движения стали плавными, мягкими, как у домашней кошечки. И вся она была такая уютная и домашняя, что Эля невольно позавидовала: каждый день, каждый час, каждую минуту и мгновение подруга рядом с любимым. Вся-вся она растворена в нём, стоит ему только отойти от неё, она уже ищет, зовёт его взглядом. Ни шагу без него! Господи, а как же теперь Эля? Кому раскроет она свои сердечные тайны, кто посочувствует? Галя совсем не такая, как Рита. Она совсем рассорилась со своим Серёжей, который пришёл недавно из армии, и на свадьбу к Рите пришла без него. А ведь провожала его в армию как невеста... Теперь как ни в чём не бывало отплясывает, отбивает каблучками кафельный пол, руки в боки, улыбка шире щёк! Артистка! Не зря в танцевальный кружок ходила.

И Лерка Булгакова на свадьбу к Рите пришла, тоже пляшет, веселится. Она сейчас встречается с парнем из Грузии, они в одном училище учатся. В гости Элю зовёт, про Черка-

шина что-то рассказать хочет, но совсем неинтересно Эле, что касается Черкашина, и совсем не хочется плясать...

Ведь ещё одно обстоятельство стало известно: когда Егор перед армией ездил прощаться с бабушкой и дедушкой, он заходил и к своей девушке. Стас сказал это Рите. Дескать, не один он такой, а все ребята такие. Рита бросила ему в ответ, что Егор не такой, а он ухмыльнулся: «Не думаю! Ни один парень своего не упустит!»

И, конечно, Рита не рассказала бы, но надо же было ей хоть как-то утешить её, если, конечно, это хоть сколько-то утешает. Да и вообще скрывать такое было бы уже нечестно по отношению к подруге. И, тем более, они так запьянели тогда, что никаких секретов друг от друга и при желании утаить не смогли бы...

Глава восемнадцатая

Измена

Хорошо Рите рассуждать, что Егор не мог изменить. Чужую беду, как говорится, руками разведи. А свою беду руками не разведёшь, тут и разумом и сердцем поработать придётся. Разум, конечно, на стороне Егора: подумай сама, ну зачем ему идти на свидание к той, любовью которой он уже пренебрёг? Даже не переписывался с ней в последние месяцы. И перед армией, скорее всего, просто так зашёл, проститься по-дружески. А сердце волнуется: мало ли? А может, он и с ней переписывается? И почему это Стас назвал её девушкой Егора? Тогда она, Эля, кто же? И чья?..

Много разных сомнений в сердце. И вопросов, на которые лишь один Егор ответить может. Но не напишешь же ему туда, в воинскую часть, не перескажешь все эти хитросплетения мадридского двора. Ему же служить надо. Он же в пожарные войска, между прочим, попал. И ему учиться надо, как людей спасать, а не в бирюльки с ней играть. Глупо же спрашивать: любишь её, не любишь, и кого любишь больше?

Идут дни. Уже октябрь заканчивается, дожди зачастили. И небо пасмурно, и на душе беспросветно. Нет, не думала и не гадала Эля так заскучать. Третий курс уже из трудового отряда вернулся, она оттуда ещё раньше уехала, отпустили на два дня по уважительной причине — свидетельницей на свадьбу к подруге, а потом уже и не поехала. Свидетельницей — это Эля нарочно придумала, чтоб наверняка из совхоза уехать, на самом деле на свадьбе она только скромной гостьей была, а свидетельницей Рита

выбрала продавщицу из «Детского мира». И слава богу! Нет тяжелее испытания — смеяться через силу. Думала, уедет в Липецк, веселей станет, не тут-то было! Да и там оставаться больше было нельзя — туда Черкашин наведался. В тот раз, когда Эля сбежала из деревни, он и не приезжал, что, конечно, само по себе неудивительно.

А тут — на тебе — нарисовался! Всеми правдами и неправдами уговорила она его не компрометировать её перед сокурсниками. Про Егора опять не сказала, подумала — к чему? Он же и так знает, что кто-то есть или был до него. Это его и бесит, и покоя не даёт. А тут она ещё не ответила на его почти прощальное письмо, которое прислал он в начале осени. Предупреждал, что если она не ответит, он уезжает во Владивосток один. Эля не ответила. И он разыскал её в колхозе. Она так и обомлела, когда увидела его у корпуса. Прогуляться с ним она наотрез отказалась, посидели в беседке, недалеко от спортплощадки, где их ребята, студенты медицинского училища, в футбол играли, поговорили о чём-то несущественном, о главном: знакомстве с родителями — ни слова! — на том и расстались. Проводила его до ворот, он потянулся было поцеловать, но она отвернулась. Сел на велосипед, поехал. Скорее всего, наведался бы ещё, поэтому она оттуда поторопилась. Девчонки все в один голос: «Дура! Такой парень, а она?..» Что и говорить, по-прежнему красавец: и волосы отросли, и улыбка развязалась, и очков нет — он их ещё тогда, во время первой встречи нечаянно сломал.

«Эх, девчонки, девчонки, знали бы вы, сколько слёз по нему выплакано, сколько снов о нём пересмотрено, и сколько ночей без сна проведено! А теперь сердце как сталь. И пусто, пусто, пусто, куда ни помотришь: и к себе в душу, и к нему, и назад, и вперёд, и на то место, где стоишь в настоящем. Само время опустело и остановилось для них, и нет дальше никакого развития их отношениям.

Падают жёлтые листья на асфальт, под ноги, крапает дождик, возвращается Эля с занятий. Плечи опущены, взгляд потуплен, болтается неприкаянно сумка-портфель, ни тяжёлая, ни лёгкая, так себе: два учебника, тетради, халатик да колпак. Знания в голове. Хорошие теперь у неё стали знания, а личное счастье улетучилось, как дым развеялось. Ветром ли, обстоятельствами ли? Подумать странно, что совсем недавно была она счастливее всех, не прошло и года, как самая несчастная стала. А ведь если вдуматься, ничего особенного и не произошло...

Но Егор пишет так редко, так сухо. Как же так? Где же тогда то, что называется любовью? И была ли она, эта их взрослая любовь?..

Была, была. И сомненья нелепы. Если закрыть глаза, если уплыть по глади воспоминаний: вот его глаза, сочно-изумрудные, вот его брови чёрные, ресницы мягкие, бархатистые, завиточки на висках, пальцы смуглые, нежные. Господи! Даже тёплое дыхание его она может услышать, даже прикосновение ощутить. Вот она — любовь, вот оно — наваждение. Как хочешь можно назвать: и страстью, и влечением, но это оно — полное растворение в нём — любимом, в нём — желанном. И совсем не страшно утонуть в воспоминаниях и не возвратиться в эту пустую унылую реальность, в эту свою холодную постель.

Зачем же, зачем я так рано узнала эту взрослую любовь?.. Зачем, Господи?! Не за тем ли, чтобы страдать и чувствовать себя ничтожеством теперь, когда Ты отнял её у меня? За радость и блаженство, незаслуженно даденное авансом, в долг, с расчётом на благоразумие, долго ли мне ещё платить?.. Неужели всю жизнь платить, потому что где я возьму теперь свою прежнюю чистоту? И зачем Ты даёшь мне, Господи, это благоразумие понять себя... с таким опозданием?..

Ночные ветры пролетают мимо окна, задевая крылами карнизы. Воют и гудят монотонно провода: «Егор, Егор, где ты?.. С кем ты душою своею, Егор?.. Мне ли по-прежнему ты принадлежишь?.. Или никогда ты мне и не принадлежал, Егорушка?..»

Глава девятнадцатая

Радость

Но и страдания строго отмерены человеку. Больше меры никому не даётся. И вот уже радость ищет, как бы проникнуть в душу. Ищет, ищет, и того и гляди — войдёт, и разольётся елеем по сердцу, по каждой его ранке кровоточащей, и утихнет боль. И вздохнёт человек легко, полной грудью, не боясь уколиться в очередной раз об ядовитые стрелы сомнений и недоверия.

Оно пришло уже неожиданно, это четвёртое по счёту письмо Егора. Было оно такое же короткое, как прежние письма, но такое ёмкое и сумбурное по содержанию. И ничего толком Эля из него не поняла: «Никому об этом не говори. Я скоро могу прийти. Мне только придётся немного полежать в «Галлушках». Одно твоё слово — ты хочешь?»

Господи, ну конечно, она хочет. Он ещё спрашивает. Она так и ответила: «Егор, миленький, я хочу, я очень хочу, чтобы ты ко мне вернулся!»

Он ещё спрашивает! Господи, неужели случится чудо, неужели и мне забрезжило счастье? И никому, никому не скажу. Никому это и не надо так, как мне. И что это за «Галушки» такие, наверное, больница, зачем в ней лежать? Что там у него разболелось, что могут его отпустить? Может быть, его побили? Господи, у них же там дедовщина! Но, Господи, Господи, это же лучше, чем Афганистан?.. Сколько ребят уже полегло там, на чужой земле. Вот совсем недавно хоронили Вовку Трунова. Говорят, он ни в одном бою не успел поучаствовать, с учебки — на вертолёт, с вертолёта — под обстрел. Всё — нету Вовки. И у Серёги Савушкина совсем молоденькая жена вдовой осталась. Ей, говорят, зато квартиру теперь дадут. Будет жить-поживать одна-одинёшенька, ребёночка без отца растить. Хорошо хоть сынок остался от большой и чистой (вся школа — свидетельница) любви. Помоги нам, Господи, помоги встретиться и не расстаться больше никогда!..

Перед самым Новым годом Галка опять попросила Элю съездить с ней к её знакомым по профтехучилищу. И Эля поехала, чтобы развеять немного грусть-тоску.

Они возвращались уже затемно. Падал хлопьями снег. То кружило его ветром, и он вальсировал под фонарями, то летел наискосок, прямо в лицо, налипал на шарф и воротник, то безвольно, как птица, сложившая крылья, опускался на землю.

Они вышли на прямую дорогу к своему дому и увидели: у их третьего подъезда, освещённый двумя фонарями, сидел на лавочке какой-то человек. Был он такой жалкий, одинокий и ссутуленный, видно, сидел уже долго, дожидаясь кого-то в задумчивости. Сердце Эли сжалось от невероятного предчувствия. Вдруг человек встал, обернулся, пошёл им навстречу.

— Егор! — воскликнула, позабыв обо всём на свете, и полетела к нему.

Он схватил её и закружил вокруг себя. Так долго они кружились под этим не затихающим снегопадом, что не заметили, как подошла Галка. Когда оглянулись, увидели, она стоит рядом и плачет. Без всхлипов, просто так тихонько бегут ручьями её слёзки, и она растирает их варежкой.

— Ну что ты, Галка?.. Радость-то какая!..

Правда

Он так изменился, совсем не похож на себя прежнего: худющий, бледный, с тусклыми глазами, даже волосы потускнели. Лицо его всегда серьёзно и почти прозрачно. Господи, что сделала с человеком армия! Неужели со всеми она сотворяет такое в первые месяцы службы? Это как будто не Егор стоит перед ней, не его взгляд, не его слова. И только руки по-прежнему его, только дыхание и тепло его тела через олимпийку. И только с ним можно простоять так долго, не обмолвившись ни словом, не расспрашивая друг друга ни о чём. И так всё яснее ясного — здесь, между их сердцами, живёт их большая-пребольшая любовь, и совсем не зависит, насколько велико расстояние, разделяющее их, километры ли между ними или сантиметры. Они, двое, словно один организм, который вообще не может жить по отдельности. Целых полгода этот организм существовал без покоя и счастья, целых полгода словно и не жил. И никем не разгадан ещё этот строгий закон природы, по которому любящие сердца вынуждены так жестоко страдать в разлуке.

Так и простояли они всю первую встречу в её подъезде на первом этаже. Потом решили, что разойдутся всего лишь на одну ночь до завтрашнего вечера — у них дома будут праздновать его возвращение.

И глядя на его отдаляющуюся фигуру, она ещё долго стояла у подъезда, думала, как странно, как глупо и нелепо им сейчас расставаться. Казалось бы — всё позади и теперь ни на минуту бы им не оставаться друг без друга!..

Она никому из домашних не рассказала, что пришёл Егор, а поспешила лечь и заснуть, чтобы поскорее промчалась эта жестокая ночь, так бесцеремонно разделившая их и сейчас.

Весь следующий день Эля провела на занятиях, после двух пар их подгруппа ходила на практику в больницу, и уже под вечер она возвращалась домой. И почему они вчера не договорились конкретнее, где встретятся? И почему так грустно вопреки предстоящему празднику?.. И погода слякотная, снег тает и хлопает под ногами. Промокли сапоги и ноги замёрзли. Знобит, не заболеть бы!

Она завернула за угол аптеки и чуть не вскрикнула от неожиданности: кто-то поджидал её здесь, в темноте переулка. «Господи! Это же Егор! Что же я так испугалась его?»

Он сказал, что сегодня не будет праздника, что он отложен родителями до субботы, но это вовсе не значит, что они не

могут отметить без них. Она попыталась отговорить его, мол, устала, плохо чувствует себя, что лучше завтра она специально не пойдёт на занятия, и они отметят их встречу у неё дома. Но он был неумолим, в кармане у него, оказывается, уже томилась бутылка портвейна.

И ей ничего не оставалось, как смириться и пойти праздновать возвращение Егора в том же доме, где располагалась аптека. На площадке второго этажа не горела лампочка, и это создавало для них приемлемую обстановку, в меру даже уютную. В этом полумраке он ловко распечатал бутылку и протянул Эле.

— Начинай первая. За нашу встречу!

— Слушай, неудобно как-то, без стаканчиков... — Она ещё надеялась, что это всё какая-то глупость, его шутка над ней.

— Может быть, ты не очень рада мне?... — приглушённо спросил Егор. И голос его был странен.

— О чём ты, Егор? Зачем?... Разве я не написала тебе, — совсем поникнув духом, оправдывалась Эля. — Ты мне не веришь?..

Егор как-то неуклюже поправил шапку, сдвинув на затылок, как будто она мешала ему ответить, потом решительно снял её и, сжимая в руке, повторил:

— Начинай!

Эля подняла бутылку и сделала два глотка.

— Егор, я ничего не ела сегодня, я сейчас запьянею...

Он ничего не ответил, взял у неё из рук портвейн и стал пить.

Стояла тишина, только слышались из какой-то квартиры обрывки разговора.

— Ты даже не представляешь себе, где я был... — немного оживившись, начал Егор — А если бы узнала, не знаю, осталась ли со мной...

— Егор, о чём ты? Я так ждала тебя, Егор...

И эти слова, сказанные ею, казались далёкими, странными, незнакомыми. Никогда между ними не было подобных разговоров. И не было у него таких нелепых вопросов.

Ей стало теплее от вина, пьяная кровь побежала по венам, отпустила усталость. Одурманенный мозг воспринимал всё вполонину накала. Они выпили уже полбутылки, причём, чтобы меньше запьянел Егор, она уже пила уверенно, большими глотками. Смеялась, утирая губы ладонью, представляя, как придёт домой, как встретит её удивлённая мама. И как она скажет ей, с кем и по какому поводу она пила. Егор же скупно улыбался и был нестерпимо холодным, скованным, несмотря на то, что выпил, конечно, больше.

— Ты виделась с ним?.. — спросил вдруг без плавного перехода.

Эля замерла, затаилась вся, но язык почему-то не слушался:

— Да, виделась...

— Ну и как? Ты была с ним?..

И тут-то всё стало на свои места. Вот почему он такой небрежный сегодня по отношению к ней. Вот почему она не узнаёт его. Но она не хочет ему врать. Ей противно выкручиваться. Пусть он сам решает, нужна ли она ему после того, что случилось между ней и Черкашиным.

— Только не молчи. Говори - была?..

Ну и что из того, что была? Разве это можно назвать любовью? Она же любит его, Егора. Одного его, и такой большой любовью. И ложью не надо марать её. И губы шепнули:

— Да...

Он стоял как тень, ни жив, ни мёртв. Он даже пошатнулся как-то, припал к стене. Потом большими глотками допил оставшееся вино, надел шапку и сказал:

— Пошли.

Улица была пустынной и мрачной. Свежий воздух ударил в лицо, разлился по лёгким. Эля шла впереди, сумка с учебниками тянула руку. Сегодня был трудный день, ещё труднее ей стало вечером. Ей казалось, что он идёт следом, сейчас она объяснит ему всё, если он захочет её выслушать. Она расскажет ему по порядку, как поехала в деревню, как вышла с Черкашиным поговорить, то есть дать ему от ворот поворот, и что она совсем не хотела того, что случилось. Она оглянулась, но позади неё никого не было, а где-то вдалеке, у соседнего дома мелькнула тень убегающего в темноту человека.

Глава двадцать первая

Не уходи

— Где ты ходишь, и что у вас там произошло с Егором? Ты вообще хоть знаешь, что он пришёл? — встретила на пороге мама.

Эля вернулась домой не сразу. Она некоторое время просидела на лавочке у шестого подъезда, постепенно трезвела и осознавая, что натворила, и что пути назад уже нет; видела, как, хлопнув дверью, выскочил из их подъезда Егор, огляделся по сторонам, но не заметил её и ушёл. А ей уже не хотелось ни бежать за ним, ни окликать, она боялась его такого, непонятного и не желающего понять её. В голове только и стучало: «Всё, всё кончено. Всё».

— Я знаю, мама, знаю, — Эля отдала ей сумку, разулась и прошла в комнату.

Брат делал уроки за письменным столом, посмотрел на неё с удивлением. Она потрепала его по макушке, мол, всё хорошо. Мама прошла на кухню и жестом позвала её за собой.

— Эля, он заходил к нам. Он спрашивал нож. Я спросила, зачем он ему, он сказал, что нужен. Потом сверху прибежала Галя, стала кричать, чтобы я не давала ему, что он зарежет тебя. Эля, что у вас случилось, как это понимать?..

— Это никак не надо понимать, мама. Это он так, не знаю, для чего, а Галка паникёрша, сама знаешь, — совершенно обессилив, постаралась успокоить маму.

И подумала, раздеваясь, вешая шубу: «Вот и отметили возвращение. И зачем ему потребовался нож? И при чём тут Галка?! Господи, как хорошо, что отец спит, ничего не слышит. В последнее время он всё чаще приходит с работы выпивший, и неизвестно, что бы тут ещё было...»

Спала она тревожно, кажется, и не спала вовсе: всю ночь что-то выло за окном, где-то тоненько плакал кто-то, и было так одиноко, так нестерпимо жутко и страшно. Напрасно она укрывалась с головой под одеялом, вой не утихал. Это выла и завывала от безнадежности её душа: «Что же я сотворила такое, что за чудовище ожило во мне и разрушило всю мою радость, всю мою жизнь?.. Разве возможно теперь думать о счастье?.. Да и достойна ли я вообще теперь счастья? Вероятно, уже нет, и надо смириться, успокоиться, исчезнуть. Да-да, хорошо было бы исчезнуть, но куда?»

А утром она уже точно знала — куда. Знало сердце, а разум совсем оставил Элю. Но не в покое оставил, а в беспокойстве. И в этом хаотичном состоянии, без ясной мысли в голове, она вышла из дома, дошла до остановки, дождалась автобуса, битком набитого рабочим людом, и не поехала в училище. Подошёл троллейбус, следующий другим маршрутом, ноги сами занесли её в него, и она поехала.

Дверь ей открыла мать Егора. Эле показалось, что она даже обрадовалась, хотя торопилась на работу, молча указала, что Егор в своей комнате.

Он лежал, отвернувшись к стене, не шелохнувшись, словно и не слышал, что кто-то вошёл. Она помедлила, постояла на месте, потом присела к нему на кровать. Он не оборачивался, хотя она уже чувствовала, что он знает о её приходе.

— Егор, — тихо позвала она, — Егор, — коснулась его плеча.

Тихо стучали ходики будильника, который важно стоял на столе, выпятив «живот». Даже он здесь был более хозяи-

ном, нежели — незваная — она. Висели на окне простенькие шторы, коротенькие, до батареи. От батареи струилось тепло, словно она дышала, и, казалось, она дышала громче, чем Эля.

— Егор, — умоляюще повторила Эля.

— Зачем ты пришла? — неожиданно бодро для только что проснувшегося человека спросил Егор.

Он лежал неподвижно, дёрнулось лишь слегка его плечо, чтобы освободиться от Элиной руки.

— Я должна рассказать тебе, Егор... Ты всё поймёшь...

— Поздно. Не надо было приходиться.

Он лежал без движения. Он не хотел её больше видеть, но она не могла смириться:

— Выслушай меня, прошу..

Голос её задрожал, покатались слёзы. Она понимала, что всё кончено, ничего не вернуть, но было невыносимо уйти. И пусть она будет потом ненавидеть себя, презирать, но сейчас он выслушает её.

Он молчал, и она рассказала ему, как они встретились с Черкашиным...

— Я не люблю его, мы никогда больше не встретимся с ним, прости меня...

Он ещё молчал, но уже повернулся и глядел перед собой. Взгляд его застыл где-то в одной точке потолка. Ей казалось, что он и не слушает её; но на самом деле он слушал очень даже внимательно, вслушиваясь в каждое слово, в каждый вздох.

— Почему ты не сказала ему обо мне? — спросил строго.

Эля молчала, а он требовал ответа:

— Почему?

— Не знаю...

Она не решилась сказать ему, что боялась позора. Это так низко, это ещё хуже, чем бояться смерти. Ведь Сашка не убил бы её, просто опозорил перед родными.

— И всё же: почему? — коротко повторил Егор. — Если тебе нечего ответить — уходи!

И повторил уверенно, вставая с кровати:

— Уходи!..

— Нет, Егор, не надо, не прогоняй меня, пожалуйста...

— Пойми, я не прошу тебя, я просто не смогу простить... Уходи, или я уйду..

Ком обиды подкатил к горлу, застрял там, задушил, и она упала от бессилия на колени, обхватила его ноги руками:

— Не прогоняй, прошу, я не могу без тебя, мне не нужна без тебя жизнь, Егор...

Уши сдавило от тишины, она стала нестерпимой.

Он стоял над ней в изумлении, решительность постепенно покинула его, он наклонился и, приподняв её с пола, усадил на кровать:

— Не плачь, не плачь, успокойся, — сказал мягко и, обесилев, сел рядом.

Эля, ничего не соображая уже, не видя ничего за пеленой жгучих слёз, повисла у него на шее.

...Вечером он провожал её домой, грустную и опустошённую. Всё, что теперь происходило между ними, было другим. И сами они были другие, и слова их, и взгляды, и улыбка. Всё, что окружало, казалось теперь серым, угрюмым, ничтожным в сравнении с настигшей их бедой. И не на чем было остановиться взгляду и подумать с нежностью, как раньше. Искрится ли снежок под фонарями, переливается ли на солнце рябина, укрытая пушистой шубкой, ну и пусть переливается. Эле не до рябины теперь, и не до снега, и не до неба, ей лишь бы удержать его, любимого, который сегодня рядом, а завтра... в любую минуту готов уйти.

Глава двадцать вторая

Ритино решение

У каждой влюблённой пары всё по-своему складывается, по-разному. Одинаковых судеб нет, всем известно. Свои радости, свои грусти, свои препоны к счастью. Как хорошо начинается, как весело и звонко смеётся счастье в лицо, а потом вдруг — раз! — и не смешно. Очнётся человек, как в тумане был. Туман развеялся, и всё его благополучие как ветром сдуло. И всё ясно, и в то же время ничего не ясно: что с ним произошло, наваждением ли было, грёзой или испытанием, уроком ли на будущее?

Рита попала в больницу с кровотечением. Не думала, не гадала, разве что с мужем поссорилась. Да и ссорой это не назовёшь. Так, недоразумение...

С тех пор, как поселилась она в квартире свекрови и свёкра, всё и началось. Нет, к ним-то у неё претензий не было, и быть не могло. Они приняли Риту как родную дочку, заботились, угождали, да вот с ним, с любимым проблема.

График работы у Риты — не позавидуешь: с утра до вечера на ногах за прилавком, выходные — воскресенье и где-нибудь в середине недели денёк выпадает. А муженёк её разлюбивший всё больше дома. И тунеядцем язык не поворачивается его назвать, ведь ищет, но никак не найдёт работу. Или

плохо ишет, или в порядочные места не берут, а в непорядочные ему самому идти неохота. И дружки его такими же горе-мыками оказались. На свадьбе-то они все при костюмах, при галстуках были, а в будние дни одежда у них совсем не праздничная, зато на душе что ни день — праздник! «У нас дома, как в трактире на Пятницкой» — случайно как-то встретившись с Элей, сказала Рита. Но тогда она это ещё легко говорила, с некой даже усмешкой. Рассказала, что на свадебные деньги муж сразу же музыкальный центр купил, она и не особо возражала: дескать, он старше, в хозяйстве больше соображает. Да тогда ей этот центр и самой приглянулся. Как принесли, да как включили стереоколонки. «Красиво жить не запретишь!» И с утра до вечера разливается разухабисто, с хрипотцой: «Мурка, ты мой мурёночек...» или «Гоп, стоп, мы подошли из-за угла...» Возвращается Рита со смены, а дома сидят «друганы закадычные», пивко попивают. Одни уходят, другие заходят, и так до самой ночи, а то и всю ночь до рассвета, пока сами не свалются. Терпела Рита, терпела, да, видно, каждому терпенью свой срок. Не выдержала, высказала и получила ответ: «Так жил, и так жить буду». И тогда написала она ему письмо, что больше так жить не может, что, если это не прекратится, — уйдёт. Спрятала письмо в сумочку до «лучших» времён и успокоилась — несколько дней затишья выпало. То ли посадили кого-то из их дружной компании, то ли сами разъехались, но Рита-то думала, что это он, суженный, за ум взялся, к словам её прислушался. И в один из вечеров вытащила письмо из сумки, чтобы порвать уже — зачем оно теперь? А он тут как тут — от кого? Она смеётся:

— Моё, тебе адресовано!

А он:

— Покажи!

А она:

— Не покажу!

Бегали-бегали вокруг стола, Рита шмыг в ванную комнату и закрылась. Он ломится, кричит: «Покажи, говорю!» А как же она покажет, там много всего написано неприглядного. Разорвала на мелкие кусочки, смыла в унитазе. Вышла, тут он ей и показал свой «*гон, стоп*». После этой разборки попала она в больницу. Врачи сказали, что беременность была...

Эля зашла к ней не случайно, ей мама сказала, что Рита вернулась домой. Ритина мать с Элиной на одной швейной фабрике работают, только в разных цехах. Встретились — пообщались. «К подружке сходи, трудно ей сейчас» — сказала

мама, но знала бы она, как ей трудно. Такой серьёзной Эля никогда не видела Риту. Как подменили человека. Лежит на диване, не шелохнётся. Эля ей о своей беде поведала, как нелегко ей теперь с Егором, чуть что — разворачивается и уходит, она бежит следом, уговаривает, оправдывается, а Рита ей о своей обиде на мужа, выздоравливая уже...

Решение она приняла твёрдое — развод: она из-за него потеряла ребёнка, а он ни разу к ней в больницу не пришёл.

Глава двадцать третья

Я не могу без тебя

Сказал же кто-то умный, что наша жизнь как зебра: полоска чёрная, полоска белая. Но когда же, когда просветление? Сколько же может прожить человек в чёрной полосе? Не сказано ни одним мудрецом. И Эля научилась радоваться и в этой черноте. Пусть даже и самой короткой женской радостью — засыпая в объятьях Егора. Потому что всё, что было не сон, всё было боль и неизвестность. И лишь когда спит, он не задаёт никаких нелепых вопросов.

В тот день он опять сказал, что не может её простить и лучше, чтобы она ушла. Она уже не опускалась на колени, не молила о пощаде. Она вышла из подъезда, даже не оглянулась, не посмотрела в его окно. Почему-то было всё равно уже, стоит ли Егор у окна или не стоит. Обычно стоял.

Шёл мелкий снег, небо было затянуто серым полотном, и сквозь эту серость не проникал ни один солнечный лучик. Она не пошла на остановку, автобусы сюда ходили редко, всего один номер, и она не хотела ждать. И чего, собственно, ждать? Какой жизнью можно было жить дальше? Вот приехала бы она домой, где ей уже ничего не мило, пережила бы кое-как этот страшный день, пережила бы вечер, ночь. А наутро пошла бы в училище, где она уже не была столько дней... Уже приезжала к матери заведующая отделением, уже Эля давала обещание взяться за ум. Но оказалось, что ум не желает ничего предпринимать, он вообще отказывается думать. Работает одно сердце, а ему сейчас совсем не до изучения физиологии, не до философских размышлений о переходе количественных изменений в качественные. Ему надо одно, и немедленно — быть вместе с ним, с любимым. Иначе всё его биологическое существование теряет смысл. Теряет ли? Или уже потеряло?..

Эля брела через лог, где когда-то шли они с Егором в первый мартовский вечер. Брела, как провинившаяся перед хо-

зьяном и выброшенная на произвол судьбы собака. Ещё молодая, полная сил, преданная и готовая служить ему до последнего вздоха, но она была не нужна. И, быть может, она была ему даже противна.

Эта мысль родилась не только что, не вдруг залетела с колючим ветром, не сейчас обожгла усилившимся морозом. Эта мысль уже давно клином сидит в её отупевшей голове, и только сердце, сердце подсказывало всё время, что это не так, не так...

А сегодня сердце умолкло. Значит, она действительно ему противна. Да и разве такой он её полюбил? Конечно, всё ясно, ясно. Не ясно только, как дальше жить, чем дышать? И надо ли?..

Но об этом надо хорошенько подумать. Эта идея так спасительна сейчас. Надо сесть и подумать, прямо здесь, вот на этом сугробе, здесь так тихо, спокойно, и никто не помешает думать, потому что никто и ничем уже никогда не сможет помочь...

Эля свернула с тропинки, посыпанной кем-то песочком для безопасного спуска, видно, люди здесь и в зиму иногда ходили, и, совсем обессилев вдруг, присела рядом со своей ученической сумкой, ведь для домашних она, как прежде, каждый день уходила на занятия. Никто и не знает, что она сразу приезжает к Егору, ведь он ещё не устроился на работу. Родители после психиатрической больницы дают ему возможность отдохнуть. Господи, и зачем она соглашалась, чтобы он пришёл из армии раньше?.. Ей же теперь и достанется. И за то, что ответила в письме «хочу», а кто-то там из командиров прочитал его. Кажется, замполит, или старшина. Но почему же он кому-то дал прочитать её письмо? Кто посмел читать её сокровенные чувства? Была же на это причина? И как это так, ни с того, ни с сего появилась возможность прийти раньше срока? Как? Почему она не задумалась ещё тогда?.. Все бы так приходили... Хочу — пойду, хочу — вернусь. Так не бывает, не бывает. И почему он теперь такой? Что они с ним сделали?.. Господи, ничего не осталось от её прежнего Егора, разве что нежность. И что от неё, от той Эли, осталось? Тоже одна нежность к нему. Но она ему не нужна...

И почти сквозь сон, где-то далеко-далеко и глухо Эля услышала чей-то голос.

— Что же ты, деточка, тут сидишь?.. — наклонилась над ней старушка, тормоша за плечо. — Ишь, удумала... А ну-ка заболеешь?.. Ты что?.. Тебе ещё деток рожать... Ну-ка вставай, вставай...

Как они поднялись в гору, Эля и не помнит. Помнит, что даже «спасибо» не сказала участливым людям. Прошли бы мимо бабушка с дедушкой, и всё закончилось, все мучения, все страдания...

В тот день она добралась домой лишь к вечеру. Егор сидел у подъезда, ждал её. Что оба замёрзли, о том и не думали, сразу бросились друг к другу, плакали, просили прощения.

«Я так люблю тебя, так люблю... И совсем не могу без тебя...»

Эля ловила губами его поцелуи, такие солёные и такие желанные. И всё кивала и кивала в ответ, соглашаясь с каждым его словом. А он ещё говорил, говорил, шептал о чём-то сквозь слёзы. О том, что какой же он дурак, что ведь если она ему сама во всём призналась, то уже никогда, никогда не изменит и будет самой верной, самой лучшей женой!..

Нет, не всё, не всё ещё потеряно! И напрасно она, глупая, решила всё за них обоих! Как же благодарила она теперь в душе незнакомых ей и таких заботливых старичков!

Глава двадцать четвёртая

Свадьба

На другой же день они отнесли заявление в ЗАГС. Три месяца дали им на размышление. Три месяца волнений и приготовлений, а в конце апреля предстояло им расписаться. А между заявлением и свадьбой по старинному русскому обычаю был ещё и «запой», когда приезжали Элю сватать: Егор со свидетелем, мать с отцом, дядя с тётей. И встречали их родители Эли, её крёстный и крёстная, девчонки Рита, Лера, Галка. Мама даже гармониста какого-то отыскала, заплатила ему, и пели, плясали, и в квартире, и у подъезда. Тоненько, едва узнаваемым голосом пела мама частушки про «матаню». Кто такая матаня, или что такое матаня?.. Да никому и дела не было, особенно девчонкам, раскрасневшимся от маминого самогона и отбивающим дробь рядом с тётками. А мама и не захмелела ничуть, только как-то уменьшилась вся за эти дни, осунулась, и потускнели её синие глаза. И словно от какого-то разрывающего её душу отчаяния всё выше поднимала она руки, покачивая ими, как берёза ветками на ветру. Она, наверное, казалась смешной и простоватой матери Егора, та, конечно, не выйдет в круг с какими-то частушками. А мама отплясывала, притопывала, останавливалась в такт и голосила, голосила, то ли пела, то ли выкрикивала из себя и про залёточку-милёнка, и какая в девках она была интересная... и лишь глаза её были грустные-грустные, словно

подёрнутые лёгким туманом. А на свадьбе она уже плакала, не стесняясь. Плясала, плакала, убежала на кухню, опять прибежала, кажется, громче всех кричала «горько!» и опять плакала, промокая платочком уже воспалённые глаза. Так и вышла на фотографиях с платочком в руке.

А сама Эля, что и говорить, была на седьмом небе! Да разве есть более счастливый день у любой из девушек! В белой пене кружевного своего платья она лебёдушкой плыла рядом с Егором. Веночек из мелких цветочков, на котором держалась фата, то и дело сбивался набок от его объятий. Впервые после Егорова возвращения из армии она так легко улыбалась, словно отдыхала под крылом всеобщего восхищения, так была счастлива она, так нежно держал её под локоток Егор. И как будто сам он удивлялся, какая у него красивая жена. И Эля совсем забыла о своей вине. Это ощущение отодвинулось куда-то, на второй, или даже третий план. Хотя накануне свадьбы, дня за три до неё, Егор опять впал в какую-то невероятную апатию и, провожая её, в подъезде спросил прямо в лоб:

— А я у тебя точно был первый?..

— Конечно. А почему ты спрашиваешь? — улыбнувшись, ответила Эля.

— А кто такой Толик? — спросил металлическим тоном.

— Какой Толик? О чём ты? Леркин брат, что ли?.. — ещё улыбалась, а сердце уже затрепыхалось в груди.

— Ты была с ним?..

— Да с чего ты взял? Кто наговорил тебе?!

— Я дал слово молчать, — словно плетью ударил Егор.

Ноги её вдруг ослабли, но удержалась, выдавила из самого сердца:

— Ну и молчи, раз дал, — повернулась и пошла вверх по ступенькам, казалось, теперь уже навсегда.

И он это понял, что навсегда. Но не остановил. Отвернулся, хлопнул дверью, ушёл.

«Вот и всё. Вот и кончилась, не начавшись, семейная жизнь».

Бросилась на диван и заплакала, давась рыданиями: «Ну что теперь будет?!» Уже и не о своей несчастной любви плакала, просто уже почти ненавидела его: «Ну, ладно с ней, она заслужила, но как он мог так поступить с её матерью? Она ведь готовится, столько денег заняла, уже и продукты закупили... О, господи, что теперь скажет её отец?..»

Хорошо, что мама тогда была во вторую смену, братишка ещё не пришёл с улицы, а отец сидел в ванной, у него шуршала вода и слышалась его излюбленная песня про Лёлю, срывающую васильки...

Через полчаса Егор уже стоял на площадке, запыхавшийся и виноватый. Она открыла дверь, и он кинулся к ней, сгрёб в охапку: «Люблю! Мы ещё лучше всех с тобой жить будем! Верись?!» И она гладила и гладила, распрямляла его упрямые кудряшки на затылке, словно убеждала: верит...

Свадьбу два дня гуляли в частном секторе, в большом доме крёстного Эли. Так решили родители на «запое». Эля с Егором сидели под старинными часами с кукушкой, в светлом просторном зале. То справа от них, то по левую сторону хмельные гости затягивали песни, потом спохватывались, дружно кричали «Горько!»

И нацеловались они, и наплясались, и натанцевались, и под конец очередного застолья Егор уже хорошеньким был. Их много хорошеньких было, тёпленьких. Уже иные и проспаться успели, уже и подрасться кто-то с кем-то пытался, да разняли. В общем, всё как у всех, а поздним вечером погрузили подарки в машину, поехали к Егору. Всю ночь Егор стоял на балконе, на свежем воздухе, его выворачивало наизнанку. А Эля сразу уснула, как убитая, потому что прошлую ночь она глаз не сомкнула, уже и сама сомневалась, правильно ли она поступила, что удержала Егора?..

Часть 2

Глава двадцать пятая

Здравствуй, семейное счастье

Всю ночь лил дождь. Не так чтобы ливень, а шелестело и шелестело по молодой листве, стучало по карнизу. И почему бы дождю не пойти вчера?.. Если бы пошёл вчера, не случилось бы того, что случилось, из-за чего теперь так тяжело.

Как странно всё устроено: всегда — если бы. И всё взаимосвязано. Если бы она не поехала в тот роковой день в деревню, если бы не встретила там с Черкашиным, если бы не пошла с ним поговорить...

Подумать только — всё-всё было бы по-другому.

Но, говорят, судьба...

И никуда, говорят, от неё не денешься. Потому что всё-всё прописано на небесах, кому кем родиться и кому где оступиться...

Но неужели и эта угнетающая серость, и этот мелкий, нескончаемый дождь тоже прописаны в какой-то неизвестной

таинственной книге?.. Чтобы всё в жизни Эли получилось именно так, как получилось, и никак иначе? А начнись этот дождь вчера, всего на один день раньше, уж точно, всё-всё было бы по-другому, и не лежала бы она сейчас без покоя и сна, не мучила бы себя, не изводила.

Но вчера была такая ясная погода! И было так жарко, что даже птицы молчали в палисадниках. И Эля около часа сидела в полной тишине на скамейке у больничной кухни, ожидая своей очереди.

Смешно и подумать о первой записи в её трудовой книжке: раздатчица городской инфекционной больницы. И во сне не приснилось бы! Хотя и мечтала ли она о какой другой профессии? Нет, конечно. Будущее, если и виделось, то словно через романтично-мечтательную дымку, и никакой ясности не было.

На практических занятиях в учебном комбинате она занималась хохломской росписью, расписывали деревянные ложки и стаканчики. Очень утомительная была работа. С непривычки рука быстро уставала вырисовывать однообразные травинки-загогулины, листочки, цветочки, и на каждом листочке-лепесточке делать ещё и тонюсенькую разживку. К тому же эти ядовитые запахи масляных красок и ацетона: голова становилась чугунной к концу занятий. Поэтому перспектива стать художником хохломы не радовала Элю, хотя две её одноклассницы всё-таки надумали поступить в художественное училище. Теперь они, наверное, уже расписывают самовары!

Другое дело, если бы сидеть где-нибудь на лесной поляне или у реки на лугу с этюдником, стараться запечатлеть, допустим, настроение предгрозового неба! Чтобы одним верным мазком передать движение ветра и смятение сгущающихся облаков. Но такого таланта Бог Эле не дал, иначе бы школьный учитель рисования непременно порекомендовал ей отправиться в художественную школу.

Но один талант всё-таки был. Даже, пожалуй, два. Первый, педагогический, который ещё в шестом классе разглядела учительница математики, их классная руководительница. Элю тогда назначили пионервожатой у третьеклашек. Были вожатыми и Рита, и Лера, и ещё девчонки из класса, но все они занимались с октябрятами с меньшим энтузиазмом. А Эля им и сказки рассказывала, и сценки ставила, и в целях морально-нравственного воспитания какие-то поучительные истории придумывала, словом, никого детишки так не облепливали в школьном буфете, ни за кем так не волочились после школы, как за ней. И Маргарита Фёдоровна так

и сказала однажды Элиной матери, что Эле хорошо было бы получить педагогическое образование и работать если уж не учителем, то хотя бы воспитательницей в детском саду.

А второй талант чуть позже отметила учительница русского языка и литературы. Никто так не писал школьных сочинений на свободную тему, как Эля. Сначала учительница была уверена, что ей дома кто-то помогает, но после того, как такое сочинение под названием «Чем красив человек» написали они в классе, сомнений насчёт её сочинительского таланта не оставалось: надо поступать в литературный институт.

Но нет! Ни о чём таком Эле и не думалось и не мечталось в десятом классе! Ни о каких педагогических и литературных талантах, а думалось исключительно об одном Сашке Черкашине! И поэтому, когда однажды мама Леры Булгаковой посоветовала им поступить в медицинское училище, дескать, во-первых, в Липецке, во-вторых, это техникум, а в-третьих, медсестра — благородная профессия, и ходить в беленьком халатике с градусником в руках — это вовсе не кирпичи ворочать на стройке, они с Булгаковой, недолго думая, согласились. За неделю подготовились к экзаменам, успешно сдали, и в том же месяце стали студентами акушерского отделения.

А теперь вот Лера выучилась на секретаря-стенографиста, а Эля таскает вёдра и кастрюли с супами и кашами, чтобы накормить больных инфекционной больницы, потому что с дневного акушерского она перешла на вечернее медсестринское отделение. Можно было бы устроиться куда-нибудь в регистратуру, но, оказалось, что во всех поликлиниках эти тёпленькие местечки заняты.

В общем-то, она и не жалуется. Есть даже некоторая прелесть и в этой работе: развезёшь по боксам обеды, и ты свободна! можно и книгу почитать, и в окно посмотреть, а потом погромыаешь своей специальной каталкой по гулкому больничному коридору, соберёшь посуду, вымоешь, продезинфицируешь, и опять свободна. До ужина. И ни за что ты не в ответе, разве что за паутину на потолке да пыль на шкафу.

За приветливый, отзывчивый характер Элю здесь полюбили и врачи, и медсёстры, обещают при первой возможности перевести её в постовые медсёстры, но она и не очень-то этого хочет. Ведь их отделение одно из самых серьёзных в инфекционной больнице. Есть у них пациенты с брюшным тифом, одна из них, молоденькая сельская учительница, сама недоумевает, где могла подхватить такую заразу, есть пациент, и кому рассказать — не поверят! — с диагнозом холера. За ним, конечно же, ухаживают родственники, потому что он не встаёт с постели и самостоятельно к своему окошечку не

подходит. На днях Эле довелось войти к нему в палату, так она даже испугалась, какой он весь истощённый, словно скелет, обтянутый сухой кожей. А ведь постовые медсёстры по несколько раз на дню делают ему уколы, ставят капельницы. К тому же они работают круглосуточно, а Эля с восьми до восьми. И так счастлива, когда закончен ужин, вымыта посуда, и она летит на всех парусах домой, к Егору.

А Егор в прошлом году восстановился в политехническом институте, учится тоже на вечернем отделении, устроился на работу. Он теперь слесарь металлургического завода, работает в цехе, начальником которого — его отец, и свёкор поможет ему по окончании института получить должность инженера.

Все рады, что он, наконец-то, забыл о железнодорожном техникуме, ведь тогда они с ним вынуждены были бы переехать в Воронеж, жить на съёмной квартире. Ей пришлось бы перевестись в воронежское медучилище и искать там работу, а здесь и своя комната, тихая, светлая, уютная, с балконом, куда Эля вывешивает сушиться на солнышке выстиранное бельё, и с которого недавно уронила она своё обручальное колечко. Стояла, задумалась о чём-то, крутила его, вертела, и доигралась — выпало из рук! Искала и одна, и с Егором ходили — не нашли. А вечером свекровь ушла искать, и принесла-таки Элино золотое колечко!

В общем, куда уж лучше жить им здесь! И Егору всё-таки хорошо бы получить высшее образование, и зарплата повысится, и квартиру ему дадут как молодому специалисту! И родит Эля ему деток, может, сразу двоих: мальчика и девочку! Потому что бабушка Эли рожала двойняшек, а это передаётся по наследству, как правило, через поколение! Недавно на генетике она внимательно прослушала об этом целую лекцию!

А как сам Егор хочет ребёночка! Недавно обдумал, повёл её в женскую консультацию на обследование! Да как страстно расспрашивал докторшу, почему у них так долго нет детей! Докторша не нашла у Эли никаких отклонений, а что не беременеет, так это, сказала, Господь тебя бережёт...

Так что всё у них впереди: и образование, и квартира, и дети. И, пожалуй, Егора могут перевести в инженеры даже раньше, чем он защитит диплом! Просто сейчас ему надо хорошенько потрудиться. Хотя бы годик ещё поработать слесарем, пусть и самого низкого разряда. И, кажется, Егор это понимает.

Работает он по сменам. И вчера был в первую, и должен был прийти домой раньше Эли.

О, как любит она эти минуты, когда он открывает дверь, и она бросается к нему, словно не виделись тысячу лет!

Но вчера Егора не было дома, и дверь ей открыла свекровь. Эля прошла в комнату, посидела за столом, обдумывая, что ей делать, что предпринять.

Можно было бы, конечно, и ничего не делать, и ничего не предпринимать, а просто лечь и отдыхать, ведь такое уже было, и, в общем-то, было не один раз. На него словно затмение находит, и он после смены идёт неведомо куда, словом, куда угодно, только не домой. И это невозможно предугадать и даже попытаться предотвратить. Потому что это всегда неожиданно, всегда, как говорится, на ровном месте. Ладно, если бы хоть поссорились. Нет! Они даже собирались вечером сходить к Станиславу, познакомиться с его новой невестой.

Ну, неужели на него опять нашло?.. И опять он, уподобляясь своему неизвестному «Чёрному принцу», «плавает» неизвестно где с неизвестными думами, с неизвестными чувствами...

— Может быть, какие-то неотложные дела в институте?.. — предположила свекровь, когда Эля совсем потерянная появилась на кухне.

Все уже поели, а она есть отказалась, соврала, что отужинала на работе.

— Может быть, — ответила Эля.

— Ты, Эля, поостороже бы с ним!.. — не в первый раз учила она не стесняться их, а ругаться на него, можно даже и матом. — Знаешь, как другие жёны...

И принялась рассказывать ту единственную историю о том, как её золовка раз и навсегда «воспитала» своего незадачливого мужа блинной сковородкой. Но разве может Эля поступить так, да свекровь и сама отлично знает, что кто-то, а её сноха даже и голося не может повисить на Егора!..

И чтобы не слушать дальше разные нелепые советы, Эля решила выйти и встретить его на улице.

В такие непредвиденные вечера она гуляла за домом, потому что сидеть на остановке и ждать автобуса совершенно необязательно: Егор мог появиться хоть откуда! Если со стороны лога, тогда и за домом гуляя, она не заметит, как он прошмыгнёт в подъезд, а мог появиться и со стороны школы, если вздумал зайти к кому-нибудь из ребят. Один раз она посидела на остановке до полуночи, к ней даже успели прицепиться какие-то незнакомые ребята, но, разговорившись, прониклись неким сочувствием. Дескать, надо же, муж уехал на танцульки, а жена терпеливо ждёт его на остановке!..

— Тогда и вы бы ехали на танцы! Вас-то что держит?.. — попробовал преподать урок семейной жизни самый шустрый паренёк.

Но Эля ответила просто:

— Ну, и зачем же я тогда замуж выходила?..

Наверное, таким убедительным был её незамысловатый ответ, что парни перестали доставать, а этот даже вызвался проводить до подъезда, потому что совсем стало темно.

Они подошли к подъезду, и Эля с радостью увидела свет в их окне. Тогда был выходной день, родители уезжали в деревню, и никого, кроме Егора, дома быть не могло. Помнится, тогда он ещё дерзко упрекнул её: «И где же ты так долго гуляла?..»

Но это было в начале мая. А сейчас почти осень. И столько времени прошло, и опять повторилось.

Но всё уже было по-другому. Совсем-совсем по-другому. Никто бы даже и не поверил, что такое может быть между ними.

Эля дождалась автобуса и приехала в парк. Было ещё относительно светло, по аллеям гуляли парочки, сидели кое-где и пожилые люди. Она прошлась по асфальтным дорожкам меж высоких лип и тополей, тревожным взглядом отыскивая знакомую фигуру, и направилась к летней танцплощадке. Там толпились несколько человек, но, когда Эля подошла, никого уже не было, играла музыка, все танцевали. Только дежурили у входа спортсмены-самбисты, ученики знаменитого Кима, которые помогали милиции поддерживать здесь порядок. Эля подошла поближе к ограждению. Она, конечно, и не надеялась непременно увидеть здесь Егора. Но ведь почему-то именно сюда привело её сердце. И вот, взглядываясь между узеньких, окрашенных в яркие цвета, дощечек, она его и увидела.

Он танцевал с невысокой худенькой девушкой. И почему-то сразу показалось, что танцуют они слишком медленно, что слишком близко прижались друг к другу.

Эля кинулась к входу, но путь ей преградил бойкий кимовец:

— Ваш билетик?..

— Я на минутку..

— Купите билет, девушка. Без билета нельзя.

— Здесь мой муж, понимаете! Я сейчас же выйду, только скажу ему, пропустите меня!..

И заблестели, заслезились умоляющие глаза, ведь совсем не догадалась она взять с собой деньги. И непреклонный паренёк сжалился.

«Я только скажу ему, только скажу...» Но что она ему скажет?.. Что вообще в таких случаях говорят?.. А ноги стремительно идут вперёд, несут её в неизвестность. И пары все расступаются перед ней. Куда, зачем — неважно уже ничего. Она подошла к нему, остановилась, дотронулась до плеча. Даже музыка закончилась, оборвалась. Он повернулся, и Эля ударила его по щеке.

Мир замер вокруг, стихли все звуки, и шелест, и гул разговоров. И невысокая девушка растворилась в этой тишине. Егор стоял и не мог опомниться, и не мог поверить, что это Эля стоит перед ним...

И он, конечно же, был нетрезв. Но никогда прежде он не смотрел на неё с такой ненавистью. Он вдруг больно схватил её выше локтя и, грозя немедленной расправой, потащил к выходу.

И Эля не знает, что было бы дальше, не останови их на выходе всё тот же строгий паренёк.

Егор немного ступешался, стал уверять, что ничего здесь плохого не происходит, что это пришла его жена Эля. Но подоспевшие защитники правопорядка всё-таки посадили его в подъехавший милицейский «уазик», и, несмотря на Элины протесты, увезли. На прощание Егор уныло глянул на неё через решётку, а пропустивший её на танцплощадку паренёк успокоил: «Не переживай, иди домой, с ним проведут воспитательную беседу и отпустят...»

И правда, его отпустили почти сразу, они встретились на остановке и сели в один автобус, и приехали вместе, но до самой квартиры шли всю дорогу молча.

Открывшая им свекровь спросонок даже и не спросила ни о чём, и они, не сказав ни слова, молча прошли в свою комнату, молча разделись и молча заснули, отвернувшись друг от друга. И вот теперь уже утро, и льёт дождь, и Эля всю ночь не сомкнула глаз. «Уйти. Раствориться. Исчезнуть. Чтобы никогда, никогда уже не вернуться».

Глава двадцать шестая

Пусть будет так

Родной микрорайон показался ей незнакомым, чужим, нелюдимым. Может быть, из-за непогоды, дождя, затянувшегося со вчерашней ночи до сегодняшнего вечера, была улица так невзрачна и уныла, а, может, оттого, что многие её ровесники, как она, вышли замуж и поменяли место жительства. Куда ни посмотри — везде серость: и дома стоят с отсырев-

шими стенами, на вывеске аптеки две буквы не светятся, лампочки в них перегорели, и никому дела нет до того, чтобы их заменить. И деревья зябко вздрагивают от налетающего ветра, и цветы в палисадниках словно оцепенели от внезапного похолодания.

Но надо здесь как-то снова жить, привыкать.

К Егору она решила не возвращаться. Незнакомые чувства распирала её сердце: «А что, если он её уже не любит?» Раньше она хоть знала — любит! И все его страдания, и все шатания-мотания — из-за ревности. А теперь? Отчего же с такой ненавистью сверкнули его глаза?! Да подумаешь — пощёчина! Так ведь заслужил! А если бы это она убежала на танцульки?.. Даже и представить себе невозможно, что бы он с ней сделал: да убил бы, наверное! И стало если не обидно за себя, всепрощающую, так уж стыдно, это точно. А что, если кто из знакомых видел их вчера на танцплощадке? Ведь тесен город, почти, как деревня. Вот стыд-то!

Ну, и поделом ей!!! За всё, за всё поделом! Пусть будет так, как хочет он! Пусть наконец-то он освободится от такого тяжёлого ярма, как её любовь! Довольно ей и слёз, и сожалений: всё!

Вот только к родителям своим вернуться она сейчас совсем не готова! Ну, хотя бы ещё немного повременить, пообвыкнуться в этом непривычном состоянии.

Она уже захала после работы к бабушке и крёстной, маминой сестре, хотела переночевать у них, но и там не нашла душа успокоения. Более того, расскажи она крёстной, что ушла от Егора, та ни за что не одобрит, скажет: «Вышла замуж — терпи! Все терпят!» Она не была замужем, и для неё семья — священное понятие, ради её сохранения можно пожертвовать всем, и гордостью в первую очередь. Но какая же гордость у Эли? Нет никакой гордости... Чем же ей жертвовать?.. Даже и пожертвовать нечем, кроме любви...

Эля вручила бабушке кулёчек батончиков, любимых её конфет, молча посидела с ней в полумраке тихой комнаты, и, не дожидаясь крёстную, уехала.

— Ну, коли есть не хочешь, то ступай с Богом! — только и сказала бабушка во след.

Эля кивнула, силясь улыбнуться.

Вот так, сколько помнит себя Эля, всё у бабушки с Богом: «Спи с Богом, ешь с Богом, ступай с Богом!» И спокойнёхонька-спокойнёхонька, как будто и не вдовой весь век коротала... А дедушка-то так с войны и не пришёл...

Нет, не может Эля здесь оставаться, поймут ведь, расспрашивать начнут, а ей и сказать нечего, не скажешь же: «Три

года назад меня Сашка Черкашин изнасиловал, а Егор мне этого простить не может!» Любого в смущении введёшь таким чистосердечным признанием. Нет, никому она больше не расскажет, зачем ему-то рассказала... Права Рита, глупая-преглупая...

И надумалось вдруг зайти к Лере Булгаковой. У неё и переночевать можно. Сто лет ведь не заходила! А почему не заходила — Егора чтобы не расстраивать, ведь мало того, что Лера знает Черкашина, так ещё и привет могла бы от него передать! Словом, с ней видеться было категорически запрещено. Что не сделаешь ради покоя и лада в семье! А теперь вот и лад их оказался каким-то искусственным, не говоря уж о покое.

Ни покоя, ни лада, ни самого Егора. Один день ничего нет. И её, Эли, тоже словно нет.

Как спасательный корабль в океане вселенского потопа — огромный Леркин дом, Леркин подъезд и Леркина квартира на пятом этаже. Сколько раз школьницами поднимались они по этим крутым ступенькам! Как любили после уроков ходить другу к дружке в гости! То сюда шли, прямо со сковороды наворачивали поджаристых макарон по-флотски, то к Рите на вкуснющие тоненькие блины все втроём заваливались, то вела их Эля к себе на фирменную бабушкину кашу с тыквой, рассыпчатую, томлёную в духовке. Бабушка часто её готовила, ведь не было такого дня, чтобы она к ним с братом для присмотра не приезжала!

После уроков, оголодавшие, девчонки в два счёта всё со стола сметали, и начинались у них мечтания...

— У меня муж очень богатый будет! — воображала деловая Лерка. — И вся я в фирме буду ходить! И «Волга» у нас будет, и квартира, и мебель дорогая...

— А у меня будет муж... и много-много детей будет! — хоть и простовато, но так трогательно мечтала Рита.

— А у меня...

И девчонки с придыханием смотрели на Элю, потому что была она, наверное, вся светящаяся в эту минуту.

— А у меня... Большая-пребольшая любовь будет! — говорила Эля, как пела.

Любовь...

Сначала она была к худенькому соседскому мальчику с грустными глазами, который часто болел, и его было нестерпимо жалко, а потом они переехали на новую квартиру, и он постепенно забылся...

Потом, с начала летних каникул после восьмого класса началась долгая-предолгая любовь к Сашке Черкашину...

А теперь она задыхается без Егора...

Но задыхалась Эля ещё и оттого, что дошла, наконец, до пятого этажа. Перед тем, как позвонить, постояла, перевела дух.

После недолгого шуршания Лерка распахнула перед ней дверь. Дыхнуло таким знакомым, тёплым запахом её квартиры. И сама Лерка была такая мягкая, в байковом халатике, румяная и домашняя. А Эля думала, что тут дым коромыслом, друзья-подружки. А тут и нет никого, Лерка одна. Но чем же так знакомо пахнет?.. Вспомнила — кипячёным молочком, свежевывглаженными пелёнками. Так всегда у них пахло, ведь младший Леркин братишка как раз и появился на свет, когда началась их девчоночья дружба. Но ведь он подрос уже, и сейчас с родителями на Кубе...

— Эля!.. Вот уж кого не ждала!.. — Лера смешно всплеснула руками, отступила назад, неподдельно обрадованная.

— Да вот... шла и зашла... Ты одна, что ли?.. — спросила, пока разувалась да зонт устанавливала, чтобы высох.

— Одна и не одна.

— Как это? — улыбнулась Эля.

— А ты будто не знаешь...

Эля приостановилась, посмотрела на подругу внимательно.

— Нет, не знаю. А что?..

— Ну, тогда сейчас узнаешь, — только и ответила та и повела её в свои хоромы.

Это просто кому рассказать — не поверили бы: Лерка родила! Сначала и Эля не поверила. Ни словам её, ни глазам своим. Лежит в зале поперёк диванчика крохотный копошащийся свёрточек, ножки кверху задирает, кряхтит, пыжится, силясь распеленаться, глазками-пуговками вокруг водит.

Не поверила, всё думала, что шутит Лера, на розыгрыши она и в школе была горазда, думала, что кто-то из соседей оставил младенчика приглядеть на какое-то время. Пока в доказательство неопровержимого своего материнства Лерка решительно не растегнула верхние пуговицы халата и чуть не забрызгала её тугой стружкой грудного молока.

От этого действия Эля просто опешила.

Вот это чудеса!..

Никто и не знал, и не предполагал, что Лера была беременна. Сама от себя, как говорится, скрывала. Все у неё спрашивали:

— Что-то ты, Лера, так поправляешься?..

А Лерка отшучивалась:

— А это всё от хорошей жизни!..

Ну, допустим, жизнь у неё после отъезда родителей и впрямь была очень хорошей. Никто её не контролировал. До десятого-то класса их отец всё шлангом пугал, одного шланга они со старшим братом и боялись! Но это, конечно, из-за двоек и школьных пропусков, на большие творения отчаянные дети не решались. А потом брат ушёл в армию, двоюродный — Толик — вскоре женился и переехал к городской жене, и Лерка осталась совсем одна. Вот тут и начала она творить свою жизнь уже самостоятельно, по своему личному усмотрению и вдохновению.

И натворила: отец мальчика закончил учёбу и уехал в свою Грузию, а она осталась в интересном положении. И даже шибко разобиженной на него за то, что так получилось. Даже и на адрес, который он оставил, ни одного письма не отправила...

Что-то теперь скажут родители, которым уже скоро возвращаться?.. Но что поделают? Ничего и не поделают, а будут всей семьёй воспитывать внука. Разве это беда, ребёнка родить?..

Вот у Эли настоящая беда — ни деточки, ни мужа. А был бы ребёнок, так, может, и не бегал бы Егор по танцам. Но даже ребёночка родить она не сумела...

Лерка деловито перепеленала сына, завернула в одеяльце и отнесла в спальню. Вернулась с фотографиями. Показала и парня своего уехавшего, и загорелых радостных родителей на фоне раскидистых пальм, и подросткового братишку, и армейскую фотографию старшего брата, который где-то в далёкой Монголии служит.

— А помнишь, Эль...

И так, слово за словом, вспоминая разные события минувшего, они постепенно добрались и до Сашки Черкашина. Не зря же Егор подозревал! И что же? Женился недавно Черкашин. И вовсе не сгоряча, вовсе не назло Эле, а на горячо любимой прежде девочке из параллельного класса, с которой он и переписывался первый год службы. Вот так-то! Получается, это назло ей он мог бы и впрямь жениться на Эле...

— Ну, что ж, счастья ему! — сказала Эля.

И, наверное, грустновато у неё это получилось, что Лера простецки махнула рукой:

— Да, ладно, не обижайся ты на него...

— А я и не обижаюсь!.. Я на себя обижаюсь...

— И на себя ты тоже не обижайся. Хватит!

И, скорее потому, что Эля не обратила ровным счётом никакого внимания на её слова, сказала:

— Не хотела тебе говорить, но раз уж ты сама ушла от Егора, то теперь, наверное, можно...

Эля посмотрела на неё с непониманием.

Что может сказать ей её одноклассница, которая ничего не знает про их жизнь? Они и виделись-то с ней в последний раз на второй день их свадьбы?..

— Ты знаешь, что он от тебя гуляет?.. не утруждая себя особым вступлением, как с плеча, рубанула Лера.

— Да ну, — успела возразить подруге. — Он в парк уезжает... если поссорились...

Но тут же и осеклась, ведь он уезжает и тогда, когда они и не ссорятся.

— Да что ты говоришь?!! — негромким, но уверенным голосом продолжала рубить сердце Эли подруга. — Да он там почти всё лето отирается! На танцплощадке! Себе-то не ври!!!

— Нет, Лера, нет же! Ты что-то путаешь, он на вечернем отделении учится... Да и не всегда у нас так плохо... У нас и хорошо бывает... Прошлым летом, например, мы с ним на кордон ездили, у лесника в избушке две недели жили... На лодке плавали, рыбачили... Знаешь, какие там места, какие озёра чистые — даже плавающих под водой черепашек видно!.. Это вчера я его по щеке ударила. Приехала — а он танцует. Ну, и не сдержалась я.

Она замолчала, уставившись в пол, и долго не поднимала глаз, потому-то и не видела Лериного взгляда. А та просто вспыхнула как спичка и горела:

— Да опомнишься же ты?!! Да он даже ко мне приставал! Не побоялся, что расскажу, уверен был — никуда ты от него не денешься! Или думал, что никогда мы с тобой не встретимся?.. Да ты хоть теперь-то понимаешь, почему он тебя ко мне не отпускает?..

Теперь, конечно, всё прояснилось, и в то же время всё запуталось ещё сильнее. Ясно лишь — он мстит ей, конечно, мстит! Лишь бы унять свою боль, она душит его...

И откуда взяла она силы выслушать в подробностях, как и когда конкретно он приставал к Лере? Но выслушала... и понесла своё изрубленное сердце домой — оставаться у Леры было ещё хуже, чем пойти к родителям.

Глава двадцать седьмая

Если бы была одна

Их было много, этих девушек. Если бы у него появилась одна, Эля непременно ушла бы. Но их было много, а если

много, значит, не было ни одной. Настоящей. Потому что настоящая — лишь одна она.

И поэтому она с лёгкостью забывала о них, случайных. Забыла о той яркой блондинке, с которой Егор уединился в каком-то складском помещении при кафе. Они тогда гуляли на свадьбе у его приятеля, и Эля вдруг потеряла его из виду, и искала, и спрашивала у всех, но никто не ответил толком, и она вышла на крыльцо и увидела неподалёку раскрытую дверь в подсобку, и курящую там девушку. Та тоже увидела её и кому-то что-то сказала, и тот выглянул. Этим «тем» оказался Егор. Он выглянул и опять спрятался, надеясь, что Эля его не заметила. Но она не уходила, и та девушка опять что-то сказала ему, и он вышел. И пришёл...

Да, он злился. Он выпил водки, и она не знает, что было бы дальше, если бы свадьба не начала сворачиваться. Но вскоре молодожёнам вызвали такси, и все постепенно стали расходиться. Отправилась домой и они.

В другой раз, и тоже на свадьбе, он кокетничал с застенчивой деревенской девчушкой, школьницей ещё, к тому же и дальней родственницей Эли. Самое неприятное было, что и мама тогда заметила это, и сёстры, и братья...

А ещё были ночи, когда он просто не приходил. По утрам он клялся, что выпил с ребятами, запьянел и уснул, или что по дороге домой его забрали в медвытрезвитель, что это легко проверить, и что если она не верит...

Но она, конечно, верила.

А ещё успело случиться в их семейной жизни раскрытие давнишней его маленькой тайны.

В одно из воскресений Эля и свекровь лепили пельмени. Они непринуждённо болтали на кухне обо всём, что приходило на ум, и свекровь, рассказав что-то о своих школьных подругах, где учились и где теперь работают, поинтересовалась, как поживают Элины подруги. Поговорив о Рите и Лере, дошли, наконец, и до вышедшей недавно замуж Галки Абрамовой.

— Да-да, я помню эту симпатичную девчушку, она к Егору как-то приезжала...

— Нет-нет, вы что-то путаете! Мы с ней вместе приезжали, когда Егор был в армии! — улыбаясь, напомнила Эля.

— Да-да, я это прекрасно помню, и ничего не путаю, — без задней мысли подтвердила свекровь. — Но потом она приезжала одна.

— Когда же?! — удивилась Эля.

— Да когда Егор уже пришёл!.. — ответила та и тут уж настояжилась, почувствовав, что сказала лишнее. — Да она у нас недолго побыла... Даже чай не попили, всё разговаривали...

— А что же он мне не рассказал?..

И Эля спросила, не помнит ли свекровь, о чём они разговаривали.

— Не знаю, они же закрылись...

И, конечно, в тот же вечер Эля узнала, о чём они говорили. И как не хотелось Егору выдавать тот секретный визит, но Эля на правах жены всё же настояла.

И оказалось, что всё, чем делилась она когда-то по простоте душевной с маленькой своей подружкой, известно стало Егору. И даже так ему Галка Абрамова сказала: «Если бы Эля сама не захотела встретиться с Черкашиным — не поехала бы она в деревню!»

Вот это да! И теперь стало ясно, почему приглашённая к ним на свадьбу плакала она на балконе.

— Да что ж она так переживает? — пыхтела недовольная Лера, прикрепляя веночек к Элиной причёске, и всё звала её: — Галка! Ты что, за подругу не рада?

— Да не трогай ты её, — советовала Рита, — она сегодня странная какая-то...

— Просто чувствительная: уеду — и не с кем ей и поговорить будет! — не сомневалась Эля.

Их было много, которым нравился Егор, наверное, кто-то нравился и ему, но мужем он стал для неё. И в горе и в радости согласился быть вместе с ней...

Глава двадцать восьмая

Где-то в небесном океане

На улице было совсем уже темно. Засиделись они с Лерой не на шутку! О себе она рассказала, что больше всего боится, что мать по приезду с Кубы решит поехать в Грузию. С неё станется! А так они уже всё знают, конечно. О внуке она им недавно сообщила в письме. Будут ей теперь гостинцы заграничные: и плащ кожаный, и сапоги с туфельками, и джинсы фирменные, о которых так мечтала!

И почему-то не было ни обиды, ни досады из-за горькой Леркиной правды, что открыла она про Егора. Словно именно так и должна была закончиться большая-пребольшая Элина любовь...

Закончиться, почти не начавшись. Расцветшее, но не плодоносившее дерево.

Эля брела по тропинке между редким кустарником. У остановки горели фонари, припозднившиеся люди ожидали последнего автобуса. Дождик слегка моросил, но зонтик она не раскрывала, и мелкие косые капли секли и охлаждали её

разгорячённое лицо, что было даже приятно. Хорошо, что она не осталась ночевать у Леры. Как не хватало ей, оказывается, этой свежести и прохлады, этого шемящего чувства единения с дождём, ветром, звёздами...

Но звёзд никаких не было, всё небо затянуто непроглядной серостью, словно мешковиной. И надо же — где-то за этой непроглядной серостью плавает во Вселенском океане непознанный объект — «Чёрный принц». Плавает сам по себе, не подчиняясь никаким законам. Но ведь такого не может быть! Всё чему-то подчиняется и от чего-то зависит. Просто человечество этого ещё не изучило! Иначе — это просто глупо, летать бесцельно, без предназначенного пути и заданного направления, подвергая себя постоянной опасности.

В Ритином окне Эля увидела слабый огонёк — читает... И подумала, что завтра она непременно зайдёт к Рите. Та расскажет, как она справляется со своим одиночеством, и вместе им будет не так одиноко. И как могла Эля так долго не интересоваться её жизнью?..

У Ритино дома сидели знакомые ребята, поздоровались, кто-то вызвался проводить Элю, потому что в их районе участились ограбления. Но она отказалась, ей ещё надо было подумать, что сейчас она скажет ошарашенной матери. И ничего сейчас не казалось ей страшнее острого взгляда отца. Одна надежда на то, что он уже спит.

В их подъезде было ещё темнее, чем на улице — хоть глаза коли! Ни одной лампочки горящей! Эля нащупала ногой первую ступеньку и стала подниматься.

На своём этаже немного постояла, собираясь с духом, и постучала. Глаза уже немного присмотрелись к темноте, и если бы дверь не открылась, можно было бы просидеть здесь до утра на ступеньках. Но мама всё-таки открыла, предварительно спросив, кто там, убедившись, что это не чужие — своя!

Заспанная, она даже и спрашивать ни о чём не стала, махнула, ложись, мол, на мою кровать, а сама пошла в зал к отцу. Эля с замиранием сердца слышала, как заворочался, забурчал что-то отец, то ли во сне, то ли спрашивал, кто пришёл, но скоро всё утихло.

Глава двадцать девятая

Каждому — своё

Егор не пришёл за ней ни назавтра, ни через неделю, ни через месяц. Спустя ещё какое-то время мама договорилась

с племянниками привезти от него шкаф, ковёр и оставшиеся вещи. Старший брат как раз работал на грузовой машине, и забрать Элино приданое не составило особого труда.

Говорят, Егор сам помог вынести и погрузить шкаф, снял со стены ковёр, даже шторы не оставил себе — всё вернул Эле. И обувь, и пальто, и шубу, и кофточка с юбками, всё сам собрал до самых мелочей, даже косметичку уложил! Был ли он весёлым, был ли грустным при этом — не сказали. Да и какое теперь до этого дело — оно сделано, и назад дороги, видимо, не будет.

Зато Андрей, успевший за это время обзавестись и женою, и дочкой, когда вещи разгрузили посреди Элиной комнаты, и все ушли на кухню передохнуть, попить чаю, решил кое о чём рассказать.

Прошлым летом, оказывается, он возил Егора в деревню, искали там Черкашина: Егору необходимо было с ним увидеться. Искали, но не нашли, в тот день Черкашин был в городе. В следующий раз, когда Егор попросил о том же, Андрей сослался, что устал на работе, а в другой раз прямо заявил, что ни к чему всё это, и если он не верит своей жене, пусть разводится! Сейчас это проще простого, никто никого не неволит.

— Знаешь, Эль, не обижайся, но я даже рад, что вы расстались. Мутный он у тебя какой-то...

— Нет же, Андрей, нет, он не такой!.. Я сама, сама во всём виновата, понимаешь...

— Понимаю. Но если ты перед ним и была когда-то виновата, то он твою вину давно уже переплюнул...

На этом разговор их оборвался, позвали, и Андрей уехал, и вот с тех пор ещё и не встречались. Оно и понятно, у каждого теперь своя жизнь, свои семьи. Каждому — своё. Но только теперь ей кажется, что у всех лучше, чем у неё. У всех всё движется, развивается, радуется, сулит надежду. У всех, даже уже и Лерка ходит счастливая: вернулись её родители с Кубы, купили подарков, но самый главный подарок — это ответ на письмо, которое её решительная мама сразу отправила в Грузию. И какой ответ! Скоро они приедут свататься! А Лера сама боялась известить, даже адрес жениха не без боя матери предоставила!

И у Риты явная победа на любовном фронте. Не зря в конце лета Эля помогла ей сочинить письмо-признание одному молодому человеку, однокласснику из рабочей школы молодёжи, где теперь та, бросив после развода техникум, навёрстывает общеобразовательную программу. С этим молодым человеком сидят они за одной партией, и давно уже он Рите нравил-

ся, но не знала она, как ей объясниться с ним. А Эля посоветовала ей написать письмо. И вот объяснение сделано и принято всем сердцем. И успеет Эля к зиме ещё и на свадьбе у них погулять, а там, может, сразу и на другой, на Лериной!

Так потихонечку жизнь и шла, шажок за шажочком. Слово заново училась Эля ходить в своей разведенной с Егором жизни. Один раз всего лишь и встретились они — в ЗАГСе, куда Эля, потеряв всю надежду на то, что он придёт и попросит прощение, и позовёт её снова к себе, подала заявление на развод и куда их вызвали на предварительное собеседование. Она больше молчала, а Егор был и весел, и бодр, и даже, как ей показалось, не без удовольствия отметил, что дальнейшее их совместное проживание невозможно. И для пущей убедительности, чтобы уж точно развели, а не дали ещё дополнительного срока на обдумывание, добавил:

— У меня уже другая жена. Зоя. Мы вместе работаем.

Элю и так с утра познабливало, а тут как будто окатило ледяной водой, и она превратилась в каменную статую. Как только ноги сдвинула, не помнит. Помнит, выходили с Егором вместе, он и дверь распахнул перед ней, пропуская вперёд. Помнит солнце ослепительное, от него и слёзы в глазах, смахнула несколько выкатившихся капелек, отвернулась и пошла к остановке. А Егор как-то пожух весь сразу, съёжился, кутаясь не по сезону в лёгкую курточку, двинулся, поскальзываясь на запорошенном снегом льду, в противоположном направлении. У дороги остановился, пропуская вереницу машин, обернулся. Эля тоже обернулась, взглядом спросила:

«Это правда?..»

И он так же взглядом ответил:

«Какая тебе разница? Как хочешь, так и думай!»

Рассказала Рите об этом их разговоре, опять слёзы потекли. Та успокаивает, разговор-то, мол, тобой самой придуманный, мало ли что он в действительности сказал бы! Но теперь Рита совсем к нему отношение переменяла, сказала в сердцах: «Как раньше его любила, так теперь за всё издевательство над тобой, ненавижу». Вообще, говорит, нормальный ли он?.. Давно, говорит, уже в этом сомневаюсь...

Глава тридцатая

Разные мысли

Вторую Ритину свадьбу перед самым Новым годом праздновали у неё дома. Рита была ещё красивее, чем на первой. Правда, платье сшила уже не до пола, а повыше коленей, и от

фаты отказалась, прикрепили ей на причёску букетик из белых фиалок.

И второй её жених был не чета первому! Кудри чёрные, лицо беленькое, ровненькое, и ни одной татуировочки на руках! И по характеру тихоня, и улыбочивый.

В числе приглашённых были и Лера со своим Таризэлем. По счастливой случайности совпал его приезд с таким торжественным мероприятием. Внешне он нисколечко не похож на грузина, светлоглазый, светловолосый, даже ресницы у него рыжие! И очень серьёзный взгляд. Оно и понятно: неожиданно-негаданно, в один миг отцом стал! От своих родителей в Грузии по первое число «на пряники» получил! Зато Лера теперь такая важная, как королева ходит! Эля же знает, какая она хохотушка, а тут ни-ни, держит марку! И правильно, нечего прежде времени перед ним выплясывать, пусть сначала у Лериного папаши, с которого ещё не вся ярость сошла, руки её попросит да ребёнка усыновит!

Разные мысли посещали на свадьбе Элину головушку. Танцевать ей не хотелось, благо, что свидетельницей она была на этой свадьбе, а свидетельнице не подобает вести себя легкомысленно, пусть другие гости веселятся, она лучше посидит с краешка стола, на других поглядит.

Но и на других что глядеть? Лера со своим будущим мужем ушли, у них уважительная причина, малыша кормить надо, жених со свидетелем на балконе курят, невеста со свекровью беседы ведут, решают, где молодым ночевать, кто-то на улицу подышать вышел, кто-то за спиной под магнитофон танцует.

И вдруг Эля решила, что чем трезвой букой на всё это дело смотреть, лучше уж выпить. Пододвинула поближе бутылочку, налила водки и опрокинула стаканчик. А она и не горькая совсем, и веселья почему-то не прибавила. Посидела, посидела, да и ещё налила стопочку. Так не помнит, сколько стопок выпила, а помнит только, что сбоку кто-то за плечо тронул. Оглянулась — Алёша стоит. И откуда он взялся, непонятно, ведь не было его?..

Стоит, такой окрепший, возмужавший. Рита говорила, что он из Афганистана пришёл...

Стоит, улыбается, на танец её приглашает.

Вышла из-за стола, Боже ж ты мой, неловкая какая стала: рукой салатницу зацепила, бокал с лимонадом разбился, самодельную длинную лавочку, сооружённую из доски на двух табуреток по краям, сдвинула, спасибо, Алёша её поддержал, а то бы и упала. Начали танцевать, а Элю как на волнах качает, в сторону сваливает. Прямо в стену врезалась плечом, и силы нет оттолкнуться, рукой оттолкнулась, дальше

танцевать пошла. Лица Алёшкиного не видно, кто-то и свет выключил, лишь праздничные фонарики, развешанные по ковру и над шторками, поблёскивают, сливаются в глазах. И так надёжно в Алёшкиных объятиях, больше ни разу не оступилась.

Так и протанцевали, почти на одном месте стоя. Очнулась, и музыки нет, и свет горит, и гости по которому разу за стол рассаживаются. И шумно так кругом, и смеются все.

— Ну, Алексей, видно не судьба тебе с ней потанцевать! — улыбается и по-хозяйски командует, кому куда сесть, невеста.

Усадила ж таки Алёшку рядом с Элей. Свидетель не обиделся — у него гражданская жена по правую руку сидит, зорким соколом глядит, чтобы ни один гость «сладко» не крикнул! Так обычно пьяные гости заставляют свидетелей целоваться.

— Тётъ Валь! Принесите нам, пожалуйста, два кофе, да покрепче! — окликнул Алёша Ритину маму, хлопотавшую над десертом.

Эля как в тумане за всеми наблюдала, и было ей как во сне хорошо.

Глава тридцать первая

В чужом доме

После кофе, который им принесла не Ритина, а Лёшкина мама, по-родственному помогавшая на кухне, Эля немного протрезвела. С удивлением она обнаружила, что половины гостей уже нет, а вторая половина доедает свадебный торт, весь раскрошенный, стоит он на середине стола, а некоторые, уже чрезмерно сытые и изрядно уставшие, толпятся в прихожей, одеваясь.

— Нет-нет, едешь с нами, и слушать ничего не хочу! Иначе обижусь! — капризничала Рита. — А с твоими я сама поговорю! Что это такое, свадьба у меня или не свадьба!

Спорить с ней оказалось делом бесполезным. Она была пьяна и счастлива безмерно. Когда она поговорит и с кем, было не важно, важно, что сейчас они все поедут домой к Николаю, где переночуют, а завтра поутру вернуться, чтобы продолжать свадьбу.

Частный сектор под названием Дикий встретил их абсолютнейшей тишиной. Глухота, как в деревне. Немного лишь полаяла где-то во дворах собачка, потревоженная проезжающим такси, да несколько других отозвались ей в темноте.

И вот там, в небольшом домике на берегу реки, в тихой затемнённой комнате, словно специально для них отведённой для беседы, под мерные ходики будильника на комодке они с Алёшей долго и долго говорили. Об учёбе и работе, о его призыве в армию и после учебки неожиданным отправлении в Афганистан, о матери, которая вся поседела за это время, ведь у него помимо наград имеются и ранения... И дошли, наконец, до Егора.

— Да мы с ним и не видимся почти. Заходит иногда, чтобы денег занять, — признался Алёша. — Я вообще-то, честно сказать, так и не понял, зачем он всё это сделал. Ну, неохота жить — иди туда, где твоя жизнь может пригодиться. Знаешь, сколько ребят мы в Афганистане потеряли?.. И все они, все... жить хотели.

— Но почему ты так уверен, что он не хочет жить?..

— Да потому! — Егор даже привстал с дивана, открыл форточку, в которую впархивали мелкие снежинки, прикурил. — Иначе, почему его комиссовали?.. Почему в психушку отправили?.. Думаешь, туда всех отправляют?..

— Не думаю...

— Вот именно, не думаешь. А надо было бы подумать...

— О чём подумать, Алексей? Ты что-то знаешь?.. А если знаешь — расскажи! Я же ничего об этом не знаю... Он мне написал, что может прийти, спросил, хочу ли я этого. Я написала, что, конечно, хочу..

— Хочу — не хочу! Как просто всё у вас! А если бы у него не получилось?.. Подумай, если бы всё получилось не так... Если бы ребята хоть на минуту опоздали?..

— Куда опоздали?.. — Эля сидела, вытаращив глаза, смутно до неё начинало доходить, что самое страшное что-то сотворил с собой Егор, поэтому его и отправили в психбольницу.

Она затихла, сникла совсем, так жутко ей стало, и Алексей почувствовал это, выбросил окурок, закрыл форточку, присел рядом.

— Ладно, всё уже позади. Что ворошить...

Эля плакала. Господи, как виновата она перед Егором! Как виновата! У него такая тонкая, такая ранимая душа...

— Не плачь, Эля... Или поплачь — и забудь... У вас всё равно нет с ним будущего. Я его слишком хорошо знаю — нет! Удивительно, как вы вообще поженились...

— Что же тут удивительного?.. Мы же... Я же...

— Да, ты любила!.. Ты и сейчас любишь — дураку ясно!.. Но очнись же, наконец! Свет-то не сошёл на нём клином! Мне Рита всё рассказала, прости уж её за это, и я, если ты только хочешь услышать моего совета, вот что тебе скажу:

прекрати его оправдывать! Дай ему шанс самому всё исправить. Ну, нельзя же, в самом деле, всё прощать. Безнаказанность порождает безответственность. И это уже не я сказал, это до меня умные люди сказали. Обещаешь?..

Он заглянул ей в заплаканное лицо, вздохнул и сказал категорично:

— Ну, всё! Хватит! Поплакала — пошли умываться!

И они пошли искать в чужом доме умывальник.

Не пройдя и десяти шагов, наткнулись на вешалку, плотно увешанную какими-то старыми пальто, куртками и шубейками. Алёша нашарил на стене выключатель, в жиденьком свете накинули на себя верхнее, что попало, и вышли на улицу со двора.

Ночь была свежа и прекрасна, как в сказке. Снежком запорошило сад, принакрыло деревьям спинки. Эля сгребла с низенькой оградки белый пушок и уткнулась в него лицом, потом ещё, и ещё. Лицо загорелось и оттаяло, и остыло постепенно от жара. Алексей отвернулся и посмотрел в небо.

— Ух, сколько тут у них звёзд видно! Ты любишь звёзды?.. — спросил вдруг так же, как Егор когда-то.

— Нет, не люблю! — неосознанно сопротивлялась она даже памяти. — За что их любить... далёкие и холодные.

— Может, и холодные, но зато какие яркие. Ты только посмотри! А мне без них как-то скучно жить. Люблю на них иногда просто так смотреть...

— Знаешь, — встрепелась, как будто вспомнила что-то важное, — где-то там, высоко-высоко, странствует одна загадочная звезда... и появляется она, где захочет, и летит, куда захочет...

— И зовут её Чёрным принцем, — иронично растягивая слова, продолжил Алексей. — И учёные всего мира ломают свои умные головы, что же это: если спутник, то почему, когда все наши спутники запускаются исключительно по направлению вращения Земли, этот летает в обратную сторону... А если не спутник, то что?.. Не инопланетяне ли запустили к нам разведчика, или, быть может, это небесная могила фараона?..

Закончил и вздохнул:

— И тебя он успел заморозить своими фантазиями!

— Ты думаешь, это его фантазии?..

— Ну, если не сам выдумал, то начитался фантастики! Такое будешь выдумывать — не придумаешь!

— А я... верю... что он существует... и даже словно вижу его иногда, как он там летает... в ледяном пространстве. Такой одинокий и неприкаянный... и так жалко его...

— Какая же ты дурочка... — после недолгого молчания совсем безобидно сказал Алексей.

Он медленно подошёл к ней, взял её руку, поднёс к своим губам.

Она настороженно посмотрела на него.

— Чёрного принца ей жалко!.. Да ещё несуществующего!.. — говорил, целуя и согревая дыханием. — А живого человека она и не замечает!..

Она попыталась высвободиться, сжала пальцы, но он уже и другую руку подхватил.

— А ты стал, Алёша, другим...

— Да нет же... Я вроде тот же...

Они вернулись в дом, где была уже полная тишина, повесили на прежнее место чужую одежду, пробрались в ту же комнату, где сидели, и, разморённые с мороза теплом, прилегли, не раздеваясь.

Лунный свет сочился сквозь окно и прозрачные шторы. Тикали ходики будильника. И ни шороха, ни звука.

Полежав немного на спине, Алексей встал и начал раздеваться.

— Ты как хочешь, а я не могу появиться завтра на свадьбе в брюках, которые как корова изжевала. — Он нашёл какое-то покрывало на стуле, лёг и укрылся.

И так как Эля не проронила ни слова, а всё лежала, не шелохнувшись, предложил:

— Может, снимешь платье?.. Да не бойся ты, я же не дикий... хоть мы и на Диком!.. — У него ещё были силы каламбурить.

— А я и не боюсь... — ответила сквозь дрёму. — Моё не мнётся...

Уже проваливаясь в сладкое забытье, она почувствовала, как он укрывает её и встаёт, чтобы найти где-нибудь в этом чужом доме ещё одно покрывало.

Глава тридцать вторая

Другая жизнь

Ну, могла ли она подумать, что ей с появлением Алёшки так легко, так интересно станет жить! Он и на каток её сводил, вот умора, ведь она на коньках сто лет не стояла! От бортика к бортику каталась, и то умудрялась упасть! И в парк приглашал! Да не просто в парке прогуляться, а непременно на лыжах пройтись! И даже не просто пройтись, а совершить

дальний поход через реку на силикатные озёра. И лыжи ей привёз, чтобы не брать напрокат неизвестно какие, сказал, что это материны, почти что новые, что мазию ещё какой-то специальной их хорошенечко натёр.

В молодом сосновом лесочке катались они среди укутанных пушистым снегом деревьев, успели и с горок покататься, и чаю горячего из термоса попили, сидя на пенёчках, а потом уж отправились в обратный путь.

Солнце уже клонилось к закату, висело до бела раскалённым шаром над заснеженным горизонтом, и ветер над рекой к вечеру усилился. Эля летела за Алёшкой во весь опор, на последнем издыхании спешила, чтобы не отстать. Глаза от позёмки слезились, ничего не видно, не слышно было, лишь Алёшина спина с красным рюкзаком, как маяк впереди мелькала. Он специально далеко не уезжал. Иначе уже туда и обратно сгонял бы!

Раньше они с матерью каждые зимние выходные на лыжные прогулки ходили. Рад бы Алёша и Риту к спортивному отдыху привлечь, но не тут-то было! Рита ни за что на свете не согласится ни на коньки, ни на лыжи! Вот что не любит она, так не любит! На уроках физкультуры и круга вокруг школы не могла сделать, всегда сходилась с дистанции, приносила лыжи на плече!

Другое дело — кино! В кино они дважды уже сходили вчетвером, могли бы и чаще, но муж её оказался с ленцой, его в свободное от работы время мёдом не корми, а дай на диване перед телевизором поваляться! Так что гуляют Эля с Алексеем исключительно вдвоём, и ей с ним по большому счёту никогда не бывает скучно. Во-первых, он не претендует ни на что, кроме дружбы, во-вторых, в его рассказах всегда где-то рядом волей-неволей присутствует Егор, а, в-третьих... Что, лучше было бы ей с ума сходить дома одинокими вечерами?.. Особенно, когда отец выпивший, испытание нервов какое-то, хоть куда убежишь, лишь бы не слушать такое. И ведь, как ни крути, — прав отец: зачем до свадьбы в постель к Егору улеглась? Зачем? Обрадовалась — любовь! Навеки вечные! Куда там, за два месяца так надоела — аж в армию убежал! Господи, стыд-то какой! Ну, ладно, с Черкашиным сгруппировалась, так ведь уж бабой была! А с Егором зачем? Господи, если бы всё вернуть... Но время назад не возвращается, нет такого измерения, как обратимость, необратимость есть, необратимость... Прав Егор. Это он однажды ей сказал, что он четвёртое измерение открыл: необратимость! А она тогда ничего и не поняла, или поняла, но прикинулась непонятливой... Вот Рита говорит, рассказывать о Черкашине ни в коем

случае нельзя было! А если она не могла ему врать? Как же она жила бы с этой грязью потом?.. Чем дышала? Любовь и ложь несовместимы... иначе это не любовь! А значит, всё равно, при любом раскладе, ничего бы путного у них не получилось... Прав Алёша, как они ещё поженились-то? Ведь он, как никто другой знает Егора — очень ревнивый. Отелло! Вот для чего ему и нож нужен был, что же тут непонятного... А Алёша всё знает, а может, даже больше знает, чем говорит ей. Он добрый, заботливый. Таких парней, как он, раз, два и обчёлся. Жаль, что она не может уже полюбить...

И напрасно Лера сказала однажды, что все они приходят из Афганистана нервными. Все, да не все!

Да и, в конце концов, не замуж же она за Алёшку собралась! Хотя Лера права: Рите этого очень хотелось бы! И маму Алёшкину наверняка такой вариант устроил бы: Эля скромная, лишнего не спросит, совестливая, без разного рода барских замашек, которыми грешат современные девушки. Сердце матери не обманешь, ничего от него не скроется, всё во внимание берёт.

Это, к примеру, Иринка Сопелкина, сокурсница, с кем она на лекциях вместе сидит и которая случайно встретила им недавно в кинотеатре, недоумевает: почему Эльке, которая и следить за собой толком не пытается, так везёт? Обидно Иринке, она из салонов «Красоты» не вылезает: и стрижётся по-модному, и маникюр-педикюр делает регулярно, и макияж накладывает по-особенному, как учат в заграничных журналах, и одевается не из ширпотреба, а результата нет и нет! Никак не находится по её запросам партнёр. Нет, на ночку-две желающих не счесть! А вот чтобы на жизнь...

На следующий день все уши она Эле прожужжала: как познакомились, не был ли женат, где живёт, где работает, сколько получает?.. И теперь всегда им интересуется. Эля поначалу пыталась свести их поближе, намекнула Алёше, да он категорично отказался, дескать, только недавно расстался с одной подобной девицей, любовные приключения ему сейчас совсем не нужны. Вот и Эле никакие приключения больше не нужны, душа отдыхает от всех приключений, и так хорошо ей, что никому и ничем она не обязана.

А Лера, между прочим, лучше бы о своей судьбе побеспокоилась: от Таризеля-то нет ни одной весточки. Как уехал в тот раз, после Ритиной свадьбы, так и пропал, как в воду канул. И, конечно, она ни за что ему первая не напишет. Такой у Леры характер, упрямый. А ведь речь уже не столько о ней, как о сыне. Она-то ухажёра запросто себе найдёт, и красива, и нарядна в своих фирменных кофтах и юбках! Сама

говорит, что как наденет свой новый кожаный плащ с воротником из ламы, так все мужики головы сворачивают! А вот думает ли, каково сыну будет без отца?..

В тот вечер снег валил хлопьями. Сначала они были с копеечную монету, но постепенно становились всё больше и больше. И вот уже совсем слились в белые пуховые ленты, падающие на глаза. Одна лента прерывалась, и на неё опускалась другая. Эля никогда не видела такого крупного снегопада. Она остановилась и слушала его шелест, вдыхала, стараясь угадать, чем же он пахнет, ощущала прохладнощекотное его прикосновение, натягивала глубже шапку, поднимала воротник.

И вдруг в просветах между этими струящимися лентами она увидела чью-то приближающуюся фигурку. Фигурка была вся в снегу и, поравнявшись с Элей, остановилась.

— Привет, — сказала голосом Галки Абрамовой.

— Здравствуй! Вот уж кого не ожидала увидеть! Откуда ты, на ночь глядя?..

— Из дома, — ответила Галка, — и домой...

— Ну, как, Галка, замужем живётся?.. Не надоело?.. — поинтересовалась для формы, чтобы поддержать разговор.

— Не надоело, — поёжилась Галка, зачем-то оглянувшись. — Просто не знаю, как сказать...

— Ты говори как есть!.. А хочешь — и не говори! — Эля уже винила себя, что заговорила, лучше б отвернулась, чем слушать теперь, как хорошо живётся Галке с мужем. — А то меня ждут, пока я тут на снег люблюсь...

— Ну, тогда иди... — сказала Галка таким упавшим голосом, что Эля спросила более участливо:

— У тебя что, случилось что-то?..

Галка кивнула, шмыгнула покрасневшим носом:

— Я там одна, Эля... Он ушёл от меня...

— Как ушёл? Почему?..

Что Галка Абрамова вышла замуж за Вовку Фомина и что живут они в отдельной отцовской квартире, было известно каждому во дворе, но никак не ожидалось от Вовки, что он будет вытворять «чудеса». Вроде как даже «бегал» когда-то за неприступной Галкой.

А Галка как мысли Элины прочитала, пожала плечами, мол, не знаю, почему ушёл, и сказала совершенно искренне:

— Теперь я за ним «бегаю». Если бы ты только знала, Эля, до чего он меня довёл, до чего я опустилась! Слежу за ним. И выследила. Он ушёл, я к ней: «Я — жена его!» А она: «Ну и что? А меня он любит!» Совсем мне плохо. Сколько ночей

одна. К маме вернуться...

— Ну, и правильно! Нечего там одной жить! Не отчаивайся! Подумаешь, сам прибежит! В ножки ещё упадёт! — успокаивала Галку, хотя знала, уверена была: кто-кто, а Фомин не прибежит, из другого теста человек. Значит, нашёл более выгодную партию...

— Нет, не прибежит! — понимала это и Галка, и всё размазывала слёзы мокрой варежкой.

Плаксой Галка была всегда, вечно её мальчишки «ябедой» дразнили да пульками и снежками обстреливали. А она и правда ябедничала, да привирала с три короба, чтобы мальчишкам уж точно досталось! Что говорить, даже и мать свою не жалела, умудрялась вокруг пальца обвести. Попросит та мусор вынести или в магазин сбегать, Галка сразу за голову: ах, болит, раскалывается! Мать: «На, дочка, таблеточку, да приляг скорей!» Галка таблетку в карман, сама на диван, а через минуту, как мать за порог, опять весела и здорова. Может, мать и догадывалась, но жалела: маленькая, слабенькая — не растёт...

Немного успокоившись, жалостливо так Галка говорит:

— Ты иди, тебя ведь Егор ждёт?..

— Нет, не Егор. С Егором мы расстались...

Галка посмотрела с недоверием:

— У вас же такая любовь была...

— Была. А теперь вот словно и не было. И кое-кто того и хотел, чтобы не было...

И она моментально всё поняла, опустила глаза:

— Извини. Я вам зла не хотела... Я хотела, как лучше...

Эля и не заметила, как снег кончился. И сразу вдруг она увидела Алёшку, ожидающего её у Ритинового подъезда.

— Я и не сомневаюсь, что ты хотела, как лучше. Только вот кому от этого лучше?!..

Эля и не заметила, как снегопад кончился, и она поспешила на встречу с Алёшей.

Глава тридцать третья

О, господи!..

Егор ушёл из жизни в самом начале весны, в ночь на восьмое число. Это был день их первого свидания с Элей. Девятого марта ей позвонила на работу свекровь и глухим незнакомым голосом сказала, что Егор умер, что похороны будут завтра. «Как это?.. Как?.. Почему?..» Ответ был коротким: «Не выдержало сердце»...

«Но что не выдержало сердце Егора?..» — пыталась Эля сама себя.

Ведь это её сердце должно было не выдержать!.. Ведь это оно так пострадало!.. Ведь совсем недавно была у них с Егором ещё одна встреча... Пусть и случайная. Каким-то нечаянным образом оказались они на одной остановке. Он ехал с работы, она из училища. И он подошёл и спросил, как она поживает и куда едет. Она ответила, что домой, и зачем-то ещё ляпнула, как за язык дёрнули, что очень проголодалась. И глаза его радостно вспыхнули и засветились всё тем же изумрудным цветом: «Может, заедешь ко мне?.. У нас сегодня дичь...» Отец Егора состоял в обществе охотников, в сезон уезжал на кордон и целый отпуск проводил там. Привозил домой трофейные мешки лисьих шкур и заячьих тушек. И в этом году, значит, тоже охотился. И она не знает, почему она сразу согласилась поехать. Ведь не из-за тушёной зайчатины, в конце концов! И не только же из-за того, что Егор сказал, что его все уехали, что он один дома?..

В автобусе они сели рядом, и он некоторое время мямл в руках свои перчатки, а потом сунул их в карман, спросил, долго ли ей осталось учиться, и не сменила ли она место работы. Ведь там всё-таки сквозняки, да и ведра она носит тяжёлые. Он даже поинтересовался о матери, об отце и бра-тишке...

— Так и не научил его играть на гитаре...

А на улице всё темнело, мелькали фонари, зажигались окошки в домах, слегка выюжило. Так долго им пришлось ехать, почти через весь город.

Она рассказала, что работает там же, но ведра уже не таскает, что теперь она медсестра, что брат заканчивает в этом году школу и поступает в профтехучилище, будет электриком, как отец. Что отец всё так же, и мама всё так же...

Он вышел и подал ей руку, и забрал и понёс её сумку, ту же, с которой она и тогда ходила в училище.

И опять летела её душа по знакомой серебристой улице, освещённой яркими огоньками, ликовала. И как будто ничего и никогда не происходило с ними плохого, всё те же они, доверчивые и счастливые, как перед его армией. И словно идут на какое-то священное действо. И здесь, сегодня, сейчас — их абсолютная радость, их настоящая жизнь. Всё остальное — это дурной сон, наваждение.

И весь вечер она ощущала себя прежней, влюблённой и возлюбленной, и словно к той, прежней, юной и чистой, испытывал он непреодолимое мужское влечение.

О, как он был нежен и ласков в тот вечер! И как тысячу лет назад заинтересованно спросил: «Ты летала?..» «Летала...» — и её шёпот сливался с его поцелуями.

И она подумала, что никогда в жизни она уже не заплачет, никогда он не увидит её слёз, никогда не скажет: «Ну вот, опять развела сырость!..»

Но ещё там, лёжа в его комнате, когда он встал, чтобы одеться и пойти разогреть обещанную дичь, вдруг и для себя самой неожиданно она разрыдалась так, что ему пришлось её успокаивать. Так и стоял он на коленках перед кроватью, не зная, что предпринять, чем отвлечь, и как в тот первый вечер их близости, начал рассказывать анекдоты...

И она отвлеклась, лежала и улыбалась сквозь всхлипы, а он всё гладил и гладил её по голове, трогал её брови, глаза, губы, вытирал слёзы...

А потом кто-то позвонил в дверь, и он с кем-то долго разговаривал в подъезде. Потом вернулся и попросил её одеться...

Но неужели он побоялся, что она захочет остаться?.. Да если ему это не нужно, то и ей теперь ничего не нужно!

И пусть её место займёт теперь кто угодно!!! Может, какая-нибудь Зоя уже пришла и только и ожидает этого?..

Представив это, она быстро встала, оделась, обулась и незаметно выскочила из его квартиры. Ни за что на свете он больше не увидит её слёз! Никогда больше она не придет к нему! Никогда!

Она и не знает, выбегал ли он за ней, окликал ли, но пока она сбежала по ступенькам, не став дожидаться лифта, в подъезде была тишина.

И в окно его она принципиально смотреть не стала.

А у светофора неожиданно встретила Алёшу. Зачем он здесь? Ах, да! Это же его район, и здесь неподалёку дом, где «обмывали» они когда-то его диплом.

Он взглянул ей в лицо, увидел распухшие глаза и спросил: — Ты от Егора?..

А она только прикрыла в знак согласия глаза: «Да».

В день похорон было пасмурно, морозно и ветрено. И все знали уже, что Егорова родня скрывает правду: на шее его с правой стороны заметен был шрам от верёвки. Но никто не осмелился расспросить об этой правде, слишком она была горькая и страшная.

Эля куталась в шарф, плакала, плакала и плакала. Она ничего не слышала и никого не видела вокруг, и удивлялась только тому, откуда берутся всё новые и новые слёзы...

За поминальным столом сидели друзья и родственники, несколько человек из рабочей бригады. И среди них Эля как сквозь сон услышала имя Зоя. Она присмотрелась: совсем некрасивая девушка, и очень уже не молодая. Лицо её было сплошь угреватым, и глаза были никакие, мертвенно бесцветные, пустые. Почему Егор назвал её имя?.. Первое, что пришло ему на ум или, действительно, у них были отношения?.. Об этом Эля теперь никогда не узнает..

После поминок друзья решили не расходиться, а посидеть где-нибудь, хоть немного ещё побыть вместе, поговорить о произошедшем несчастье. Недолго раздумывая, Алексей всех пригласил к себе, по пути зашли в магазин, купили вина и продуктов, чтобы помянуть Егора уже в тесном дружеском кругу.

В той же кухоньке, где когда-то впервые так долго и нежно смотрели друг на друга Эля и Егор, сидели поникшие Станислав, Эдик, Рита, Эля и Алексей. Сидели и вздыхали, и никто не мог поверить, что Егора не стало.

Оказалось, почти все видели его недавно, со всеми он словно простился... И Эля с ужасом осознала, что простился он, значит, и с ней... И, значит, совсем не случайно оказался он в тот февральский вечер на остановке медицинского училища.

— И всё-таки надо было показать его врачам, пройти хоть какую-то психологическую реабилитацию после армии... после этих «Галушек»... — тихим голосом сказала Рита, когда Эдик со Стасом ушли. — Ведь это же было так очевидно, что он вернулся оттуда немного не в себе...

— Хорошо нам теперь рассуждать... — отозвался Алексей.

— А мать-то его как жалко... Держится из последних сил... столько на неё сразу навалилось: и похороны, и муж попал в больницу...

Отца Егора в ту же ночь отправили в тяжёлом состоянии в реанимацию: вот у него-то не выдержало сердце...

Алексей курил сигарету за сигаретой...

— Все мы хороши... У всех свои проблемы... А ведь видели...

— Видели... А что мы могли?..

— О, господи!..

— Девчонки, оставайтесь сегодня у нас... — сказала Алёшина мама, когда те засобирались уходить.

Ей не хотелось отпускать сына в такую темь. А он, конечно, пошёл бы их провожать.

— Вам ведь всё равно завтра с утра на кладбище. Оставайтесь. Поздно уже. А я вам в зале вместе постелю. Сейчас и ночные рубашки приготовлю...

И они остались, потому что ехать домой не было ни сил, ни необходимости. Никто не будет волноваться за них. Николай ночует у своих родителей, там брат приболел, а так как он Егора и не знал, то и на похороны не стал отпрашиваться с работы, а Элина мать решит, что дочь осталась у свекрови. Она бы и осталась, но так много родни приехало из Воронежа и других городов, что их бы разместить.

И когда стали укладываться, когда уже и ночные рубашки надели, у Эли вдруг в глазах потемнело, пошатнулась, на ровном месте чуть не упала. Села на диван, сама не понимая, что с ней.

— Ты что такая бледная? — затревожилась вернувшаяся из ванной Рита. И, не дождавшись ответа, как крикнет: — Алексей!

Тот сразу прибежал, и мама его следом пришла. Подумали, что от духоты, форточку открыли.

— Плохо мне что-то... Голова закружилась...

— Подожди, я воды принесу... со льдом... — заторопился на кухню Алёша.

— Да что с тобой? Может, отравилась чем?.. — допытывалась Рита. — Но мы вроде все одно и то же ели...

А Эля сидела и молчала. Не знала, что и ответить: такого раньше с ней никогда не было...

— Ничем она не отравилась!.. — напомнила о себе Алёшина мама, доселе у окна молчавшая. — Это у неё токсикоз. Элементарный токсикоз. — И, словно пробуждая всех, возвращая из временного забытья, сказала по-своейски уверенно и убедительно просто: — Как пить дать — беременна!..

Валентин КАТАСОНОВ,
доктор экономических наук

«ПЯТАЯ КОЛОННА» КАК МНОГОГОЛОВАЯ ГИДРА

Украина стала своеобразной лакмусовой бумажкой, которая выявила слабости нашей собственной экономической и политической системы. Если с Россией сегодня не произошло то, что произошло с Украиной на наших глазах, это не значит, что все хорошо в «российском королевстве». Завтра это может произойти и у нас. Только начнется все не на Майдане, а на Болотной площади. И затем перерастет в гражданскую войну с непрогнозируемыми последствиями. Мы говорили о том, что события на Украине — неизбежный результат того, что там в течение двух десятилетий «незалежности» сформировался капитализм — «колониальный», «олигархический», «компрадорский» и т.п. Ключевую роль в развитии событий на Украине играют их местные олигархи. Независимо от того, как в ближайшее время будут развиваться события вокруг Украины, активы украинских олигархов (как внутренние, так и зарубежные) при сохранении курса страны на Запад рано или поздно перейдут под контроль транснациональных банков и транснациональных корпораций. Такова конечная цель планов так называе-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мой «евроинтеграции» Украины, разработанных в Брюсселе и Вашингтоне. Интересно, на что рассчитывают украинские олигархи? О том, кто в доме (то есть на Украине) хозяин, очень наглядно мы увидели в декабре 2013 года, когда чиновница Госдепа Виктория Нуланд вызывала на ковер первого украинского олигарха Рината Ахметова, устроила ему разгон и потребовала «навести порядок». Команда была дана всем олигархам, и они, забегав как ошпаренные тараканы, стали готовить Майдан.

А разве в России мы имеем другую общественную модель? — Нет, все тот же колониальный, олигархический и компрадорский капитализм. Только в несколько смягченном варианте. Не в последнюю очередь за счет более умелого лавирования нашей власти и умения первых лиц государства (в первую очередь, президента) договариваться с олигархами. Но все это ненадежно.

Нам сегодня не только сложно помогать нашим братьям на Украине, но даже защищать самих себя. Довольно часто наши СМИ затрагивают тему «пятой колонны» в России. Даже президент В.Путин однажды использовал этот термин. В своем выступлении перед Федеральным собранием в марте нынешнего года он заявил: «Западные политики страшат нас не только санкциями, но и обострением внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой «пятой колонны» разного рода национал-предателей или рассчитывают ухудшить социально-экономическое положение в России и тем самым спровоцировать недовольство людей? Рассматриваем подобные заявления как безответственные и явно агрессивные и будем соответствующе на это реагировать».

С нашей точки зрения — угроза для России со стороны «пятой колонны» сегодня более реальная и опасная, чем угрозы прямых военных интервенций, экономических санкций и действий западных спецслужб. Мне хотелось бы обратить внимание, что наши СМИ употребляют термин «пятая колонна» в единственном числе. На самом деле у нас уже много таких «пятых колонн». Фактически «пятая колонна» — многоголовая гидра. Тема «пятой колонны» очень сложная и разноплановая. В данной публикации я лишь хочу провести инвентаризацию голов «гидры». По моим оценкам, таких голов не менее семи. Коротко перечислю их.

Офшорная аристократия (ОА) — узкая группа людей, которые формально считаются «гражданами Российской Федерации», а фактически являются «нерезидентами», поскольку их капиталы, активы, имущество находятся за пределами

страны. ОА присутствует в правительстве, бизнесе, СМИ, армии и спецслужбах. Пример Украины показывает, что ради сохранения своих активов за рубежом, офшорная аристократия готова выполнять любые команды «оттуда». Включая организацию и финансирование гражданских войн, переводов, «антитеррористических операций». Конечно, мы далеки от иллюзии, что всю подрывную работу и всю вооруженную деятельность в зонах интересов Вашингтона может профинансировать местная офшорная аристократия. Но она может выступать также в качестве посредника, с помощью которого Вашингтону удобно осуществлять такое финансирование. В частности, существует подозрение, что украинский олигарх Коломойский финансировал созданные им военизированные отряды (брошенные на подавление ДНР и ЛНР) не из собственного кармана. Данный олигарх является лишь «окошком», через которое деньги Вашингтона передаются частным военным структурам. Сначала Вашингтон перечисляет деньги на офшорные счета Коломойского, а затем поступают на счета олигарха на Украине. У нас нет никакой уверенности, что в России сегодня нет своих «коломойских», которые также получают деньги от Вашингтона через свои офшорные структуры и таким образом участвуют в подрывной деятельности против России.

1. Иностраннный капитал внутри страны. *Во-первых, иностранные компании и банки — идеальный «кошелек» для финансирования любых подрывных акций внутри страны. Во-вторых, иностранные компании и банки по команде Финансового интернационала могут дестабилизировать экономическую, политическую и социальную ситуацию в стране. Достаточно вспомнить такой «мелкий» случай, как блокирование операций с пластиковыми картами, российскими «дочками» международных корпораций Visa и MasterCard. Тут нет ничего удивительного, так как эти корпорации тесно связаны с американскими спецслужбами. Не надо питать иллюзий, что западные банки и компании других секторов таких связей не имеют. На Западе уже давно выстроена очень жесткая «вертикаль власти», о которой наши учебники по «рыночной экономике» хранят полное молчание.*

2. СМИ, которые финансируются из-за рубежа или из внутренних источников, подконтрольных Западу. *К сожалению, до сих пор наши власти даже не начинали серьезного обсуждения того, чтобы поставить под эффективный контроль СМИ, находящиеся в российской юрисдикции. События на Украине «высветили» эти антироссийские СМИ, однако они продолжают действовать.*

3. Часть многомиллионной армии иммигрантов. Среди них немало людей, которые прибыли в Россию не только (и не столько) на заработки, сколько для того, чтобы выполнять специальную миссию. Многие из них имеют военную подготовку и готовы по команде участвовать в боевых действиях.

4. Неправительственные организации (НПО). Даже после принятия в Российской Федерации закона об иностранных агентах, многие из НПО продолжают оставаться иностранными агентами, не декларируя этого. Существует множество финансовых схем для того, чтобы обходить требования указанного закона.

5. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) как особое экстерриториальное образование, контролируемое Федеральной резервной системой США. В законе о ЦБ РФ, который в свое время разрабатывался не без участия и влияния со стороны западных «экспертов», оговаривается особый статус Банка России, который фактически делает его неподконтрольным российскому государству.

6. Российские банки, которые с этого года подпадают под прямой административный контроль со стороны налоговой службы США (согласно американскому закону ФАТКА — закон о налогообложении иностранных счетов, принятый в США. Его официально провозглашаемая цель — борьба с «налоговыми уклонистами» (физическими и юридическими лицами США) по всему миру). Они даже официально будут именоваться «налоговыми агентами» США. Любой агент, в том числе «налоговый», находится на «коротком поводке» у своего «куратора». Уже не приходится говорить о том, что до тех пор, пока наши банки будут осуществлять расчеты в долларах, они будут оставаться на «крючке» Вашингтона, поскольку все долларовые операции проходят через банковскую систему США. Последний яркий пример того, что для российских банков Вашингтон оказывается ближе Москвы, является история с «дочками» российских банков Сбера и ВТБ на Украине. Они оказались в группе тех избранных банков, которым Киев поручил размещение специальных облигаций, выпущенных Минфином Украины для финансирования военных операций на юго-востоке Украины.

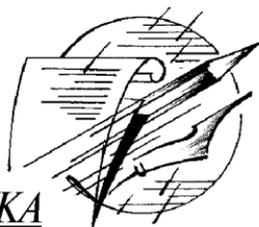
Конечно, я называю лишь самые главные «головы» гидры под названием «пятая колонна». Есть и другие. Все они затаились. Но никуда не исчезли. Достаточно посмотреть на «офшорную аристократию». Она, несмотря на постоянные призывы бороться с офшорами, никуда не исчезла. Происходит лишь определенная перегруппировка и передислокация ее зарубежных активов. Но активы по-прежнему остаются за

пределами России (за некоторыми исключениями). Если мы не хотим того, чтобы у нас началась война по украинскому сценарию, нам необходимо немедленно приступить к работе по нейтрализации этой многоголовой гидры. Причем бить надо по всем головам. Судя по косвенным данным, даже в повестках дня нашего Совбеза проблема «пятой колонны» затрагивается лишь вскользь. В Государственной думе, судя по названиям готовящихся и принимаемых законов, данная проблема не прочувствована депутатами. Дума, к сожалению, вообще не уделяет никакого внимания публикациям по теме «пятой колонны» в патриотических СМИ.

НОВАЯ УГРОЗА С ЧЕРНОГО МОРЯ

В середине апреля военный корабль США — эсминец «Donald Cook» и французский корабль военной разведки «Duguay de Lome» вошли в Черное море через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы. А незадолго до этого МИД РФ заявил о нарушении со стороны Турции и США международной конвенции Монтрё (1936 г.), регламентирующей срок присутствия и тоннаж иностранных военных судов в Черноморском бассейне. Но американская и турецкая стороны позицию Москвы проигнорировали. Похоже, это была намеренная демонстрация военной силы Запада в связи с ситуацией на Украине и с воссоединением Крыма с Россией.

Ввиду всё более частых «вхождений» военных судов НАТО в Черное море через упомянутые проливы с апреля 2014 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что «продление пребывания кораблей ВМС США в Черном море часто превышало сроки, установленные Международной конвенцией Монтрё». Хотя она, по словам министра, вводит абсолютно четкие критерии, ограничивающие нахождение в Черном море во-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

енно-морских судов иностранных нечерноморских государств и по тоннажу, и по срокам пребывания. Российский министр уточнил: «Согласно Конвенции Монтрё о статусе проливов, военные корабли стран, не имеющих выхода к Чёрному морю, могут находиться в его акватории не более 21 дня, и для них введены существенные ограничения по классу и по тоннажу судна».

По данным российского МИДа, к примеру, *«фрегат ВМС США «USS Taylor» вошел в Черное море 5 февраля, а убыл в Средиземное море 9 марта сего года, что на 11 суток превысило максимально допустимый срок и, соответственно, является нарушением Конвенции. При этом турецкая сторона своевременно не проинформировала нас о данной задержке. Со своей стороны, доведены наши озабоченности до сведения американской и турецкой сторон в форме вербальных нот».*

Между тем, известный турецкий политолог Фатих Эр косвенно подтвердил, что эти «вторжения» адресованы, прежде всего, России. Отметив, что «...проход кораблей через турецкие проливы — это не столько послание России, сколько шаг по направлению к Европе. США намекают на то, что они стоят за спиной европейских друзей».

Напомним, что со времени выхода России в Черное море и расширения ее причерноморских территорий (вторая половина XVIII — середина XIX века), обеспечение их военно-политической безопасности всегда упиралось в турецкую политику по вопросам военного судоходства через Дарданеллы—Мраморное море—Босфор. Предложения России запретить вход в эту артерию между Черным, Эгейским морями и Средиземноморьем военным судам непричерноморских стран всегда отвергались другими европейскими державами и Турцией, а после Первой мировой войны — и Соединенными Штатами.

Скажем, Крымская война 1853—1856 гг. Западной коалиции против России, сопровождавшаяся вынужденным потоплением российского ВМФ у Севастополя и захватом этой российской крепости, стала возможной благодаря свободному доступу «западных» военно-морских сил через те же проливы. В ходе интервенции Антанты в Россию в 1918—1919 гг. иностранный ВМФ тоже беспрепятственно прошел через эти проливы не только к черноморским, но также к азовским и дунайским портам России.

Нелишне напомнить и о том, что союзники России категорически возражали против российской военно-морской операции в Босфоре и в Мраморном море в Первую мировую войну, что быстро вывело бы Турцию из войны. Зато Антанта

сама захотела захватить Константинополь и тем самым «закрыть» Босфор и Мраморное море от России, но тщетно. То была безуспешная Галлиполийская операция 1915 года, проведенная без привлечения российских войск. Впрочем, и в ходе предыдущих российско-турецких войн европейские державы угрожали России чуть ли не коллективным вторжением на ее территорию, если российские войска «осмелятся» вступить в Константинополь и овладеть Босфором.

Многолетние и многочисленные кровопролитные сражения войск России и Турции на Балканах и в восточнотурецких горах, в том числе в 1914—1917 гг., не вызывали недовольства у держав Европы. А что — пусть подольше и побольше русские и турки убивают друг друга...

Впрочем, последний аккорд русской драмы в ноябре—декабре 1920 года завершился, с помощью Антанты, именно на берегах Босфора, Мраморного моря и Дарданелл. Теперь уже бывшую Россию Антанта-таки «впустила» туда — в виде десятков тысяч обескровленных, голодных, больших беженцев. Турция неспроста была выбрана Западом в качестве главного «полигона» размещения русских беженцев с Юга России. Ибо отношение к ним со стороны турецкого населения, по известным историко-политическим причинам, было, естественно, враждебным.

Если точнее, русские, по иезуитскому замыслу Антанты, давно хотели обосноваться в Константинополе и на Босфоре — так пусть они, после развала Российской империи, осуществят это желание и почувствуют на себе его последствия...

Хотя после 1918 года наблюдалось — вплоть до середины 1930-х включительно — резкое потепление советско-турецких отношений, Анкара не согласилась с предложением Москвы о бессрочной демилитаризации проливов и о двустороннем советско-турецком военном обеспечении их безопасности. Под давлением со стороны Лондона, Парижа и Вашингтона 24 июля 1923 г. в Лозанне (Швейцария) была подписана международная Конвенция «касательно режима проливов». Ее подписали Великобритания, Франция, СССР, Италия, Япония, Греция, Румыния, Болгария, Югославия и Турция. Конвенция, предусматривая демилитаризацию зоны проливов, всё же допускала свободный проход через Босфор, Мраморное море и Дарданеллы не только торговых и пассажирских, но и военных судов любой страны.

Поэтому СССР не ратифицировал Конвенцию — по заявлению советского НКВД: «...в связи с отсутствием надлежащих условий безопасности проливов, Черноморского бассейна в целом и, соответственно, южных границ СССР».

В дальнейшем, советская сторона смогла добиться частичного пересмотра «проливного» режима. В швейцарском г. Монтрё 21 июля 1936 г. была подписана действующая поныне Конвенция «О статусе проливов». Ее подписали и впоследствии ратифицировали СССР, Турция, Великобритания, Франция, Болгария, Румыния, Греция, Югославия, Болгария и Япония.

Документ сохраняет за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы в мирное и военное время. Но режим прохода военных кораблей различен для черноморских и нечерноморских государств. При предварительном уведомлении властей Турции черноморские страны могут в мирное время проводить свои военные корабли любого класса. А для военных судов нечерноморских стран введены ограничения по классу — проходить здесь могут лишь мелкие и вспомогательные надводные корабли — и по тоннажу. То есть общий тоннаж военных судов нечерноморских стран в Чёрном море не должен превышать 30 тыс. тонн, хотя и с возможностью роста этого объема до 45 тыс. тонн, если черноморские страны наращивают свои ВМС в регионе. А срок пребывания «нечерноморских» военных судов ограничивался 21 днем (Москва настаивала на 14 сутках, но британцы добились срока, большего на 7 суток).

Что касается политики Турции в проливах, Конвенция ввела такие правила: в случае участия Турции в войне и если Турция сочтет, что ей угрожает война, турецкой стороне предоставлено право разрешать/запрещать проход через проливы военных судов любых стран. А в период войны, в которой Турция не участвует, проливы закрываются для прохода военных судов любой воюющей державы.

Кроме того, Конвенция Монтрё ликвидировала учрежденную Лозаннской конвенцией международную комиссию по проливам: ее функции, а с ними суверенитет в этом районе передавались Турции.

Но в годы Великой Отечественной войны турецкие проливы использовались Германией и ее союзниками для операций против СССР. И, стремясь загладить такую «проливную» политику, Турция в конце февраля 1945-го объявила войну Германии и Японии. А с середины апреля 1945 г. — разрешила доставку союзнических грузов в советские порты через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор. Общий объем этих поставок в черноморские порты СССР за 1945 год составил 681 тыс. тонн — примерно 5% всех союзнических поставок в СССР. Свыше 300 тыс. тонн поступило в Батуми, до 100 тыс. тонн — в Потли, остальную часть тех грузов приняли порты Сухуми и Туапсе.

Тем не менее СССР 19 марта 1945-го денонсировал советско-турецкий договор «О дружбе и нейтралитете» (декабрь 1925 г.). А затем, 7 июня 1945 г., В.М. Молотов заявил послу Турции в СССР С.Сарперу, что «желательные условия заключения нового соглашения — это режим исключительно советско-турецкого контроля в Черноморских проливах и их демилитаризация. С размещением в этом районе советской военно-морской базы в рамках долгосрочной аренды» (то есть наподобие аналогичных советских баз Порккалла-Удд в Финляндии или Дальнего в Китае в 1945—1955 гг.). Но Анкара отклонила эти проекты.

В начале Потсдамской конференции Молотов повторил эти предложения, добавив, что «...мы неоднократно заявляли нашим союзникам, что СССР не может считать правильной Конвенцию Монтрё». Затем проблема обсуждалась с участием самого Сталина, который опроверг тезис об угрозе Турции со стороны СССР. Добавив, что «у турок в районе Константинополя свыше 20 дивизий, возможно, 23 или 24 дивизии. И, владея Проливами, небольшое государство, поддерживаемое Англией, держит за горло большое государство и не дает ему прохода».

Великобритания и США энергично «вступились» за Турцию и за Конвенцию Монтрё. Но под давлением СССР и учитывая «просоветскую» позицию в этом вопросе Греции, близлежащей к проливам, в разделе XVI «Черноморские проливы» итогового протокола конференции было сказано: «Конвенция о Проливах, заключённая в Монтрё, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трёх Правительств и Турецким Правительством».

Но Москва решила самостоятельно «дожимать» Анкару: 7 августа 1946 года правительство СССР выступило с Нотой, в которой повторялись упомянутые требования. Однако на этот раз однозначную поддержку Турции в этих вопросах официально выразили США и Великобритания. Уже в конце 40-х в Турции, в том числе в ее некоторых черноморских районах появились военные и разведбазы США, а в феврале 1952 г. Турция (с Грецией) вступила в НАТО. И, таким образом, периодическое проникновение ВМС НАТО в Черное море, что называется, получило карт-бланш. Тем более что Конвенция Монтрё, повторим, не возбраняет присутствия «нечерноморских» ВМС в этом бассейне.

А 30 мая 1953 г. правительство СССР официально отказалось от «сталинских» требований, и в дальнейшем СССР

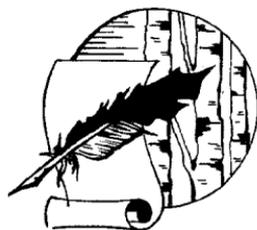
никогда не поднимал вопроса о режиме проливов. Даже в период Карибского кризиса (осень 1962 г.). Потому что в Москве опасались повторного давления на Анкару в этом вопросе, который мог усилить военное присутствие США и в целом НАТО в Черноморском регионе. Хотя, по имеющимся оценкам, НАТО, включая Турцию, в 60 — 80-е гг. минимум 30 раз нарушали военные условия Конвенции Монтре. А военно-морская разведка НАТО приложила руку — опять-таки через Проливы — к уничтожению линкора «Новороссийск» в 1955-м вблизи Севастополя...

В период подготовки и проведения небезызвестного Хельсинкского совещания (начало—середина 1970-х) США, Великобритания и Турция дали понять, что не склонны что-либо менять в той Конвенции и что возвращение к этому вопросу может отодвинуть сроки подписания Хельсинкского Акта. Москва же предпочла не удлинять эти сроки. А в 1991—1992 гг. к Конвенции, взамен СССР, присоединились РФ, Украина и Грузия.

Словом, Конвенция Монтре, сохранив «лазейку» для прямых и косвенных военно-политических провокаций против СССР-России, вполне устраивает Запад. Тем более при нынешней ситуации в отношениях между РФ и Украиной (или, к примеру, — в период войны РФ с Грузией в 2008 г.). Поэтому едва ли возможно создание странами-подписантами Конвенции Монтре, например, комиссии по проверке выполнения всех правил этого документа или по их уточнению.

Кстати, СССР во второй половине 1940-х — начале 1950-х неоднократно предлагал создать такую комиссию, и это поддерживали Болгария, Югославия, Румыния, Греция. Но «западные» страны и Турция — с дальним прицелом — не откликнулись на такие предложения...

Но если этот документ можно нарушать даже нечерноморским странам, и без последствий для них, тогда России придется самостоятельно заботиться о своей безопасности в Черноморском бассейне, а не апеллировать к Конвенции Монтре, которую не соблюдают страны-подписанты, расположенные, заметим, за тридевять земель от Черного моря.

Анатолий ПАНАСЕЧКИН

ВРЕМЯ В КОЛОКОЛ БЬЕТ

* * *

Я иду по земле, где родился и вырос,
Где скромна и неброска туманная даль.
Где дожил до седин и где выстрадал, вынес
К этой горькой земле лишь любовь да печаль.

Здесь мои перелески, поля и тропинки.
Где-то юность моя затерялась в полях.
Здесь рождалась могучая музыка Глинки
И гвардейская слава рождалась в боях.

Здесь умели врага побеждать, и при этом
Из преданий и сказок, из песен и снов
Вырастала смоленская школа поэтов:
Исаковский, Твардовский, Рыленков, Смирнов.

Здесь умели от веку и спеть, и послушать,
Здесь народная память напев сберегла,
Здесь на берег крутой выходила Катюша,
Чтобы спеть над рекой про степного орла.

Здесь, как витязей шлемы, холмы да курганы,
Здесь слезою и порохом пахнет земля,
Здесь клубятся «туманы мои, растуманы»,
Здесь навеки родная сторонка моя.

* * *

Снова бьёт тишина
Острой болью по нервам.
Не уходит война,
Что пришла в сорок первом.

Горем огненных дней,
Резким криком вороньим,
Снова павших на ней
Мы сегодня хороним.

Павших в жарком пути
Тех боёв ураганных,
Позабывтых почти,
В основном безымянных.

* * *

Вечер плыл, и, вздыхая натруженной грудью,
Отходило ко сну утомленное наше село.
Дед, гляди, на деревне такие хорошие люди,
Но скажи, почему, почему так живут тяжело?

Дед молчит, лишь седой бородою кивает
И, вздохнув, говорит: «Ты пойми и запомни, сынок:
Для хороших людей легкой жизни совсем не бывает,
Не проложено им этих самых нетрудных дорог».

Сколько весен и зим с той поры пролетело далекой!
Утешаюсь одним, доживая отпущенный век:
Если жизнь оказалась такой непростой и нелегкой,
То, наверно, и я не такой уж плохой человек.

* * *

Дымится закат, догорая.
Как тихо в родимом краю!
Деревня моя дорогая,
Опять пред тобою стою.

И памяти книгу листаю
У жизни почти на краю
И детство своё вспоминаю,
И горькую долю твою.

Мне все твои беды известны,
И все твои дни и дела.
Была ты и в белом невестой
И в чёрном вдовою была.

Ты в стужу январскую стыла
Под дулами вражьих солдат.
Ты над похоронками выла
И над пепелищами хат.

И с ужасом звёзды глядели,
Как мёрзлые комья долбя,
За две с половиной недели
Ты в землю зарыла себя.

Была ты и сильной, и слабой,
Но русский лелеяла дух.
Ты знала и лапоть, и бабу,
Войною впряжённую в плуг.

Травой зарастали полянки,
Где битвы оставили след.
И вылезла ты из землянки
На божий безрадостный свет.

Всё было: и хлеб с лебедою,
И тусклой коптилки огонь,
Но радость венчая с бедою,
Рыдала и пела гармонь.

Стою у слепого окошка,
И оторопь душу берёт:
Сегодня не то что гармошка.
Тут даже петух не поёт.

Не вьётся дымок над трубою,
Но в прошлое тянется нить,
И хочется мне над тобою
По-бабьи иль волчьи завывать.

НЕ ГОВОРИТЕ ПЛОХО О РОССИИ

Какая бы тяжёлая эпоха
Ни преступала через наш порог,

Не говорите о России плохо:
Она одна, другой нам не дал Бог.

И Родины своей не покидайте
В её тяжёлый и ненастный час.
Куда вы от неё ни уезжайте,
Россия всё равно отыщет вас.

Она придёт через моря и сушу,
Бессонной ночью память вороша,
И злой тоской изложет вашу душу,
Конечно, если есть у вас душа.

Сегодня нам живётся трудновато
На перехлёсте сумеречных дней,
Россия ж в том ничуть не виновата.
Скорее мы виновны перед ней.

Какие б голоса ни голосили,
Пытаясь наши души поломать,
Не говорите плохо о России,
Ведь это что пинать больную мать.

ВНЕ ИГРЫ

Ручьи побежали в объятия рек
И с крыш снеговые помчались капли.
У каждого свой в этой жизни разбег
К какой-то далёкой намеченной цели.

Один — как с трамплина отцовской руки
Подброшен и кверху стремится упрямо,
Другому — в ненастье сиротской тоски
Всю грешную жизнь выбирать из ямы.

А нынче такие у нас времена:
Лишь те наверху, что опасны, как тигры.
И крутится шарик — играет страна
В какие-то злые нездешние игры.

А мы вне игры, мы попали в офсайд,
Как будто прижаты невидимым прессом.
И дышим, как дышит весною асфальт
Под гнётом «КамАЗов», нагруженных лесом.

Как часто принижен простой человек,
Кругом виноват, хоть и прожил безвинным,
А ловкие делают быстрый разбег
По нашим безропотно согнутым спинам.

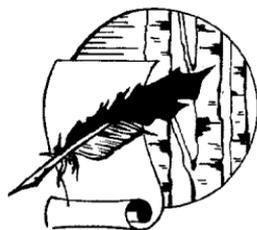
Нам долго ещё выбираться из тьмы
И смахивать крохи, и прятать их в горсти.
И кто виноват, что в отечестве мы
За сытным столом нежеланные гости?

БАБОЧКА

Уж иней даже днем не тает,
Ползет мороз, травой шурша,
А в доме бабочка летает,
Как чья-то легкая душа,
И вдруг садится мне на шею,
Ползет бесстрашно по лицу.
Я замер, я дышать не смею,
Боюсь стряхнуть с крыла пыльцу.
То, может, лета крик прощальный
Или судьбы тревожный глас.
И смотрит мне в глаза печальный
С ее крыла павлиний глаз.
А может, это тело лета
Так сжалось, сдав зиме дела,
Оставив только пятна цвета
И два трепещущих крыла.

* * *

И остались слова за стеной моих снов,
А проснусь, и поймать не могу этих слов.
И растаяли сны, как над хатой дымок,
Старый ключ не подходит под новый замок.
Где ты, юность моя, где наивные сны,
Где смешные надежды далекой весны,
Где сиреневый май, где сирены любви,
Где гармонии моей голоса — соловьи.
Только памяти пыль паутиной в углу,
Только осени былль по ночному стеклу,
Только ночи стена, только вой ветровой,
Да хохочет луна одноглазой совой.

Андрей ШЕНДАКОВ

ЗАТЕРЯННЫЙ КРАЙ

* * *

По сугробам февральских равнин
Уплывают лучей вереницы;
В старом доме скрипят половицы,
Словно ветви озябших рябин...

Гаснет солнце, танцует огонь,
Возносясь над поленцами бегло,
И остатки древесного пепла
У печи я сметаю в ладонь.

И мерцает звезда в темноте
За окном, прикасаясь к ограм,
Словно дед мне дымит самосадам:
«Времена наступили не те...»

* * *

Светел мой уголок,
где шумит у порога сосна
и теснится вдали
шестиглавый собор над холмами;
где с журчаньем ручьёв
груды хлама уносит весна
и скрипит колея,
проходя за пригорок дворами.

В том краю меж ракит
затаился колодец святой,
малахитовый мох
окружил вековые могилы,
в переулках глухих
пахнет глиной и старой корой;
над оврагом звенят
голосистые, бойкие пилы...

Стало меньше осин
на развалинах монастыря,
среди каменных плит
вновь ищу я России истоки;
и хрустит лебеда,
расступаясь вокруг алтаря,
и безвременья след
исчезает в сгоревшей осоке...

Над землёй вьётся дым,
где-то слышен раскатистый лай,
но не бродит никто —
ни с дубинками, ни с топорами...
Только изредка звон,
вознеся мой затерянный край,
прикоснётся во мгле
к поднебесным лучам над холмами.

* * *

Здесь всё меня переживёт,
Всё, даже ветхие скворешни...
А. Ахматова

Журавли еле слышно несут
Весть благую над миром-скворечней;
У плотины к проталине вешней
Подступает разлившийся пруд.

Ветер пахнет вишнёвой корой,
И сырым табаком, и духами;
Свет лампад разгорается в храме,
Луч с деревьев стекает смолой.

Боязливы огни автострад
Вдалеке, над курящимся смогом;
Снова мыслю в дороге о многом,
Вдохновенным видениям рад.

Ночь пасхальная снова темна,
Но в пустынной глуши переулка
Мне поёт незнакомая струнка
Ручейка — с поднебесного дна...

* * *

Кому-то жить немного скучно,
Кому-то мир давно постыл...
А я живу благополучно,
Хотя и дворик мой уныл:

Забор с кривым утиным лазом
И дров сухая береста;
В колодце тонушим алмазом
Горит вечерняя звезда.

Но не для этой ли Вселенной,
Смотря с таинственного дна,
Живёт планета жизнью тленной,
Всего одна, всего одна...

* * *

Огонёк в полусгнившей избёнке
Посреди потемневших полей...
А.Н. Анухтин

Среди холмов скитается река,
Шумят берёзы, локоны свивая;
Вдали петляет тропка полевая,
Взлетает шмель с поникшего цветка.

По мокрой глине горстками тепла
Плывёт закат, меня уже не грея;
Когда-то здесь была Гиперборея,
Но свой народ куда-то увела.

...Горька отныне летняя страда:
Пустых домов распахнуты глазницы,
Но далеко, как прежде, до столицы,
Молчит в колодце тёмная вода.

Село, село!.. Трава твоих лугов
Давным-давно не кошена, не мята,
Как будто снова за грехи расплата
Пришла на Русь из глубины веков.

ДОГОРАЛА ОСЕНЬ

РАССКАЗ

¹
Фильм в тысячный раз прервали рекламой. Георгий Никишин воспользовался этим и пошёл на кухню. Достал из холодильника пакет кефира, взболтнул его и сделал несколько глотков. Он уже собирался выключить свет, как вдруг увидел незваного гостя. Из-под коробки с рисом, осторожно оглядываясь, выполз коричневый, как кусочек старого янтаря, таракан. Он добежал до середины стола и остановился. Потом сделал глубокий вираж и отправился к раковине. Георгия охватила охотничья страсть. Он быстро снял полотенце с крючка и прямо сплеча саданул им по насекомому. Удар пришёлся по цели. Обитатель тёмного царства нашёл последний приют на гладком кухонном столе. Пока Георгий копошился на кухне, фильм закончился, и шла передача новостей. Эту информацию Никишин знал ещё с утра: министром обороны назначен Сергей Шойгу, Президентом США снова избран Барак Обама, Наталия Солженицына выступила за увеличение числа уроков литературы, Украина начала получать газ из Германии, в Штатах усилен контроль за усыновлёнными детьми из России...

ПРОЗА

— Какой контроль? — возмутился вслух Никишин. — Надо вообще запретить эту торговлю! У них что, своих нет детдомов? Есть. Но только за своих, что случись, такое припаяют — мама не горюй! А наши там растут без прав. Как ягнята. Что хошь, то и делай с ними. — Но поддержать его было некому, и он замолчал.

Никишину давно перевалило за шестьдесят, но на вид ему никто не давал более пятидесяти. Может быть, потому, что в его глазах всегда светилось любопытство, а открытое, доброжелательное лицо располагало к нему любого человека. Жена у него умерла лет десять назад, и все эти годы он жил бобылём. Покидали этот бранный мир один за другим и его друзья. И круг его жизни от этого всё сужался и сужался. Всё меньше и меньше света проникало в него. Один только Георгий стоял в центре этого круга, как надёжная, крепкая ось. А вокруг вертелась и мельтешила беспорядочная жизнь. На его глазах рухнула страна, в которой он родился и вырос. И теперь уже давно не было того сильного государства, которым он всегда гордился и которое любил, а была только «территория», на которой он доживал свою жизнь. И ему было тяжело видеть, как разваливаются заводы и армия, пустеют земли. И хотя из своего окопа всей войны ему было не видать, но он был всегда твёрдо убеждён, что при другом руководстве и более разумной политике всё можно было бы сохранить.

Георгий Иванович был крепок, как американский мачо. Но когда его выпроводили на «заслуженный отдых», он удивился: меня на пенсию? за что? а как дальше без завода жить? В голове ещё много было нереализованных идей, в мышцах — нерастроченной энергии, и всё это вместе с Трудовой книжкой ему пришлось сложить в домашний архив.

Но долго сидеть без работы он не смог. И, пересилив свою профессиональную гордыню (всё-таки когда-то его мыслими создавались крупные агрегаты тепловозов), он устроился работать вахтёром на кондитерскую фабрику. Здесь его конструкторские знания были никому не нужны. Требовалось только одно: открывая турникет и пропускай людей — утром на работу, а вечером — домой...

У себя на заводе он тысячи раз видел этих людей в форменных одеждах, но никогда серьёзно не задумывался над их трудом. Нет, он не смотрел на них свысока, просто проскакивал мимо, понимая своим пролетарским сознанием, что без их работы заводу не обойтись: это один из винтиков дисциплины производства. И вот теперь на этом месте оказался он сам.

Но у него теперь были и другие обязанности: следить, чтобы рабочие — а это были преимущественно женщины — не

пронесли тайком конфет. Но женщины своё дело знали тонко и прятали конфеты туда, куда не каждый охранник осмелится руку сунуть... Георгий Иванович особенно не усердствовал на этом поприще, но и воровства шибко не допускал.

Ворованного Никишин, как правило, не отбирал, но пристыживал воришек так, что те уже больше не занимались этим промыслом. Вдобавок, это по его инициативе на территории фабрики открыли ларёк, в котором продавали конфеты только работникам фабрики. И цены здесь были такими, что просто смех. Все женщины относились к Никишину с уважением. Иногда подолгу останавливались около него и вели задушевные беседы. Он никогда им не рассказывал, кем работал в прошлом, и был с ними всегда прост. Однажды одна из таких осмелилась и сама напросилась к нему в сторожку. Народ уже весь почти схлынул, и только редкие запоздавшие пробегали через проходную.

— Давай, Иваныч, попьём чайку, — игриво предложила она, расстегнула, не стесняясь, на кофточке пуговичку и извлекла из лифчика кулёк с конфетами.

— Не боишься, что растают около такого огня? — глухим голосом произнёс Георгий, но гнать её не стал. — Баба ты ещё молодая, горячая...

— Не боюсь... Тебе несла... — ответила женщина и пытливым взглядом заглянула ему в глаза. Да так и осталась в них.

Георгий Иванович вскипятил воду, и они пили чай со свежими конфетами, разговаривали, а вернее, распахивали друг перед другом свои одинокие души. Шоколад таял, и во рту была такая сладость, будто он прикасался губами к её груди. В голове всё плыло и кружилось... А потом она пришла и на другой вечер. Зашторила окошко. И снова они сидели весь вечер. А когда она уходила, он сказал ей:

— Больше сюда не заходи. Люди заметят — судачить будут. Вот тебе мои ключи, будет охота... — и назвал свой адрес.

Она пришла не сразу. Неделя тянулась в томительном ожидании. Но когда появилась — весь воздух в квартире наполнился ею. Он, не скрывая, радовался её приходу. И справа зайдёт, и слева, и в ушко поцелует, и в шею... И она видела это счастье в его глазах, его искреннюю радость...

До постели дело дошло в первый же вечер. Полина и охнуть не успела, как Георгий завлёк её в свои пуховые одеяла. Налетел, как вихрь. Она даже не помнила, как оказалась без одежды. То ли Георгий её снял, то ли сама её с себя скинула. Когда прошла первая волна их безумства, она только спросила:

— Что это было?

— Это, Полюшка, закончилось наше одиночество...

Она засмеялась от счастья и прижалась к Георгию.

— Егорушка ты мой... Егорушка...

А утром призналась:

— Никогда бы не подумала, что в твоём возрасте мужчины что-то могут... А ты ведь открыл во мне другую женщину. Даже не знала, что могу так чувствовать. Очень тебе благодарна...

Георгий ответил ей не сразу. Долго раздумывал над её словами. Потом привстал над ней этакой скалой и, глядя ей прямо в глаза, зашептал:

— Ой, сударушка моя, раньше бы нам встретиться... Но раз ты поймалась, то теперь из моей клетки никуда не вылетишь... Теперь только я один буду около тебя... Жаль только одного: что ты вошла в мою жизнь, когда она уже совсем на закате...

— Это неправда, — беспокойно и горячо зашептала она в ответ. — Ведь мы всё-таки встретились! Бог теперь за каждый год будет отсчитывать нам наши годы назад... И мы с тобой ещё так помолодеем, что наши дети будут нам завидовать!

А за окном ветер перешёптывался со звёздами да дождь стучал по оконной раме. Так под эту музыку они и встретили своё счастье.

С этого дня она только и ждала часа, когда можно было бежать в дом к Георгию. Не шла, а летела к нему. Душа её замирала, и сердце стучало, когда только видела свет в его окнах на третьем этаже.

2

Почти год они прожили вместе. Полина «крутилась» на два дома. После работы шла к Георгию, а поздно вечером бежала домой к сыну. Он был хоть и взрослым уже, но оставлять его без присмотра она опасалась. «Пока не женатый, он ещё ребёнок, — говорила она. — На мне вся за него ответственность». И в этой материнской логике была высшая справедливость.

Полина отогрела холостяцкую конуру Георгия своим женским теплом, всё обмыла, вычистила... И засияли его окна былым ясным светом. Никишин был старше её лет на двадцать. Но женщина никогда не стыдилась этой разницы. Наоборот, выходила из его квартиры задиристо, открыто, со светящимися глазами.

Летом они побывали в Крыму. Отдыхали в сказочном Коктебеле. За пансионатом, где они жили, высились красно-бурые скалы и держали на своих плечах золотое солнце. Они

целыми днями купались в сине-зелёном море, ходили по конным маршрутам и однажды даже поднялись к потухшему вулкану Карадаг. По вечерам они бродили по набережной, и, глядяываясь в лиловый горизонт, наблюдали, как из глубин моря поднимались высокие волны и выбрасывали на ровный берег обточенные цветные камушки, яркие, как звёздные алмазы. Солнце и горьковатый воздух моря окончательно обострили их любовный диагноз. В сине-зелёных волнах моря Полина подолгу плескалась свободно и радостно. Они целовались на каждом шагу и чувствовали, как от этого сходят с ума. А когда однажды Полина на берегу подвернула ногу, Никишин легко поднял её на руки и понёс к своему корпусу. Мелкие камушки вылетали из-под его ног, как морские брызги. И ему казалось, будто второе сердце открылось в нём. А Полина, обхватив его за шею, радовалась этой минуте: что вот так, на виду у всех, он пронёс её, как невесту...

Вернувшись домой, они ещё долго вспоминали вечерние аллеи Коктебеля под его яркими неоновыми фонарями, где были счастливы и безрассудны.

— Скажи, ты рад, что мы вместе? — спросила она у него однажды.

— А ты разве этого не чувствуешь? — удивился Никишин.

— Чувствую... Но мне хочется, чтобы ты словами сказал.

Она подняла на него свои зелёные-презелёные глаза и заморгала. Никишин сдался.

— Понимаешь, жизнь мужчины наполняется смыслом, когда он восхищается женщиной. Когда ты рядом со мной, я чувствую, что моя жизнь не пуста.

Потом они оба вдруг замолчали, наступила какая-то вязкая тишина, и каждый уже молча продолжал этот разговор с самим собой. А Полина вдруг вспомнила, что ещё там, в Крыму, в можжевельной роще, она вдруг увидела одинокого аиста в гнезде. Она чуть не вскрикнула. С детства знала, что это была плохая примета. И она сразу испугалась: «Не дай бог, чтобы кто-то из нас вот так остался один, как этот аист». Георгию она ничего не сказала, но эта картина нет-нет да и всплывала в её памяти.

А однажды Георгию приснился странный сон. Вначале он ясно увидел знакомую картину, которая висела у него в спальне. Всё на ней было, как обычно: река, луг и из-за облаков восходящее солнце. Но почему-то во сне оно было не с левой стороны, а с правой. И размером оно было раза в два больше. Георгий не успел ещё этому удивиться, как солнце на его глазах растворилось, и на его месте появилось светлое лицо умершей жены.

— Добрый вечер, Георгий, — сказала она ему.

Никишин испугался и ничего ей не ответил.

— Я очень рада, что у тебя всё хорошо, — снова заговорила она. — Ты только сыновей не забывай. Почаще им звони, в гости приглашай...

И вдруг он увидел, как в её руках появилось это исчезнувшее солнце. Она перекидывала его с ладошки на ладошку, как клубок ниток.

— И ещё я хочу тебя попросить: сходи к врачу. У тебя серьёзная болезнь. Тебе надо лечиться. Иначе будет поздно.

Георгий хотел ей что-то возразить, но вдруг проснулся от острой боли в спине. Будто змея внутри шевельнулась, вонзила ядовитые зубы. Было невозможно даже повернуться, не то чтобы встать. В этом положении он пролежал около двух часов. Потом боль отхлынула, но испуг ещё долго оставался в его теле.

Утром всё было, как обычно. Но к обеду боль повторилась. Он оживал её и потому уже не испугался. Позвонил соседке, и та принесла ему какие-то таблетки. Отпустило. Георгий улыбнулся женщине, но та, как и жена, посоветовала идти к врачу.

Неделя прошла в анализах и обследованиях. Обезболивающие таблетки глотал горстями. Чуть ли не через каждые два часа. В назначенный день Никишин снова появился у своего врача.

— Голубчик, — по-старомодному обратился доктор, взглянув на Георгия поверх очков. — А вы не можете пригласить кого-нибудь из своих родственников?

— Что-нибудь серьёзное? — тревожно спросил Никишин. — Дети у меня далеко, — размышлял он. — В других странах живут. А жена умерла давно. Так что говорите напрямую. Как-нибудь осилю.

Врач спрятал исписанные листки в папку и положил на неё свои ладони.

— Онкология у вас, Георгий Иванович. Злокачественная опухоль толстой и прямой кишки. И довольно серьёзная. На четвёртой стадии уже. Метастаза попала в печень, потому и боли у вас такие сильные.

— Вы хотите сказать, что у меня рак? — вскрикнул Никишин и не узнал своего голоса.

— Он самый, — врач кивнул головой.

— И какие у меня шансы? — спросил Никишин тихо.

Доктор ответил не сразу.

— Можно сказать, никаких. Не поможет уже ни паллиативное лечение, ни израильские клиники. Слишком поздно. Вот если бы вы обратились к нам месяцев шесть назад...

Георгий Иванович отсчитал эти полгода назад: как раз вышло, что в это время они с Полиной отдыхали в Крыму...

— Но этого не может быть! — вскричал он. — Это какая-то ошибка! Я редко когда болен! Вы взгляните в мою карточку! — И он стал перелистывать перед врачом свою историю болезни. — Я могу одной рукой поднять двухпудовую гирю. Неужели нет такого лекарства, чтобы вылечить меня? — Он снова опустился на стул и с надеждой взглянул на врача.

— Увы, голубчик. Лекарства действуют медленнее, чем сама болезнь. В вашем случае шанс только на лучевую терапию. Или химиотерапию. Операция уже не поможет. А пока я вам выпишу промедол и омнопон... Пусть они всегда будут у вас под рукой. Они хорошо снимают боль...

Никишин шёл по улице, натываясь на людей. Упругий ветер бил ему в грудь. Его иногда, как пьяного, заносило с тротуара на газон, и он снова упорно возвращался на узкую асфальтовую полосу. Асфальт был серым, весь в трещинах, как лунный камень.

— Мужчина! Вы бахилы забыли снять! — остановила его встречная женщина.

Никишин глянул на свои башмаки. На них были по-прежнему надеты синие полиэтиленовые «лодочки», которые уже давно промокли, прорвались, а к их носкам, словно заплатки, прилипли пожухлые осенние листья с красными прожилками. Георгий нагнулся и стянул с ботинок больничную обувь.

Это немного привело его в себя. Карусель в мозгу остановилась. Но по-прежнему всё вокруг виделось в какой-то туманной пелене. Он пересёк дорогу, прошёл мимо Мемориального парка и в расплывающейся завесе мелкого дождя увидел, как люди выходили из административного здания после работы. Он замедлил шаг и оглянулся. Посмотрел на свою тень и не узнал её. Она была словно от чужого человека. Георгий повернулся и быстрым шагом попытался оторваться от неё. С ним кто-то здоровался, он кивал в ответ и шёл дальше. Его пытались остановить, чтобы поговорить, но Никишин отмахивался: в следующий раз! Всё вокруг него было знакомым: двухэтажные дома, кованые ворота, старые деревья. Но в то же время всё это было уже чужим и неблизким.

«Что же получается? — спрашивал он у своей тени. — Я умру, а всё это будет продолжать жить для других людей? И, наверно, никто даже не заметит моего ухода из жизни. Если слово «рак» прочитать в обратную сторону, — осенило вдруг его, — то получается другое слово. Кар. Кара. Следовательно, эту болезнь мне надо принимать, как расплату за какие-то грехи. Какие? Вроде, я всё время старался жить по совести

и по правде. Но, видать, что-то было в ней, где чаша весов перевалила не в мою сторону».

— За что мне так? — уже вслух пробормотал он. — Я очень любил людей. И любил жизнь...

Так всю обратную дорогу к дому Георгий и шёл, разговаривая со своей тенью. Иногда она пропадала, и ему тогда казалось, что и он уже покинул эту грешную землю. И, как утопающий цепляется за соломинку, вдруг ухватился за спасительную мысль: а может, врач чего-то напутал, смешав его анализы с другим больным?

«А что, может, и вправду так получилось? — подумал он и обрадовался. — Ведь бывает же так. — И от этого самообмана ему стало на миг легче. Но только на миг. — Ну как же... — снова начал он рассуждать, — скоро наступит зима, выпадет снег, а меня уже не будет? Ведь это несправедливо! А как же сударушка моя останется без меня? Ей-то за что страдать? Это что же получается? Бог вначале одарил нас любовью, а затем забрал? Мы что, выходит, не заслужили? В чём наш грех? Господи! Ну скажи Ты мне!»

Уже затихли отголоски дня, город лёг в темноту, когда Никишин подошёл к своему дому. Он расправил плечи, выпрямился и шагнул в тёмный подъезд, твёрдо решив ничего не рассказывать Полине.

3

С того дня прошёл месяц. Боли по-прежнему мучили Георгия. Он даже перестал ходить на работу. От лекарств, которые выписывал врач, его только клонило ко сну, и он чувствовал, как с каждым днём силы покидают его.

Никишин по-прежнему продолжал наблюдаться у онколога. Но в основном только для того, чтобы взять подотчётные ампулы. Чтобы получить лекарство, ему надлежало пройти умопомрачительную лестницу: вначале лекарство назначал онколог, а следующую партию выписывал участковый врач, но только после того, как Георгий «отчитается» пустыми ампулами. А сдавать их медсестре ему приходилось в присутствии заведующего отделением поликлиники... Такой процесс сдачи ампул, выписки нового рецепта занимал от трёх до четырёх часов. Георгий устал терпеть унижение и, не выдержав, созвонился с сыновьями. Ему повезло: старший как раз находился в командировке в Израиле. Он-то и сумел передать отцу какой-то редкий препарат.

И Георгий снова ожил. Стал ходить на работу, общаться с Полиной. Спасти от карающей болезни, конечно, было уже невозможно, но лекарство позволяло ему не терять челове-

ческий облик, угасать без мук. Вдобавок, Никишин больше не стоял в очередях, чтобы получить заветную бумажку с разрешением на лекарство. И никто от него больше не требовал, чтобы он возвращал использованные ампулы.

Химиотерапию ему делали один раз в неделю. После первого сеанса лучше не стало, но и хуже тоже. Полина в эти дни к нему не заходила. Переговаривались только по телефону. Она с сыном нанялась по вечерам копать картофель в совхозе. Пять мешков совхозу — один себе. Георгий предложил ей свою помощь, но она отказалась.

В конце недели она всё-таки заглянула к нему. Георгий лежал на диване небритый и какой-то весь почерневший.

— Батюшки! Это что у нас случилось? — всплеснула руками Полина.

Георгий привстал на локте и виновато улыбнулся.

— Ой, лихо мне с тобою! Да ты весь исхудал без меня! — Полина уже не знала: огорчаться ей или радоваться. — И животики твой совсем пропал. Ну, прямо добрый молодец.

Женщина на всякий случай потрогала его лоб. Температуры не было. От этого прикосновения Георгий весь вздрогнул, схватил её руку и прижался к ней губами.

— Так, больной, понятно... Значит, быстро в ванну и бриться.

Никишин улыбнулся и встал. Из зеркала ванной на него смотрела косматая, заросшая щетиной чужая физиономия. Георгий выдавил из баллончика пену и большим слоем наложил её на лицо. Потом осторожно, узкими полосками начал сбривать эти непроходимые заросли. На него снова взглянул прежний Георгий Иванович.

— Егорушка, к столу! — уже звала по-домашнему Полина.

Кухня сияла чистотой. Исчезла немытая посуда в раковине. В глубокой тарелке блестел от подсолнечного масла свежий овощной салат. А на плите шкворчали румяные котлеты. Георгий вытащил из шкафа бутылку красного вина. Разлили по бокалам. Выпили.

— Ну, рассказывай! Что всё-таки произошло? — повторила свой вопрос Полина.

Георгий попытался навести на себя безразличный вид.

— Да ничего. Так, небольшая депрессия. Тебя не было, вот и захандрил, — соврал он.

— Ну, ты просто как ребёнок! — поверила она ему.

— Не ребёнок я... Просто ты уже давно в меня проросла. Или я в тебя... Неважно. Но когда тебя нет со мной, у меня что-то ломается внутри... — проникновенно сказал Георгий почти шёпотом.

Полина вся вспыхнула, и глаза её заметно повлажнели. Они сегодня были особенно зелёными. Из их глубин шёл свет, будто там пряталось маленькое солнце.

Не один раз стрелка часов прошла по своему кругу. Часы снова отсчитывали время их любви. Полина плыла где-то высоко в небе, наслаждаясь бабьим счастьем... И кругом было огромное пространство, и только одинокий месяц освещал их путь.

Рассвет был ещё далеко-далеко... И когда Полина открыла глаза, Георгий сказал ей:

— Ты самая лучшая женщина... И я очень счастлив, что ты со мной...

— Не сглазь... — испуганно ответила Полина. — Послушай, а почему ты не ходишь на работу? — переменяла она разговор.

— Меня берут назад на завод, — снова соврал он ей. — Хочу по этому поводу собрать у себя дома друзей. Ну, мальчишник такой устроить. Ты мне поможешь? Составь мне список продуктов, а я сам всё куплю.

— Конечно, помогу...

Но вдруг боль в самый ненужный момент предательски вернулась к нему. Она ходила кругами под его рёбрами и под кожей, ломая и скручивая всё внутри. Георгий поднялся и тяжело вышел на кухню. Дрожащими руками схватил ампулу и, оглядываясь на дверь, сделал себе укол. Потом опустился на стул и обхватил голову руками. И снова в который раз подумал о своих сыновьях... «Неужели так их больше и не увижу? Как всё скрещено в этой жизни! Как всё это рядом: любовь, жизнь и смерть...»

4

Полина, как и обещала, наготовила еды, расставила всё на столе и ушла домой.

— Ты только не напивайся, — попросила она на прощанье. — Немного выпей для компании — и всё... А то знаю вас: как соберётесь — и меры не знаете.

— В России сто грамм — не водка, — попытался отшутиться Георгий.

— Ну, правильно! Сначала вы требуете выпивку, а потом выпивка требует вас, и поехало, покатилося... Завтра приду — чтоб как стёклышко был!

— Слушаюсь, мой генерал! — козырнул он ей, дурачась.

Встреча была назначена на субботу, на четыре часа дня. Гости подходили медленно, и только где-то около пяти собрались все. У каждого в глазах стоял немой вопрос: «По

какому случаю?» Многие подозревали, и не без оснований, что Никишин хотел познакомить их с будущей женой. Но её в квартире не оказалось. Все продолжали переглядываться, любопытство нарастало, интрига продолжала жить. А Георгий Иванович, встречая гостей, разговаривал с ними и только улыбался краешками губ. Наконец пригласил всех к столу. Шумно задвигали стульями. Никишин, как и полагается хозяину, сидел во главе. Он был в чёрном парадном костюме, белой рубашке, но без галстука.

— Ну, Гоша, не томи, — не выдержал кто-то. — По какому случаю царский пир?

— А разве, чтобы собраться вместе, нужен особый повод? — и он обвёл всех искрящимся взглядом. — То, что мы живы, что мы вместе — это самый лучший повод. Когда я вас обзванивал, у меня поджилки тряслись. А вдруг, думаю, на том конце провода скажут: а Василия мы ещё в прошлом году схоронили... — Георгий Иванович поднял рюмку. — И я очень рад, что все мы живы и здоровы. Вот за это давайте и выпьем!

— И за твоё здоровье! — пробасил его лучший друг Семён Галамага. И друзья за столом облегчённо вздохнули.

Все встали и потянулись друг к другу с наполненными рюмками. И потекли потом разговоры. Всё чаще слышалось: «А ты помнишь?... а ты не забыл...» Они говорили много, припоминая разные истории из прожитых лет. Память, оказывается, всё сохранила. Сейчас за разговорами всплывали такие мелочи, которые казались уже давно забытыми.

— А помнишь, — подсел к Георгию Валентин Фёдорович Капырин, друг по «альма-матер», — как я на твою свадьбу приехал на попутном самосвале? Аж с Егорьевска его гнал. В самый аккурат подъехал. Вылез из кабины, а ты уже стоишь на ступеньках загса и голубей пускаешь. А голубка твоя, самая главная, рядом с тобой. Жаль, что Наташка не дожидла до этих дней... рано ушла...

К друзьям, обняв их за плечи, подсел Семён Васильевич.

— А я вот что вам, мужики, скажу, — уже на полном взводе, заплетаясь языком, заговорил он. — Вот скажите вы мне: мы вместе создавали дизеля, рассчитывали узлы и детали к ним. А кто сейчас нас помнит? Да никто! Значит, не это главное в жизни! Главное в жизни человека — это любовь, семья, дети. Всё то, что продолжает наш род! Вот у меня есть внук, ещё в школе учится. Толковый такой: всё время что-то мастерит своими руками. Ну, это понятно — весь в деда пошёл... Я ему как-то рассказал про гиперзвук, объяснил, что это такое. Так что вы думаете? Он мне через три недели показал

собственную схему устройства гиперзвукового летательного аппарата! Это в четырнадцать-то лет!

А в это время на другом конце стола словно вулкан загрохотал. Это заговорил Василий Иванович Загорелов, бывший парторг отдела и первостатейный инженер.

— А вы помните, когда мы трудились над ТЭП-60? — спросил он всех. — Тепловоз уже был на ходу, а капризов у него было, как у беременной женщины. Особенно эти браки в поршневой группе. Помните эти трещины? И только когда мы сами разработали ультразвуковую установку, только тогда научились выявлять их.

— Да, хорош был богатырь! — подхватил разговор Георгий Иванович. — Я участвовал в его первых испытаниях. Помню, для эксперимента поставили на стол машиниста стакан с водой и погнали машину с предельной скоростью. Так вода в стакане лишь слегка колыхалась! Долго работали эти машины на разных магистралях...

— Да и сейчас, говорят, катаются по Средней Азии, — добавил кто-то.

— А вот ты, Семён, — снова заговорил бывший парторг, — сказал давеча, что никто наших имён не помнит. А вот скажи, дорогой, а вот ты сам помнишь: кто изобрёл эту ультразвуковую установку?

Галамага, не задумываясь, ответил:

— Кто, кто? Степан Викторович Фалалеев!

— Правильно, Фалалеев, — согласился Загорелов. — Его давно уже нет, а установочкой этой народ до сих пор пользуется!

— А орден за эту установочку ты один, Василий Иванович, получил, а нам всем по десятке к зарплате дали, — не выдержал и высказал свою давнишнюю обиду Галамага. — Хотя ты не больше нас работал.

Наступила неловкая пауза. Парторг не стал оправдываться, а только зыркнул по-недоброму на обидчика и сказал:

— Ладно, чего сейчас будем делить... Давайте помянем Виктора Степановича. Толковый мужик был...

Все задвигали стульями и встали. Запрокинулись седые головы, опустошились рюмки в память о старом друге. Потом снова уселись, и только один Никишин остался стоять. Он смотрел на каждого, кому-то подмигивая, кому-то кивая головой. Затем постучал вилкой по бутылке, призывая к тишине.

— А вот теперь, дорогие мои друзья, — проговорил он, и его голос предательски задрожал, завибрировал. — Теперь, когда мы помянули нашего друга, я, наконец, и скажу вам глав-

ное. — Он оглядел всех хмельным взглядом, и те, кто сидел ближе к нему, заметили, как повлажнили его глаза.

А Никишину начать этот разговор было действительно очень трудно. Десять пар глаз смотрели на него. И он многое сейчас бы отдал, чтобы не было повода к нему. Но он был. И он знал больше: пройдёт какое-то время, и он никогда не увидит этих лиц. Никогда... Значит, надо говорить, надо прощаться. Ведь за этим он их и пригласил.

— Наверно, вы сейчас сидите и думаете: «Всё-таки чего это Георгий эту пьянку затеял?» — заговорил Никишин медленно, думая, припоминая. — Нет, дорогие мои друзья, это не пустая пьянка. Попрощаться я вас пригласил. Заканчивается, видимо, мой век на этой земле. Ведь как бывает в жизни? — оживился он. — Живёт себе человек, а потом — бух! и нету его! Вот и подумал я — пока силы есть, посидеть с вами в последний раз. Молча уходят, когда смерть внезапно наступает. А у меня время ещё есть...

— Ты чего это городишь? — перебил его Галамага. — Какая смерть, какое время? Да на тебе ещё можно пахать и пахать! У тебя что, крыша поехала?

— Рак мне с горы свистнул, — твёрдо и резко сказал Никишин. И все притихли. — И бороться уже поздно. Жрёт он меня изнутри. Как червь... Я всегда за сердце своё боялся. Слабое оно у меня было с самого детства. Операцию даже перенёс... А тут удар в дых, с другой стороны... Иногда так припрёт, что никаких сил нет. «Скорая» уже не выезжает, говорят: рак — не повод для выезда. А боли уже такие стали, что даже однажды сознание потерял... Мы, дураки, молим Бога о хорошей жизни. А надо молить о хорошей смерти.

Долго все сидели молча, пока Георгий снова сам не заговорил:

— Я хочу выпить за вас. Дай вам всем Бог здоровья! Любите свой дом, свою семью... И пусть боль никогда не разорвёт ваше сердце...

Никто не шелохнулся, никто не налил себе в пустую рюмку.

— Ну чего же вы?! — закричал он. — Не на поминках же мы ещё! Мы живы! Мы продолжаем гулять и радоваться этому обстоятельству.

Георгий начал обходить стол и наливать всем по кругу. Его руки тряслись, и водка часто проливалась на скатерть. Когда он отходил, каждый вставал с наполненной рюмкой и держал её бережно, словно поминальную свечу. Пройдя круг, Никишин остановился у своего места. Поднял высоко рюмку и залпом выпил. Потом запел:

*Ваше благородие, госпожа Разлука,
Мы с тобой родня давно — вот какая штука.
Письмецо в конверте погоди, не рви!
Не везёт мне в смерти — повезёт в любви.*

Вначале он пел один, потом эту песню подхватил другой, третий... А потом были и другие песни, и мужчины пели их, словно боясь остановиться, чтобы снова не вернуться к страшному разговору..

— Вы, наверное, думаете: чудит старик, — снова заговорил Никишин. — А ведь кто-то из умных сказал, что размышлять о смерти — это значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Или я неправ?

— Гоша, мы здесь все технари, — сердито отозвался Галамага, — и не нам рассуждать и философствовать. Но только то, что ты затеял, на военном языке называется паникёрством. Ты это лучше меня понимаешь. И мой тебе совет: успокойся, не буди раньше времени свою смерть. Она сама придёт, когда ей это понадобится. Живи, как все. У каждого человека есть своё время для смерти. Нам здесь всем недолго осталось жить. Только никто не знает этого дня...

— Семён прав, — поддержал Галамагу бывший парторг. — Ты просто раскис. Испугался. А ты лучше спроси у нас: с какими болячками мы живём? Пальцев на руках не хватит, чтобы их всех перечислить. Я вон три инфаркта перенёс. Так что же, мне теперь живым в гроб ложиться? Нет, Гоша, за жизнь надо цепляться, биться за неё, какой бы она сраной ни была...

Георгий был уже здорово пьян, но держался на ногах крепко. Изредка ронял голову на грудь, закрывал глаза, но через минуту вскидывался и виновато улыбался окружающим. Иногда ему казалось, что он всё это нафантазировал, и никакой болезни у него нет, а есть одно притворство, и что собрал он сегодня в своём доме друзей, чтобы покуражиться перед ними. И чем больше он об этом думал, тем сложнее ему было отделить выдумку от правды. Но, вспомнив о своей просьбе к друзьям, Никишин облокотился о стол двумя руками и выпрямился.

— Я ещё не всё договорил. У меня есть к вам две просьбы, — и он вытащил из внутреннего кармана пиджака два белых конверта. — Здесь деньги. Вот в этом деньги на похороны. Я хочу, чтобы этот конверт взял мой друг Семён Васильевич. А вот в этом деньги на памятник. Их пусть возьмёт наш парторг. Это по его части. Только ты, Василий Иванович, много на нём не расписывай. Фамилию, имя и даты. И больше ничего. Запомнишь? А теперь на посошок и расходимся.

Вышли в глубокую ночь, когда трамваи давно перестали ходить, когда над коломенской землёю ярко горели звёзды и болталась где-то в углу неба не улыбочивая луна.

5

Полина пришла рано утром. Георгий стоял в трусах около раковины и мыл посуду. Время от времени он прикладывался к заварочному чайнику, пытаясь заглушить пожар внутри. Под подоконником стояла батарея пустых бутылок. А рядом, в ведре, светились осколки разбитой посуды. Георгий торопился убрать следы вчерашней пьянки. Но не успел.

— Да... видать, от души повеселились, — раздался из-за спины насмешливый её голос.

Георгий обернулся. Мокрая тарелка выскользнула из его рук, но он поймал её на лету почти у самого пола.

— Сударушка моя, ты уже пришла? — заискивающе спросил он. — А я вот хотел навести порядок до твоего прихода...

— Не навести порядок, а замести следы своего преступления, — уточнила она. — Ведь ты вчера мне обещал... Боже мой! С кем я связалась? С алкоголиком! — шутливо всплеснула она руками.

Он послушно вытер руки, сел за стол. И вдруг снова ощутил эту боль. Она шла откуда-то из глубины и жгла всё внутри. Георгий чувствовал, будто летит в какую-то пропасть, разрубленный на многие осколки. Он последними усилиями заставил себя встать и выйти в комнату. Там, дрожащими руками, он сделал себе укол и снова вернулся на кухню. Полина что-то ещё рассказывала, смеялась, а Георгий, тяжело дыша, снова возвращался к жизни. «Горько умирать, когда твоё сердце ещё любит», — подумал он.

Женщина тем временем закончила мыть посуду и обернулась.

— А давай-ка мы с тобой чайку попьём! — предложила она, и Георгий вспомнил, что когда-то с этой фразы началось их знакомство.

— Я его уже столько выпил! — признался он. — Но для одной чашечки ещё место найдётся. Только давай я тебе вначале кое-что покажу.

— Мне глаза закрывать? — и она кокетливо отвернула голову.

— Не обязательно, — ответил Георгий и вышел в комнату.

Вернулся он оттуда с канцелярской папкой в руках. Лицо его на этот раз было не то что весёлое, а какое-то торжественное. Развязал тесёмки и вытащил лист.

— Здесь моё завещание, заверенное нотариусом, — произнёс он. — Я тебе завещаю мою квартиру со всем барахлом. Ты только не беспокойся: помирать я не собираюсь, — утешил он её, — но пусть эта бумага будет при тебе.

— Почему мне? — опешила она от неожиданности. — У тебя ведь дети есть... Да и вообще, к чему ты всё это затеял?

— Отвечаю на первый вопрос: им это не нужно. У них такие хоромы, что нам с тобой и не снились. А вот теперь в самый раз и чай пить...

Полина расставляла фарфоровые чашки с блюдечками, и руки у неё слегка дрожали. Какое-то неприятное предчувствие овладевало ею. Она изредка бросала взгляды на Георгия. Он это заметил, и вся его душа наполнилась печалью.

— А у нас к чаю ничего нет! — вдруг вспомнил Георгий. — Давай я сбегая за тортиком? Заодно и голову проветрю, — предложил он и, не дожидаясь ответа, начал торопливо одеваться. Надел тот же вчерашний костюм, белую сорочку.

— Какой ты у меня, Егорушка, представительный, — оценила она его.

— И ты у меня самая красивая! — Он обнял её и прижал к себе. — Осень без тебя была бы печальной. А с тобой она золотая... — Потом попросил: — Поцелуй меня...

Полина и сама этого уже давно хотела: обняла его крепко за шею и с силой прижалась к губам...

— А у меня тоже есть один сюрприз! — отстранилась она от него.

— Какой? — загорелся он.

— Вот придёшь, потом и скажу. Иди! — и поправила лацкан его пиджака.

Чтобы занять себя чем-то, она вернулась на кухню, протёрла сухим полотенцем всю посуду, взяла со стола листок завещания и прошла в комнату. Прочитала весь текст заново, даже фамилию нотариуса. Вложила листок в папку и положила на подушку. На видное место.

И тут под подушкой, на диване, она заметила коробку с лекарствами. Тут же лежал пакет со шприцами и использованными капсулами. Полина опустилась на диван. Ужас от находки парализовал её тело. Она понимала, что обнаружила не просто лекарства, а какую-то страшную тайну. Сердце её то останавливалось, то громко стучало.

А Георгий всё не возвращался. Тогда она вышла на балкон, с которого просматривался весь путь к булочной. Осень медленно растекалась своим золотом по аллее. У самой дороги женщина заметила какую-то тревожную толпу. Зашемило сердце. Накинув плащ, в одних тапочках она выбежала на улицу.

Сердце её не обмануло. Георгий и ещё три человека лежали у кювета. В глазах Полины блеснула боль. Георгий лежал на спине, раскинув руки, и лицо его было таким, будто он спрашивал людей: чего вы все суетитесь? Рядом стоял полицейский и допрашивал какого-то мужчину.

— Я ехал спокойно на своём фургоне. Да и гнать мне особенно было нельзя — в кузове оргтехника, — разгорячённо твердил шофёр, то и дело поглядывая в сторону сбитых пешеходов. — И тут на дорогу выбежала какая-то сопливая девчонка. Сунулась под колёса и растаяла, точно ангел. Я повернулся от неё и наехал на этих троих — они у дороги стояли... Всё произошло мгновенно...

— Ну и где эта девчонка? — попытался уточнить полицейский.

— Убежала! — завизжал перепуганный шофёр. — Но она точно была! Вон у людей спросите!

— Спросим, спросим... Не сомневайся, — ответил полицейский и подозрительно взглянул на водителя.

Полина подбежала к Георгию и села около него на корточках. Правая нога его была босой. Циферблат часов был разбит.

— Ты зачем это сделал? — закричала она. — Да очнись ты! Не смей умирать! Как ты смог оставить меня одну? — трясла она его. Вспомнила, как несколько минут назад он попросил поцеловать его. И она, вцепившись в его пиджак, закричала: — Ты что, попрощался со мной? Что ты наделал?

Но только один ветер в каштанах прошелестел ей своё — «прости»... У неё уже не было сил кричать, и она, упав на него, заплакала.

Её увидел полицейский:

— Женщина! Отойдите! Здесь ничего нельзя трогать!.. Вы кто?

— Жена это его, — сказал кто-то из толпы. — Незаконная.

Полину подняли и отвели к остановке, усадив на лавку. Потом подъехала карета «скорой помощи» и увезла Георгия.

Движение на дороге возобновилось, и народ стал медленно расходиться. А Полина ещё долго сидела на скамейке, и ей казалось, что вокруг неё умерла вся земля, умерли травы и цветы, и ветер гоняет по аллее не осенние листья, а какой-то чёрный пепел догоревшей осени. Боли от горя в сердце не было, а накапливалось только ощущение, что оно навсегда стало одиноким и пустым.

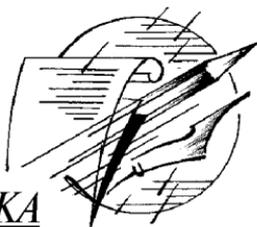
Людмила ФИОНОВА,
доктор физико-математических наук

АГОНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы всё время занимаемся следствиями. Мы тонем в деталях, в частных проявлениях системных дефектов. Мы пытаемся добиться позитивного решения отдельных проблем, что в рамках существующей системы в принципе невозможно. События на Украине ужасающи. Но они — рядовое воплощение утвердившегося миропорядка, такое же, как в Сербии, Ливии, Ираке... И положить конец кровопролитию на Украине, в Сирии, по всему миру, не ломая всю систему, невозможно.

Мы не дерзаем мыслить системно. Системный анализ вообще запрещён. А ситуацию на планете следует охарактеризовать как агонию цивилизации — глобальное разрушение всех сторон жизни человечества — экономики, политики, науки, культуры, общественной морали...

Агонизирует цивилизация, которая была сконструирована тайными архитекторами, получила своё воплощение в Западном мире, и, более всего, в нынешнем лидере этого мира — Соединённых Штатах Америки. В эту цивилизацию в 90-е годы были насильственно включены СССР и Восточная Европа, которые стали жить по её правилам, т.е. умирать.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Все научные, политические и экономические системы, порождённые нынешней цивилизацией, не смогли выполнить главную задачу: обеспечить мирное сосуществование людей друг с другом и со своей планетой.

Имеет смысл сформулировать принципиальные дефекты умирающей цивилизации — возможно, так удастся найти путь спасения хотя бы малой части людей.

Цивилизация, уничтоженная паразитом

Надпись у основания масонской пирамиды на однодолларовой банкноте и на государственной печати США «Novus Ordo Seclorum» — «новый порядок на века» — сегодня звучит как пустое бахвальство. Высокопарно провозглашённые «века» оказались короткими — цивилизация быстро приближается к гибели именно благодаря руководству тайных структур. Малые группы, определяющие жизнь мирового сообщества, потому и законспирированы, что паразитарны — ничего не давая социуму, они стремятся доминировать, навязывая миру правила игры, выгодные для кланов сверхбогатых, смертельные для остальных людей.

Концентрации капиталов и власти в руках паразитарных структур по всему миру чудовищна: 0,7% мирового населения захватили в свои руки 41% мировых богатств.

В России суммарное состояние миллиардеров (около 500 млрд. дол.) и мультимиллионеров (около 1000 млрд. дол.) в 2,5 раза превосходит годовой фонд заработной платы всех 70 млн. наёмных работников страны (около 600 млрд. дол.) и в 15 раз сумму выплат всем 39 млн. пенсионеров страны (около 100 млрд. дол.).

Самое опасное, что динамика роста концентрации капитала положительна. В 2013 году число долларовых миллионеров в России выросло на 13,6%, самый высокий рост зафиксирован в Ирландии — 16,8%, общемировой рост — 0,8%. За 2013 год число миллионеров в Германии увеличилось на 83 000 — до 1,822 млн. человек, в Японии — на 27 000, до 951 000 человек. В 2013 году лидером по числу долларовых миллионеров в мире стал Азиатско-Тихоокеанский регион, где общее число миллионеров выросло на 1,6% — до 3,37 млн. человек. По объёмам средств лидером остаются США, где суммарное состояние миллионеров составляет 11,4 трлн. дол., число людей с состоянием 1 млн. и выше — 53,3%.

Эксперты Цюрихского университета (Швейцария), проведя математический анализ связей ведущих компаний планеты и движения капиталов, пришли к выводу: **миром правит одна свёрхкорпорация**, где контрольным пакетом акций

владеют 1318 компаний, на долю которых приходится 60% всех доходов. Ядро системы составляют всего 147 финансовых и инвестиционных институтов, контролирующих 40% глобального рынка.

Этот корпоративный монстр в высшей степени эффективно ведёт к разрушению всех сфер жизни человечества.

1. Господствующая рыночная экономика, основанная на мошеннических финансовых схемах пирамид и пузырей, может существовать только за счёт постоянного расширения, что в принципе невозможно на планете конечных размеров, а потому она органически несёт в себе неизбежность экономических кризисов и, в конечном счёте, глобального краха всей системы.

2. Обслуживающая паразитарную экономику политическая система выстроена так, чтобы продлить жизнь незаконных финансовых пирамид. Потому в мировой политике девальвируется само понятие «право», оно подменяется правом силы, что воплощается в бесконечной череде войн и «цветных революций» — таким путём глобальный паразит присваивает активы суверенных государств. Результат — разрушение национальных государств и быстрое расширение ареала хаоса.

Созданная паразитарными структурами система крайне неоднородно распределяет ресурсы — малые группы имеют сверхдоходы, миллионы людей лишены элементарных средств к существованию. Это выгодно паразиту — он может меньше платить наёмным рабочим, подпёртым толпами безработных, последних он может использовать как резервуар для вербовки солдат — пушечного мяса для военных авантюр. Неоднородность носит не только экономический, но и социальный характер — **субъектом политики являются только члены паразитарных групп**, прочие миллиарды людей — пешки в их игре. Значимые посты в политике, экономике, культуре, науке, СМИ и т.д. могут занимать только те, кто абсолютно лоялен паразиту. Прочие даже при наличии талантов в принципе не смогут себя реализовать.

Эта ситуация, выгодная паразиту, несправедлива и бесперспективна для всего мира, ибо сокращает пространство для жизни производящих слоёв населения — паразит истребляет творца.

Паразитарные структуры создают неоднородное распределение богатств и власти не только между людьми, но и между странами «золотого миллиарда», где локализованы в основном управляющие элиты, и прочим миром. Выступая в Военной академии в Вест-Пойнте, Обама говорил о «неизбежности» глобального лидерства США.

Претензия на мировую исключительность — основа политики США. И Джордж Буш-младший утверждал, что Бог избрал Америку, чтобы руководить всем миром.

Но силовые методы, которые США используют для обеспечения своего доминирования, порождают чудовищную гонку вооружения, что ускоряет истощение ресурсов Земли. **Войны и революции превращают планету в руины, уничтожая инфраструктуру, культурные памятники, природу...** Правление паразитарных элит ущербно по сути: успешно решая в свою пользу тактические задачи, они проигрывают стратегически — их политика абсолютно несовместима с устойчивым развитием цивилизации.

Мировые элиты ведут себя как люди, лишённые жизненной перспективы. Складывается впечатление, что паразитарные группы составляют психически нездоровые люди, ради сиюминутной наживы убивающие будущее, религиозные маньяки, погружающие мир в хаос в ожидании пришествия своего мессии — они убивают людей, разрушают города, страны, культурные памятники с зверским садизмом, не свойственным нормальным людям.

Легко видеть, что рациональный план действий нынешних элит — захват ресурсов, рынков, мирового господства — имеет и иррациональную составляющую. Так, целесообразность проникновения американских компаний в экономику захваченных государств не всегда приносит прибыль. Убытки США от войны в Ираке составили около 3 триллионов долларов, что не вполне компенсируется доходами американских нефтедобывающих компаний. Сегодня американцы покидают страну под натиском исламистов ИГИЛ (Исламское Государство Ирака и Леванта).

Ливия после агрессии Запада и убийства Каддафи сократила добычу нефти в 15 раз. Сегодня западные инвесторы уходят из страны, разорванной враждующими племенами.

Кто составляет правящую группу персонально? Обратимся к списку участников 62-го ежегодного заседания Бильдербергского клуба (29 мая — 1 июня 2014 года). Бильдербергский клуб определяет «глобальную повестку дня», исходя при этом из интересов своих членов, а не народов мира. Клуб также устраивает тайные смотрины президентов, подбирая кадры послушных исполнителей принятой «повестки». Вспомним, что Бильдербергский клуб был создан в 1954 году принадлежащим к германской аристократии членом нацистской партии и СС. Породнившись с голландской королевской семьёй, он стал известен как принц Бернхард. Он был одержим идеей реванша и мирового господства.

Среди участников Бильдерберга-2014 были королевы Испании и Голландии, глава МВФ Кристин Лагард, канцлер Казначейства Великобритании Джордж Осборн, американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений, бывший Советник по наци-

ональной безопасности США, бывший Государственный секретарь Генри Киссинджер, бывший директор ЦРУ Дэвид Петреус, бывший директор АНБ Александр Кейт, бывший советник по национальной безопасности Томас — «человек вице-президента США Байдена». Байден заявлял: «Я сионист. Можно быть сионистом, не будучи евреем».

Важное место на встрече занимали президент США Б. Обама и Ричард Перл, представляющий радикальное крыло американских неоконсерваторов, которые определяют политику США. Присутствовали на встрече и представители Американского Института Брукингса — штаба американских неоконсерваторов.

Многие аналитики обращают внимание на то, что среди участников Бильдерберга-2014 видное место принадлежало членам американской еврейской элиты, занимающим господствующие позиции в финансовой олигархии, крупнейших печатных и электронных СМИ, главных аналитических центрах США. Ведущую роль в мировом сионистском движении сегодня принадлежит ортодоксальному крылу иудаизма — хасидам, секте Хабад. Таким образом можно в определенной мере утверждать, что сегодня миром управляет тоталитарная секта. Некоторые американские блогеры заговорили о феномене «ползучего англосионизма».

Хотя с 2013 года члены Бильдерберга перешли в режим «открытого заговора», создав свой сайт и публикуя списки участников, клуб охраняет свои глубинные тайны. На Бильдербергских конференциях действуют «правила Chatham House», согласно которым «можно свободно пользоваться информацией, но запрещено раскрывать личность докладчика и его принадлежность». Во время Бильдерберга-2014 двух датских журналистов охрана отеля «Мариотт» схватила и отправила в полицейский участок за то, что они отказались уничтожить фотографии участников. Из отеля также выселили сотрудников британской «Гардиан» и американского интернет-портала Infowars.com. В отместку журналисты разместили в сети фото с расправой над ними и отчёты о зловещем характере конференции, о полицейских с собаками, о закрытой решётками крепости, в которую превратился пятизвездочный отель, где заседал клуб.

В списке «доверенных лиц», допущенных в отель, было всего 134 вип-персоны, которые претендуют на управление всей планетой.

Несомненно, пребывание паразитарных элит у руля цивилизации — ключевая опасность, угрожающая миру. Ни одна проблема человечества не может найти позитивного решения, пока паразитарии сохраняют власть.

ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К НЕОФАШИЗМУ

Известна расхожая фраза: «Россия — страна чудес». Кто-то произносит её с сарказмом и неприязнью, кто-то с юмором, а кто-то относится к ней с полной серьёзностью, считая русские чудеса событиями сверхъестественными, производимыми непосредственно силою Божией, для достижения каких-то больших и праведных целей и позитивного решения каких-то важных русских вопросов.

Очередное русское чудо совершилось 16 марта 2014 года, когда население полуострова Крым, формально входящего в состав Украины, на своём референдуме проголосовало (96,75%) за выход из состава Украины и переход под юрисдикцию России в качестве одного из её субъектов. Историческая справедливость восторжествовала. Крым, принадлежавший России с XVIII века и подаренный Хрущевым в начале 50-х годов прошлого века Украине, вернулся в свое русское лоно. Этот совершившийся факт вызвал неописуемый всплеск искренней радости у жителей Крыма и России, а также нашел должное понимание у мирового сообщества. Он возродил веру и надежду у русскоязычного населения

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Украины на то, что с помощью России и свершившегося факта возвращения Крыма в состав России русскоязычному населению Украины удастся покончить с его дискриминацией по национальному признаку, а также с тем произволом самозванной власти, который творится сегодня на Украине. Факта выхода Крыма из состава Украины могло бы и не быть, если бы ему не предшествовал государственный переворот и насильственный захват власти в Киеве, совершенный под руководством натовских советников, пятой колонной в союзе с бандеровцами. В отличие от предшествующих киевских майданов последний отличался тем, что его главной ударной силой были боевики украинских фашистских организаций, прошедшие специальную подготовку не только на территории Украины, но также Литвы и Польши.

Опасный союз

На Украине правит беззаконие и произвол, беспардонно нарушаются права человека, льётся кровь, царит ненависть, пропагандируется оголтелая русофобия, т.е. имеют место явные признаки неонацизма. И всё это происходит при активной финансовой, политической и информационной поддержке либерально-демократического Запада под непосредственным руководством США — этого так называемого «оплота демократии, свободы и прав человека».

Как же случилось, что этот «оплот» вместе с либерально-демократической Европой, похваляющейся преданностью своим демократическим традициям, выступил в качестве руководящей и направляющей силы фашистского, по сути, государственного переворота?

Этот факт кажется немыслимым и беспрецедентным. Но это факт. Фактом является и то, что попытки России остановить кровавый разгул этого фашистского переворота вызвали всплеск открыто враждебного отношения к России всего западного блока. Он начал принимать в отношении России различные дискриминационные меры и даже шантаж всевозможными запретами и свертыванием двусторонних отношений.

Попытаемся разобраться в сути происходящего, в том, как случилось, что либерал-демократы натовских стран выступили единым фронтом с откровенно фашистскими организациями Украины в совершении государственного переворота и насильственного захвата государственной власти на Украине.

То, что главной целью этого мятежа была для Запада не Украина, а Россия ни у кого из здравомыслящих людей сомнения не вызывает. То, что Крым оказался в России, а не в качестве военной базы НАТО, направленной против России, в высших политических и военных кругах этого блока вызвало крайнее раздражение и озлобление. Совершенно очевидно, что натовцев всё больше беспокоит поднимающаяся с колен и возрождающаяся Россия. Своей честной и открытой внешней политикой она начинает вызывать раздражение и злобу у западных политических элит, прячущих свою ложь и лицемерие за так называемую политкорректность. Кроме того, становится всё более очевидным для них, что возрождающаяся Россия становится главным препятствием для реализации их глобалистских идей и планов.

Та Россия, которую они видят сегодня, уже не вписывается в их идеологию господства над миром так называемого «золотого миллиарда». Во имя осуществления этих планов они, очевидно, готовы пойти на любые преступления, любую ложь, любое лицемерие и любые союзы. И, тем не менее, совместное участие либералов с фашистскими организациями в таком политическом событии, как государственный переворот в суверенной стране, может показаться на первый взгляд делом необычным. Но это только на первый и не очень внимательный взгляд. Говорили же древние римляне: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Если они (либералы и фашисты) пошли вместе на совершение преступного деяния, значит, их объединяла какая-то общая цель. Такой общей целью был захват государственной власти и установление такого режима на Украине, который был бы враждебен России и русскому народу и открыто проводил бы русофобскую, антирусскую политику.

С бандеровскими выродками всё понятно, тут нет вопросов — фашист есть фашист. В данном случае это прежде всего нацист, заострённый на русофобию. А кто же такие натовские либерал-демократы, как их классифицировать, если они слились с фашистами. На их деньги создавались штурмовые отряды, под руководством их же инструкторов эти отряды проходили специальную подготовку по свержению законной власти. Наученные натовскими инструкторами отморозки совершают тяжкие преступления и проливают кровь, а их учителя делают вид, что ничего незаконного и противоправного не происходит.

Здесь, естественно, возникает вопрос о том, а кто же такие сами учителя? Ведь если ты готовишь боевиков в чужой стране для совершения государственного переворота в ней, знаешь, что твои подопечные исповедуют фашистскую идеологию,

преступную по сути, и после захвата власти они намерены установить в стране фашистский режим, а ты продолжаешь сотрудничать с ними, то мы с полным правом можем утверждать, что ты сам такой же.

Кто есть кто!

Натовские либерал-демократы и фашисты-бандеровцы отличаются друг от друга только внешней формой и риторикой. Мы должны хорошо понять следующее. В исторический период с XVIII по первую половину XX века на территории Западной Европы родились три идеологические системы: либерализм, коммунизм и фашизм. Их объединяло то, что они выросли из одного корня.

Таким корнем была их ненависть к религии. Эта сатанинская триада вместе и в отдельности готова была всегда пойти на союз с кем угодно во имя борьбы со своим, самым ненавистным врагом. При всей неприязни и враждебности друг к другу, они выступали единым фронтом против общего врага — религии, если этого требовала обстановка и интересы общего дела, т.е. борьбы с религией и прежде всего с Православием. Надо особо подчеркнуть, что их верным соратником, вдохновителем и финансовым спонсором, как правило, был международный сионизм. Эти четыре силы и вершили судьбы Западной цивилизации и всего человечества. Они хотят вершить их и далее.

Сегодняшние события на Украине есть попытка натовских и сионистских сил нанести очень чувствительный удар по России, которая связывает своё возрождение с возрождением Православия. Именно это и вызывает у врагов России особую озлоблённость. Для того чтобы прервать религиозный Ренессанс России и её возрождение, они готовы пойти на союз с кем угодно, а уж с братьями по духу тем более. Хочу ещё раз подчеркнуть, что наши западные оппоненты бьются сегодня за то, чтобы не было не просто России, а именно православной России.

Они хорошо понимают, что либеральную Россию можно постепенно подмять под себя, а православную Россию им не одолеть.

В этом надо искать ответ на истинные причины того, казалось бы, противоестественного союза «либеральных» натовцев с украинскими неофашистами. Они хотят остановить возрождение православной России любой ценой.

Если у либерализма, коммунизма и фашизма один общий корень, то у них неизбежно есть общие интересы и общие черты, которые присутствуют в каждом из них. Более того, при

определённых обстоятельства они могут переходить друг в друга. Этот переход мы и наблюдаем сегодня на Украине. Мы видим здесь то, как они могут менять свою кожу, т.е. свои принципы в зависимости от обстоятельств. Пока они шли к перевороту в Киеве, они, не стесняясь, поддерживали бандеровцев в открытую, когда же переворот был совершен, они стали создавать видимость своей отстраненности от действий профашистских организаций и даже осуждения их противоправных действий. Когда общественность США и европейских государств стала внимательно присматриваться к тому, что реально происходит на Украине, начались открытые протесты населения этих стран против союза с фашистами. Тогда натовцы дали команду своим марионеткам, называемым правительством Украины, на разоружение этих банд. Те распорядились, чтобы все участники майдана сдали властям захваченное силовое оружие. Но бандеровцы публично заявили о том, что власть им оружия не выдавала, а, следовательно, не ей его и отбирать. На том и остановились. Это оружие рано или поздно должно было заговорить, и оно заговорило.

Является ли странным исключением союз натовских либералов с фашистскими организациями Украины? Нет, не является. В середине 30-х годов прошлого столетия самые либеральные страны Европы — Франция и Англия пошли на прямой сговор с Гитлером и сдали ему Чехословакию под предлогом необходимости возвращения Германии Судетской области, в которой проживало большое количество немцев.

Это возвращение буквально обескровило Чехословакию и лишило её способности сопротивления фактической агрессии Германии. В результате «мирной» передачи Германии Судет Чехословакия потеряла половину тяжелой промышленности, 66% добываемого каменного угля, 70% электроэнергетики, 70% чёрной металлургии, 86% химической промышленности, 80% текстильной промышленности и т.д. Экономический и военный потенциал Чехословакии рухнул без единого выстрела. Растерзанная страна была брошена под ноги набирающей силу фашистской Германии. Сегодня натовцы пытаются отдать на растерзание вновь объявленным фашистам несчастную Украину во имя якобы утверждения в ней принципов либеральной демократии.

Ценные признания

То, что западные демократии всё больше проявляют в себе элементы фашистской идеологии и политики, заметили не только мы. В вышедшем в прошлом году сборнике статей

западных (в основном американских) учёных под общим названием «Закат империи США» (М., 2013 г.) профессор Вильям Робертсон в частности пишет: «Новые формы социального контроля и способы идеологического господства размывают границы, поэтому становится возможным существование конституционного и нормализованного не о ф а ш и з м а с формальными представительными организациями, конституцией, политическими партиями и выборами, в то время как политическая система жестко контролируется транснациональным капиталом и его представителями» (рядка моя. — А.Ш.).

Это заявление требует некоторых уточнений и пояснений. Во-первых, автор признаёт, что современный либерально-демократический капитализм создаёт реальные возможности для его фашизации, во-вторых, что он вводится в рамки конституционного поля, в-третьих, он становится элементом политической системы и, наконец, вместе с другими политическими силами он жестко контролируется транснациональным капиталом. Так либеральный капитализм переходит в глобальный тоталитаризм.

Таким образом фашизм узаконивается как один из элементов политической и идеологической системы глобального общества. Если кто-то посчитает, что мнение профессора Робинсона и наш комментарий неубедительны, сошлюсь на такого известного апологета рыночного капитализма, которого невозможно заподозрить в желании опорочить обожаемый им рыночный глобализм. Это Джордж Сорос.

Как известно, кроме игры на финансовом рынке, он претендует на роль теоретика современного глобального рынка. В одном из своих трудов «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм» (М., 2001 г.) Сорос пишет: «Самая большая опасность для свободы и демократии в современном мире исходит от далеко не священного союза государства и бизнеса. Явление это не новое. Когда-то его называли ф а ш и з м о м, и оно было характерно для Италии Муссолини, а также в той или иной степени, для гитлеровской Германии, франкистской Испании и салазаровской Португалии. В наши дни оно принимает самые разные формы».

При всём нашем сдержанном отношении к этому финансовому спекулянту скажем ему спасибо за столь ценное признание того, что либеральная идеология всегда беременна фашизмом, что ростки фашизма постоянно прорастают в ней и ждут своего часа, чтобы выйти наружу и раскрыть истинное лицо лживого и лицемерного либерализма.

Именно это и произошло на Украине, когда правящая элита натовских государств в антироссийском порыве слилась с фашиствующими правыми силами Украины и вместе с ними стала разваливать эту страну.

Фашизация государственного переворота на Украине понуждает нас обратиться к исследованию основных признаков и принципов фашизма. Исторический опыт показывает, что фашизм есть дитя широкомасштабных кризисных явлений, претендующее на роль гаранта выхода из кризиса и последующего социального благополучия и порядка, а также на исполнение некой мессианской роли того народа и государства, где состоялся этот кризис. В случае победы на выборах или государственного переворота фашизм устанавливает свою диктатуру, противоположную демократии.

После захвата власти фашизм отвергает многопартийность в политике и плюрализм в идеологии, устанавливает в обществе (государстве) безраздельное господство одной партии или группы, отвергает принципы демократии и парламентаризма, не признаёт наличия оппозиции, жестоко преследует инакомыслие и все формы сопротивления его тоталитарной диктатуре.

Победивший фашизм насаждает в обществе воинственный антидемократизм, расизм и шовинизм, антисемитизм, националистический экстремизм, мистический вождизм, культ тоталитарного государства, проводит политику геноцида и социального насилия, пропагандирует расистские идеи полноценных и неполноценных наций, осуществляет радикальные меры по ликвидации традиционных религий и замены их каким-то оккультным учением. По заявлениям и практическим действиям современных киевских «вождей» мы можем убедиться в том, что все родовые признаки фашизма в их словах и делах присутствуют со всей очевидностью. Но для нас важно не только установление факта бандеровского фашизма и того, что фашизм не канул в Лету, не ушел из жизни человечества, не превратился в факт исторического прошлого, а продолжает оставаться реальностью современного мира и приобретает новые, более утонченные и страшные формы. Это позволяет нам говорить о нем о ф а ш и з м е.

Неофашизм, сохраняя родовые черты фашизма, вынужден либерализовываться. Нельзя же «светочу свободы, демократии и прогресса» устраивать новые Освенцимы, Бабы Яры и газовые камеры. Совершается обоюдный процесс: фашизм либерализуется, а либерализм фашизируется. Этот факт говорит о том, что тот строй жизни, который мы называем капиталистическим (или буржуазным), будучи духов-

но пустым по определению, постепенно из века в век утрачивает смысл своего существования и расчеловечивается. Сегодня речь идет уже не о фашизации отдельных стран и народов, а о жизни всего человечества под эгидой так называемой глобализации как якобы единственно возможной и необходимой формой организации жизни современного человечества.

Фашизация под маркой глобализации

О глобализации сегодня говорят все и везде, но мало кто и где говорит о м о н д и а л и з м е — идеологии современного глобализма, откровенно изложенной французским банкиром-глобалистом Жаком Атали. Нарисованная им картина будущего человеческого общества ужасна и потрясающа. По своему цинизму и бесчеловечности эта идеология существенно превосходит фашистскую идеологию Германии 30-х — 40-х годов прошлого века и нацистскую практику с её концлагерями, крематориями, газовыми камерами, изуверскими расправами над безвинными людьми, которых за людей нацисты не считали.

Новоявленные фашисты тоже собираются не считать за людей те человекоподобные существа, в которые они предполагают превратить большую часть современного человечества. Эти рабы-роботы будут безропотно обслуживать так называемый «золотой миллиард», в который войдут «цивилизованные» страны Запада. По идее мондиализма, человечество должно быть разделено на хозяев жизни и рабов, их обслуживающих, которых они называют «кочевниками». Эти рабы-кочевники, уже не люди, а человекоподобные существа без национальности, без родины, без семьи, без знания своих родителей, без постоянного места жительства, чипизированные, с подавленной волей к сопротивлению. Это существа, похожие на людей лишь по внешнему виду, должны быть превращены в рабочий скот. Вот какую перспективу готовят человечеству теперешние идеологи глобализации, ударной силой которой стала сегодня правящая элита США, а её активным помощником — европейские партнёры по НАТО. Это будет общество, построенное по принципу муравейника, «человеяника», по едкому замечанию А. Зиновьева, или пчелиного улья, где роль матки будет выполнять «золотой миллиард».

Вот такой «земной рай» собираются построить современные глобализаторы. Гитлеровские планы мирового господства могут показаться детской игрой в песочнице по сравне-

нию с тем ужасом, который готовят человечеству новоявленные гитлеры. И у нас начинает проявляться основная причина «братского союза» ударных сил НАТО с бандеровцами-фашистами Украины. Этой причиной является генетическое родство классического фашизма и его современного варианта — глобализма. Либералов, очевидно, очень возмутят такие параллели, но давайте перейдем к фактам, а они, как известно, упрямая вещь. Что говорят факты! Начнём с того, что вспомним газетную фотографию времен американской агрессии против Вьетнама с обожженной напалмом, сброшенной с американского самолета, маленькой вьетнамской девочкой, с плачем убегающей от «цивилизованных» убийц XX в., наносящих ракетно-бомбовые удары по беззащитным крестьянским поселениям Вьетнама. Не напомним ли она нам расстрелы и бомбёжки наших беззащитных беженцев, гибнущих под пулеметными очередями и бомбами фашистских самолетов летом 1941 года? После поражения фашистской Германии во Второй мировой войне элементы фашизма стали проявляться тем или иным образом во внешней и внутренней политике государств либеральной демократии Запада. Однако наличие СССР и соц. лагеря не позволяло им публично демонстрировать эти элементы. После распада социалистической системы США и их союзники по НАТО в условиях полной безнаказанности возомнили, что им всё позволено, и стали устанавливать в мире угодные им порядки фактически фашистскими методами. Уничтожение благополучного европейского государства — Югославии, агрессия против Ирака, разрушение Ливии, попытка аналогичного разрушения Сирии и вот теперь жертвой их фашистской политики стала Украина.

Можно ли назвать такую внешнюю политику стран НАТО фашистской? Вполне! Они (назовцы) превратили войну из средства вооруженной борьбы в бандитскую расправу. Они нападают на страны, которые заведомо не способны оказать им достойное военное сопротивление. Они их не побеждают, а безнаказанно расправляются с ними, разрушая инфраструктуру, систему управления, физически устраняя неудобное им политическое руководство, развязывают террор против мирного населения. Для исполнения грязной работы они привлекают наёмных убийц и террористов-фанатиков.

Что им человеческое горе и страдания, кровь и пепелища, когда они людей не считают за людей. Что им общепринятые нормы человечности и высокие ценности жизни и культуры, если они исповедуют человеконенавистническую идеологию глобализма (неофашизма). Но при всех их преступных дея-

ниях они пытаются «сохранить лицо» и занимаются мифотворчеством. Одним из таких мифов стала теория «открытого общества», призванная создать привлекательный образ современной либерал-демократии, идущей якобы к процветанию, а не к своему концу.

За ширмой «открытого общества»

Когда и где родилось это словосочетание? Первым высказал идею «открытого общества» знаменитый французский философ XX века Анри Бергсон в своем последнем крупном труде «Два источника морали и религии», вышедшем в свет в марте 1932 года. Идея «открытого общества» родилась у него от нескрываемой любви к дихотомии, т.е. стремлению видеть во всем наличие противоположных начал. По отношению к обществу такими началами могут быть понятия «закрытое» и «открытое». Так родилась идея «открытого общества». Характерной особенностью «закрытого общества» является статичность, утверждал Бергсон, а «открытого» — динамизм.

Мораль первых — это мораль муравейника, мораль вторых — это мораль человеческого братства, устремленного к Богу. В религиозном плане первые имеют религию мифотворчества (языческие, политеистические религии), вторые — мистицизм (библейские религии).

Истина и полнота свободы могут осуществляться, по Бергсону, только в условиях динамического, «открытого общества». Идея «открытого общества» получила последующее развитие в философии Карла Поппера, который обнаружил чуть ли не идеал «открытого общества» в существующем строе западных либеральных демократий. Он, в частности, писал: «Современное открытое общество Запады, на мой взгляд... значительно лучше, свободнее, гораздо честнее и справедливее всех обществ, когда-либо существовавших в истории человечества. И хотя они далеки от совершенства, будучи не во всем честными и справедливыми, они неустанно трудятся, чтобы приблизиться к идеалам свободы, справедливости и честности».

Неустанно трудясь над достижением идеала «открытого общества» (согласно утверждению Поппера), на самом деле западные общества уже начали сползать от либеральной демократии к тоталитаризму и фашизму. Но ведущий социальный философ Запады почему-то этого не заметил или сделал вид, что не заметил, ибо не заметить ту «охоту на ведьм», которую развернул американский сенатор Джозеф Маккарти в пятидесятых годах прошлого века в США, было невозможно. Разве в маккартизме не просматривались с очевид-

ностью фашистские принципы расправы над инакомыслящими? Они были очевидными, но, видимо, не были таковыми для Поппера. Не усмотрел Поппер эти ростки фашизма и в войне США против Вьетнама. Безжалостные, так называемые, «ковровые» бомбёжки беззащитных вьетнамских деревень, после которых не оставалось ничего живого, поливание с воздуха мирных жителей напалмом, тоже выжигающим всё живое, наводили ужас на мировое сообщество. И этот певец «открытого общества» закрывал глаза на этот ужас и делал вид, что ничего особого не происходит, что война всё спишет. Дело, очевидно, в том, что не надо было это замечать как нечто малозначащее.

Однако и на Западе находились ученые, которые набирались смелости называть вещи своими именами и смотреть правде в глаза. Одним из них был Герберт Маркузе. В своём знаменитом сочинении «Одномерный человек» Маркузе обратил внимание на то, что современное западное общество естественным образом воспроизводит тоталитаризм. Он писал: «Сам способ организации технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным... Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с «плюрализмом» партий, прессы, «соперничающих» сил» и т.п. Добавим к этому, что тоталитаризм — это один из родовых признаков фашизма, а современный уровень развития либерального общества, усложнение функционирования всех сфер его жизни объективно будет подталкивать его к тоталитарным формам управления и, следовательно, к усилению его закрытости. Не к «открытому обществу» подошли США и страны Европейского Союза, а начинают активно сдвигаться в сторону закрытого общества с фашистской ориентацией.

Цивилизация вчерашнего дня

Стало совершенно очевидным то, что современная либерал-демократия в том виде, в котором она существует сегодня, исчерпала себя и не может предложить миру никаких новых, перспективных идей развития человеческой цивилизации в XXI веке. Кроме глобализма и общества, выстроенного по принципу пчелиного улья или муравейника, либеральная мысль предложить ничего не может. Это — факт.

Страны Западной Европы и Северной Америки уже при-
выкли считать себя основной движущей силой, локомоти-

вом земной цивилизации, хотят и в будущем сохранить за собой такое лидирующее положение и пытаются навязать миру свои чудовищные планы устройства жизни земной цивилизации по их глобалистским проектам. А на роль руководящей и направляющей силы названных стран, вызвались США, считающие себя не только лидером западного мира, но и всего человечества, ибо США, по их собственному мнению, являются сегодня некой парадигмой (образцом) свободы, демократии, прав человека и организации общественной жизни.

Уступать роль мирового лидера, которую они сами себе прописали, США не собираются, а любые реальные угрозы этому лидерству они намерены пресекать силой всей своей военной, экономической и политической мощи, имеющейся у них в настоящее время. А чтобы мир не забывал об этом, они постоянно напоминают ему вооруженными или иными расправами над теми, кто начал «забываться» и вести себя не так, как хотелось бы США. Французский политолог и экономист египетского происхождения Самир Амин в связи с претензиями США на мировое господство пишет: «Правящий класс Соединенных Штатов открыто провозгласил, что не допустит восстановления никакой экономической и военной силы, способной поставить под сомнение его монополию на планетарное господство, и потому наделил себя правом ведения перверсивных войн». Амин отметил также, что расчленение России было и остаётся стратегической целью США.

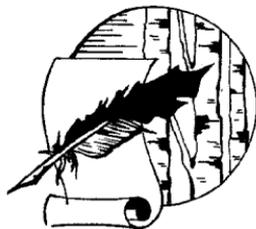
Обкатка будущего, самого главного объекта расчленения — России производилась, как мы уже видели, на Югославии, Ираке, Ливии и Сирии. Теперь они подошли к нашим границам и попытались расчленив Украину, создать очаг постоянной напряженности на западной границе России. Воспользовавшись ослаблением России, продажностью и русофобией амбициозной, но бестолковой и вороватой украинской власти, а также невмешательством России во внутренние дела Украины, США и их союзники по НАТО стали фактически управлять и направлять происходящие на Украине негативные процессы коррупции, развала экономики, разжигания русофобии, создания у населения Украины образа России как главного врага украинского народа. Они принялись активно стимулировать политическую нестабильность, готовили фашиствующую оппозицию к захвату государственной власти.

На поддержание на Украине экономического хаоса, разжигание межнациональной розни и оголтелой русофобии США и их европейские союзники потратили миллиарды дол-

ларов. Надо признаться в том, что Кремль проиграл информационную войну за Украину. Но борьба продолжается. Мировое общественное мнение, обманутое вначале лживой информацией натовской пропагандистской машины, постепенно начинает отделять ложь от правды и составлять более или менее объективную картину происходящих на Украине событий. Мы уже знаем, что около 60% граждан США и около 75% граждан Германии отказываются поддерживать ту политику, которую проводят их правительства в отношении Украины.

Мы же, в свою очередь, должны понимать, что современный капитализм подобен раненному зверю и готов к тому, чтобы броситься в любую кровавую авантюру и стать источником глобальной катастрофы. На примере слияния натовских стран с фашиствующим «правым сектором» украинских нацистов в общей борьбе против России и русских, живущих на Украине, мы можем убедиться в слиянии глобализма с фашизмом и перехода глобализма в неофашизм, т.е. в фашизм в наиболее страшных и чудовищных формах.

Да, мы живём пока ещё в мире, в котором господствует закон силы, и потому будем вынуждены такой силой обладать и быть способными ответить на силу силой. Об этом нам напомнил президент США Барак Обама, когда выступал по украинскому вопросу. Он предупредил Россию о том, что сегодня военная мощь США в 3—4 раза превосходит военную мощь России. А мы напомним президенту США, что Наполеон и Гитлер, начиная войну с Россией тоже имели военное превосходство над ней по многим показателям, но война закончилась в первом случае — в Париже, а во втором — в Берлине.

Любовь БЕРЗИНА

СИЯЮЩИЙ РОДИНЫ СВЕТ

* * *

Кроме белой рубахи и синих небес,
Кроме низко летящей взволнованной стаи,
Мне не нужно богатств, мне не нужно чудес,
Я и так, что ни день, новый клад обретаю.

Снова дарит Отчизна то дождь, то ветра,
То багряный закат, то забытые мощи,
И на голову мне, стоит выйти с утра,
Сыплет золото ветер в березовой роще.

А колонны стволов, как во храме, стоят,
В небесах проступают священные лики.
О, родная земля, твой неброский наряд
Полон духом святым, полон духом великим.

Кто еще, как и я, баснословно богат
Этим воздухом, ветром и горькой калиной,
Я не знаю — и в сердце несу этот клад,
И с родною землею не рву пуповину.

ПАМЯТНИК ГОГОЛЮ

Сойду на узкую дорогу,
Где среди листьев и травы
Задумался писатель Гоголь
В старинном дворике Москвы.

Не зря задвинут он подальше —
Спина согбенна и крива,
Его суровый взгляд без фальши
Не вынесла без слез Москва.

И около своей квартиры,
Среди домов дебелих тел,
От слез, неразличимых миром,
Он сгорбился и почернел.

Случайный в дворике прохожий
К нему не ходит на поклон
И ясных глаз поднять не может
На Гоголя, так страшен он.

Свой длинный нос писатель свесил,
Но боль внутри него жива.
Уходят тихо в поднебесье
Молитвы страстные слова.

И могут слышать, чуть живые,
Все те, кто чуток и не глуп,
Как молит Гоголь о России,
Не разжимая тонких губ.

То плачет Гоголь, то смеется,
Не видит он из-за домов —
Русь-тройка за углом несется,
В ней Чичиков и Хлестаков.

* * *

Мой сын открывает глаза —
В них свет, как в воронку, влетает.
Мой сын открывает глаза,
А ветер березу шатает.

Мой сын закрывает глаза,
Но в них навсегда остаются
Небесных полей бирюза
И солнца горячее блюдо.

Бревенчатый домик гнилой
И яблони рядом с забором,

Зеленый густой травостой
И птицы, поющие хором.

Как через волшебный алмаз
Всю радость и силу вбирая,
Сын весело смотрит на нас,
О тяготах жизни не зная.

Он весь безоружен, раздет,
Чужим улыбается людям.
Сияющий Родины свет
Мерцает в нем, словно в сосуде.

* * *

Меня сожрали коридоры,
Как паутина, оплели.
Они ползут в поля и горы
Вдоль всей земли, вдоль всей земли.

О мир без света и растений,
И без погодных перемен,
Где только тени, только тени,
Шатаясь, бродят возле стен.

Где лица холодны и немые,
Но каждый укусить готов.
О коридорные системы
Больших и малых городов,

Как пылесос, с напором грубым
Меня в себя всосали вы,
Но ваши каменные трубы
Не знают листьев и травы.

И растекаясь утром вешним
По вашим внутренностям, я
Люблю всего сильнее бреши
В деревья, небо и поля.

Как узнику — отрадой звенья,
Иконою — квадрат окна.
Я вся дрожу от нетерпенья,
Когда мне улица видна.

Там сквозь асфальт и стен машины,
В короне птичьих голосов,
Растут березы и осины
Лазутчиками из лесов.

Когда ж меня, домов изгоя,
Меня, рабыню колеса,
Снесет асфальтовой волною
И бросит в ближние леса?

* * *

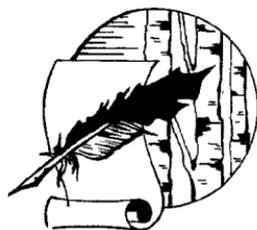
Передо мною Кремль в дыму —
Не видно звезд на нем.
Пожар объял мою страну,
Горит земля огнем.

Дымит трава, пылает лес,
Как факелы — дома,
Дождь из огня летит с небес,
Закрыла солнце мгла.

Душ и звериных и людских
Безвинно гибнет тьма.
Надрывно в небесах сухих
Катаются грома.

И на машину, где внутри
Сокрылся сытый чин,
Бросают сосны головни
С пылающих вершин.

Ногою робко шевеля,
На торф ступает он —
Под ним горит, горит земля,
Как пред концом времен.

Михаил ГУСАРОВ

ЛАМПАДА

АУ!..

Жизнь прошла под красным флагом.
Где ты, жизнь моя? Ау!..
Эхо мечется зигзагом —
не поймёт, кого зову.

Я картавому портрету
поклонялся — не юлил.
И летела жизнь по ветру..
Ветер, кто тобой рулил?

Ослеплял азарт полёта.
Флаг трубил над головой...
Где ты, жизнь?
Кругом — болото.
Видно, ветер был кривой.

Не безбожья ли отравы
так запутала твой след?
Эхо — слева, эхо — справа.
Эхо есть — ответа нет...

ТОРГАШИ

Мы живём, как с большой опохмелки,
при глазах,
а слепее котят.
Видим: вроде бы движутся стрелки...
Кто их движет?
Часы-то стоят!

Пожирают безжалостно время
у любви и молитвы — для свар.
И ликует иудино племя,
превратившее мир наш в базар.
Обуяла нас всех распродажа:
продаём, как бальзам для волос,
честь, иконы святые
и даже
продаётся распятый Христос.
Просто некуда деться от купли:
всё берём —
от старья до обнов.
Покупаем заслуги, как куклы,
покупаем чины и чинов.
Продаём—покупаем...
Нам радость
заменили давно барыши...
И живыми ещё притворяясь,
правим пир
на поминках души.
Чую, чую иудину руку:
серебро зажимая в горсти,
словно стрелки, мы скачем по кругу..
Не пора ли часы завести?

ЧУДО

Дремучий лес притих сурово
и слушал, как на грани сил
согбенный старец из Сарова
молитву к Богу возносил.
Себя крестом животворящим
он осенял —
на жизнь и смерть...
И вдруг узрел: из тёмной чащи
к нему направился медведь.

Судьбу вручивший воле неба,
без страха старец Серафим
взял из сумы горбушку хлеба
и разделил по-братски с ним.
И разошлись:
медведь в берлогу
закосолапил тяжело.

А старец, выйдя на дорогу,
побрёл с молитвою в село.

И дальний путь короче, коли
с идущим Божья благодать.
Вот позади овраг и поле,
и до избы рукой подать.
Вдруг чей-то свист ударил хлётско.
И было старцу невдомёк,
зачем безвестная повозка
пылит от дома наутёк.

Досеменил он до калитки.
На ней висит на бахrome
кручёный пояс от накидки,
что справил он себе к зиме.
И старца крик на повороте
настиг разбойничий возок:
«Вернитесь, татушки, постойте!
Вы обронули поясок!..»

Потом вошёл в полумрак кельи,
не возроптав на злых людей.
А там ни плошки, ни постели,
ни ложки с кружкой, ни лаптей...
Но сердце сжалось сладко-сладко,
и Богу он воздал хвалу:
его иконки и лампадка
висят нетронуто в углу.

Склонившись перед образами,
и поясок держа в горсти,
просил он Бога со слезами:
«Прости им, господи, прости...»
Всем сердцем, всей душой, до дрожи
молился он на грани сил.
И вдруг увидел:
ангел Божий
Его лампаду засветил.

МОЛИТВА К МАТЕРИ

Всё вышло так, как ты хотела, —
иначе быть и не могло, —

душа от тела отлетела,
тепло из тела истекло.
И, сквозь воздушные мытарства
пробившись с Ангелом святым,
душа твоя вкусила царства,
куда не все мы долетим.

Ведь царство это — слава Слова,
а Слово славы этой — Бог,
который сущему основа,
постичь которого не смог.
В грехе родившийся, исправно
служил, безумец, сатане, —
грешил налево и направо,
и не до бога было мне.

Служил бы я ему до смерти,
когда бы не твоя слеза.
Во сне слетев с небесной тверди,
она омыла мне глаза.
И, зрячим ужасом объята,
душа очнулась, боль храня,
во тьме соблазнов и разврата,
сокрывших небо от меня.

К тебе взываю я, твой сынку:
у сущего на небеси
ты мне хоть малую слезинку
для покаянья испроси.
Молиться Господу не поздно,
пока в словах трепещет дрожь.
Но коль раскаянье бесслѣзно,
то и слова молитвы — ложь.

СЛУЧАЙ В МЕТЕЛЬ

РАССКАЗ

Когда я вышел, снег, казалось, еще сильнее валил, завихряясь в воздухе. Домов на противоположной стороне улицы почти не было видно. И в такую-то непогоду мне предстояло идти почти километр сначала поселком, разделенным болотом, и еще столько же другим поселком.

Я посмотрел на окна Наташиной комнаты и вздохнул. Приду ли сюда когда-нибудь еще? На душе заскребли кошки. Сюда я летел как на крыльях. Ветер подстегивал в спину, сердце обмирало в предчувствии скорого свидания... И что же? Все рухнуло разом. Всего месяц, как мы познакомились в театральной студии, но уже получили роли жениха и невесты. Вечерами мы репетировали пьесу у Наташи дома. Единственный зритель — ее младшая сестра — не без ехидства замечала, что мы играем «как не понарошку». И вот Наташа оставила студию. Мне сразу стало неинтересно, хотя я и продолжал ходить на репетиции. К тому же, вместо Наташи такую мне подсунули... такую... Короче, я категорически отказался изображать из себя влюбленного «в девчонку из соседнего

ПРОЗА

двора», как требовалось пьесой, и роль у меня отобрали. Но это еще полбеды. Подумаешь — роль. Разве в этом дело? Я без всякого сожаления решил оставить студию. При том ни один мускул во мне бы не дрогнул. И не далее, как час назад я шел сообщить о своем решении Наташе. Всю дорогу я представлял, как обрадуется она, хотя виду, конечно, не покажет. Даже, наоборот, скажет: «Ну и зачем ты это сделал?» И я отвечу вопросом на вопрос: «А угадай с трех раз»... Но вышло иначе. Выслушав меня, Наташа заявила, что вообще не надо бы нам больше встречаться.

— Это почему же? — удивился я, решив, что это шутка.

— А зачем? — возразила она. — Тебе весной в армию, а я все равно не смогу тебя ждать.

— Что так?

— Да так... Да ты не сердись. Сам посуди: мне скоро двадцать, когда ты придешь, будет двадцать два. Ты и не глянешь на меня тогда.

— Понятно... — с напускною легкостью ответил я. — Практический интерес?

— Зато честно.

Ни слова не говоря, я вышел. Подождал, в надежде, что Наташа не выдержит, выскочит следом вся мокрая от слез, покаянно бросится мне на грудь и тогда, так и быть, прощу ее, но... Сколько же можно мерзнуть? И, подняв воротник пальто, я двинулся в обратный путь.

За селением ветер просто освирипел, и я решил сократить путь: пройти через болотце к автобусной остановке, где она, по моим предположениям, должна быть. О том, что могу заблудиться, я, конечно, подумал, но мне почему-то казалось, если это и случится, меня обязательно найдут, положат забинтованного с ног до головы на идеальной белизны кровать, ногу и руку подвешат к потолку, в окно будет светить солнце, пол будет блестеть, рядом с кроватью будет сидеть Наташа и плакать. И тогда я скажу ей как можно равнодушной: «Вот видишь? Теперь меня и в армию не возьмут».

Сначала снег был неглубок, потом ноги стали проваливаться все глубже и глубже и, наконец, я засел основательно. Попробовал выбраться — не тут-то было. Мне стало беспокойно. Я стал раскачиваться, чтобы освободить ноги. Выбравшись, перевернулся на спину и, задрав ноги, стал вытряхивать из ботинок снег. Затем перевернулся на живот и подполз посмотреть место провала. Так и есть: болотце еще не совсем замерзло, в отверстиях стояла вода. Идти было нельзя, а вот ползти — можно. И я пополз. Почему, спрашивается, не пришла в голову мысль вернуться? Пришла. Но разве рус-

ские отступают? Во всяком случае, ни в одном фильме про войну я такого не видел. Ну и чем я хуже?

Не раз, видя в кино, как ползают по-пластунски разведчики, мне казалось, что это легко, но буквально через десять минут я едва держал голову и постоянно клевал кроличьей шапкой в наст. Вскоре промокли насквозь и брюки, и вязанные бабушкой перчатки. Колени и руки стали замерзать. Ветер свирепо стегал по лицу как раз в тот момент, когда я поднимал голову, чтобы ползти дальше. Я задыхался и злился. В том числе и на Наташу. Хотя в чем же она виновата? Что разлюбила? А любила ли вообще? Ежели любила бы, не разлюбила бы... А я? Любил? Еще бы! Даже театральную студию хотел бросить, а она... Нет, теперь я не только не брошу студию, а наоборот, стану знаменитым артистом. И пусть потом она, глядя на меня по телевизору, локти кусает.

Наконец, почувствовал, что замерзаю... Подумал: «А может, все-таки вернуться?..» Но сразу же и раздумал: «Стоило столько времени мучиться! Тоже мне — солдат! Да и остановка уже, поди, где-то рядом. Стало быть, «еще немного, еще чуть-чуть!..»

И я пополз дальше. Вскоре согрелся. Только странно получалось: по моим подсчетам, остановка должна была быть где-то здесь, а ее все не было. И болотце-то давно должно было закончиться. Это что же, неужто и вправду заблудился? Я не на шутку встревожился. Мысли о том, что меня найдут и положат на кровать у Наташиных ног, уже не приходили в голову. И если совсем недавно я старался ползти покрасивее, словно у нее на глазах, теперь карабкался, как жалкая собачонка.

«Не хватало и вправду тут околеть...» — подумал я чуть не в отчаянии. В памяти всплыл рассказ: там какого-то мужика задуло снегом, но он остался жив. «А если меня не занесет снегом? Но если и занесет, кому придет в голову искать в этом проклятом болоте?»

Наступил момент, когда я совсем потерял надежду выбраться и, ткнувшись головой в окоченевшие руки, заплакал в обиду на все человечество. Замерзнуть, умереть — казалось такой несправедливостью, когда все так любили меня: дома мама и бабушка — за то, что я их сын и внук, на работе — что безотказный, в студии — за талант. Одна Наташа не любила меня, но неужели из-за этого умирать?

Наплакавшись досыта, я вздохнул с каким-то странным облегчением.словно кто склонился надо мной в ту минуту и нечаянно пролил в сердце отраду. И тут один давний, казалось, забытый случай всплыл в моей памяти. Это было в году

шестьдесят втором или шестьдесят третьем. Я учился в третьем или в четвертом классе. Начальная школа находилась тогда в здании недавно расформированного детского дома. В те годы мы носили гимназическую форму: китель, перетянутый ремнем с медной бляшкой, такого же цвета брюки и фуражку. Все, как у военных, которыми мы все как один бредили. И время тогда было особенное. По телевизору почти каждый день в новостях показывали Гагарина. Я с восторгом следил за его победоносным шествием по всему свету. Толпы людей с цветами встречали космического героя. Он ехал, стоя в лимузине, с ослепительной улыбкой на лице. О том, что никакого Бога в космосе нет, я, как и все, узнал от него же, от Гагарина, и под руководством учителей и пионервожатых активно боролся с пережитками прошлого, не сомневаясь, что лет через двадцать, а то и раньше, наконец, настанет окончательное счастье на всей планете — коммунизм. Для его скорейшего приближения мы и устраивали антирелигиозные концерты, разыгрывая смешные сценки из церковной жизни. Никому даже в голову не приходило, что на них никогда не было ни одного верующего. Но что нам до того? Борьба шла широким фронтом по всей стране, и если не в каждом доме (все же это были не тридцатые годы), то во многих. У себя дома, например, я, как последовательный ленинец, активно боролся с бабушкиным «мракобесием». Родители в это дело не вступали, улыбались, конечно, но и не возражали, когда я уговаривал бабушку раз и навсегда избавиться от «тьмы невежества», то есть бросить в печь икону (всего-то одна у нее и была), но бабушка отвечала одно и то же: «Отступись». И всякий раз, провожая меня в школу, поспешно крестила, сложив в щепоть свои заскорузлые пальцы. Я качал головой: «Вот темнота!» И шел «просвещаться» дальше. И вот однажды учительница принесла в класс икону. Теперь не помню, кто был на ней изображен. Учительница же сказала:

— Ребята, верующие считают, что это Бог, что Он все видит, все слышит, все может и даже за плохие поступки наказывает. Давайте проверим, действительно ли это так? Давайте все по очереди плюнем на эту икону и посмотрим, накажет ли нас Бог. Не бойтесь, подходите, вставайте в очередь. Смотрите! — И она плюнула на икону. — Видите? Жива? Ничего мне не сделалось?.. Ну, а теперь давайте вы.

И все по очереди стали подходить и плевать на икону, радуясь при этом, что ничего им за это не было. Впереди меня, в очереди, стояла девочка Надя, про которую шепотом говорили, что «она того» — из верующей семьи, хотя по ее поведению это было незаметно. Обыкновенная веселая девочка. А

уж возьмется спорить, всех переспорит. А как со скакалкой прыгала! А сколько стихотворений наизусть знала! Должно быть, ради нее и устроили этот спектакль. Когда подошла ее очередь и Надя не стала плевать, учительница спросила:

— Ну что же ты, Надя? Не бойся. Плюнь — и увидишь, что никакого Бога нет, а что это — простая доска.

Ответ поразил даже учительницу:

— Ежели Бога нет, зачем я буду, как дура какая-то, плевать на простую доску?

«А действительно, зачем?» — подумал я. И тоже отказался плевать, и все остальные. Кому же хочется быть дураком?

Оправившись от смущения, учительница что-то быстро и нервно принялась нам объяснять. И говорила очень долго. Но мы уже не слушали ее и, разделившись на «плевавших» и «не плевавших», то есть на дураков и умных, из самодельных трубочек яростно плевали друг в друга пульками из жеваных промокашек...

После этого случая я уже не задибал бабушку. Только снисходительно улыбался, когда она по своей привычке крестила меня на дорожку. Перекрестила она меня и сегодня, сказав свое обычное: «Ну, ступай с Богом...»

Я встряхнулся. Показалось, что засыпаю. «Если клонит в сон, значит, замерзаешь». Я покачал головой, чтобы отогнать сон. Поднять уже не было сил, такая вдруг тяжелая сделалась моя голова.

«Если Ты есть — помоги», — первый раз в своей жизни прошептал я.

Что-то уже опять начало грезиться мне, когда до слуха донесся прерываемый ветром шум мотора. Очнувшись от радости, я поднял голову — и увидел размытый слезами свет фар. Господи, неужели автобус? Но почему, почему совсем в другой стороне?

И тут я увидел слева от себя выхваченную из темноты светом фар дорогу. Ну, надо же, я полз в нескольких метрах от нее, совсем не замечая!

Выбравшись на трассу, я все не мог поверить, что стою на твердой почве. Колени дрожали, распухшие ступни покалывало. О руках вообще молчу.

Автобус приближался. Заметит, нет? А если заметит, остановится или пролетит мимо? Похоже, я стоял не на остановке. Она была где-то там, впереди, может быть, метрах в ста от меня. Бежать? Но я и так еле стою! И я стал махать руками.

Автобус сбавил ход, остановился. Распахнувшиеся задние двери, казалось, отворили мне путь в сказку. Я поднялся в практически пустой салон, автобус тронулся.

В тепле я совсем раскис. Вода текла с меня ручьями, руки, лицо, колени горели. Устроившись на заднем сиденье, над двигателем, я усталю закрыл глаза.

«Господи, хорошо-то как!..»

Но тут я вспомнил, что у меня нет денег на билет. Блаженство как рукой сняло. Сразу стало неловко. Автобус, покачиваясь на неровностях, ехал. Кондуктор, пожилая, полная женщина, время от времени поглядывая в мою сторону, зевала. Беспокойство мое росло. Я старался не глядеть на нее и каждую минуту ждал рокового вопроса. Но она молчала. Ожидание становилось невыносимым. Когда же я нечаянно поднял глаза, мы встретились взглядами. Сердце мое дрогнуло и застучало.

«Уж лучше бы умереть!» — подумал я в сердцах.

Но, чего я никак не ожидал, кондуктор кивнула мне головой и спросила:

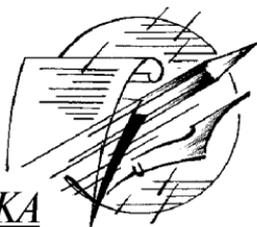
— Что, сынок, сильно замерз?

Да с таким участием в голосе, что у меня зашипало в носу. «Господи, какие же люди хорошие, а я!..» И, чувствуя, что сейчас заплачу, я торопливо кивнул и отвернулся к окну.

ВЛАСТЬ И ДЕТИ

В России повально закрываются детские дома. В Краснодарском крае закрылись 20 детских домов и приютов, в Нижегородской области за последнее время исчезли 16, в Калужской области было 20, сейчас осталось два, в Саратове теперь вообще только один. Детские дома ликвидируются повсюду от Москвы до Сахалина: с 2011 года закрылись уже около 120 учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей. Причем 60 только за один год! Означает ли это, что страна решила проблему с сиротами?

Статистика равнодушно свидетельствует: ничего подобного — у нас 654 тысячи детей, от которых отказались родители или у которых их нет. Но дело в том, что чиновникам законодательно было указано это количество сократить. Энергично. Сначала этого требовала «Национальная стратегия действий в интересах детей до 2017 года». А теперь количество детей-сирот в регионе — один из показателей, по которым измеряется эффективность работы губернаторов. Этот закон вышел день в день с «законом Димы Яковлева» и вступил в силу в 2013 году. Вообще «закон Димы Яков-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лева» внезапным образом заставил власть задуматься о сиротах. Если мы другим не даем усыновлять, то у нас самих должно быть рекордное усыновление. Закон стал катализатором создания проекта реформы детских домов. На волне конъюнктуры появилось фантастическое произведение «Россия без сирот», рожденное усилиями детского омбудсмена Павла Астахова, но не прошедшее через Минфин.

В конце мая глава правительства подписал документ со скучным названием «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», который вступит в действие с 1 сентября 2015 года. Упор делается на то, чтобы условия в детских домах приближались к семейным (в группе не больше 8 человек).

Чем плохи большие детские дома — на 100—300 человек? Дело в том, что они больше похожи на конвейер по выпуску не приспособленных к жизни людей. Сто детей с трагедией в душе, собранные в одном месте, — это как общежитие 100 взрослых невротиков. Больше 30 процентов выпускников не доживают до 25 лет. Они спиваются, становятся наркоманами, кончают с собой. Человек в детдоме не умеет воспринимать себя индивидуально — он всегда был частью коллектива и жил по распорядку. Его никогда не спрашивали, что хочет именно он. Такие дети не способны принимать решения, не способны бороться с трудностями, не способны даже сами себе готовить, стирать, не знают, сколько стоит хлеб и как ездить в общественном транспорте. В детском доме это все делалось за них. «Ребенок жил в ситуации, когда его кормят не тогда, когда он хочет есть, а когда обед, и в туалет он ходил не когда ему надо, а когда всех сажают на горшок, — говорит Елена Альшанская, директор фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам». — К нему не было индивидуального отношения. Взрослые рядом с ним менялись, привязанности у него ни к кому не возникло. Ощущения себя, личных качеств, желаний у него тоже нет. Они дети коллектива. Вещи, которые для нас кажутся естественными, само собой разумеющимися, даются им с огромным трудом. Они живут в другой системе координат».

В маленьких детских домах, похожих на семью, ребенок абсолютно иной. Ему легче помочь, он больше знает и умеет — ему, лично ему достается и тепло и забота, у него даже взгляд другой. У него гораздо больше шансов вписаться в общество и прожить нормальную жизнь.

Однако губернаторам нужно доказывать свою эффективность. Как сократить число детей-сирот? Семейное устройство — это тонкий, ювелирный процесс. И, главное, долгий.

Проще и быстрее сократить число детских домов. Указать цифру в отчете и выглядеть молодцом. Так под ликвидацию попали маленькие семейные детские дома, где воспитанники часто называли директора «мама» и чувствовали себя как дома. Детей просто вырывают из этих детских домов и отправляют в большие.

В детском доме в Реутове было 19 детей. 82 процента всех детей, проживающих в детских домах, — не сироты в прямом понимании. Это дети, у которых есть родители и родственники. Просто они не могут их воспитывать по разным причинам. Детей в Реутовском детском доме навещали родственники — дедушки, бабушки, они дружили с местными ребятами из обычных семей. Ходили в обычную школу. Детский дом был признан образцовым — работал по семейному типу. Дети относились к воспитателям, как к родителям. Внезапно было принято решение его закрыть, а детей направить в другое место — в большой детский дом. На защиту детского дома кинулась организация «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

«Мы связались с Министерством образования Московской области, — говорит Елена Альшанская. — Объяснили, почему это нецелесообразно — что все дети местные, что все общаются с родственниками. Это разрушит эти отношения». В конце концов тогдашний министр образования Московской области Лидия Антонова выступила официально: детский дом не будут закрывать, это все слухи, на этот детский дом большие планы — его сохраняют, и на его базе создадут центр по сопровождению кризисных семей. В этом министр письменно заверила волонтеров. Тем не менее в детский дом приходили незнакомые люди, замеряли территорию. Летом, когда большая часть волонтеров была в отпусках, внезапно приехал автобус. Детей собрали в актовом зале и сообщили, что их прямо сейчас увозят в другой детский дом. Никто из персонала не был предупрежден. У многих детей случилась истерика. Кто-то кинулся бежать. Многие пытались сбежать во время погрузки в автобус. Две девочки нашлись только на следующий день. У одной был нервный срыв. И в новом детском доме это пытались решить просто — поместить ее в психиатрическую лечебницу в качестве карательной меры. Вещи детей перевезли в новый детский дом и сложили на складе. Дети ходили смотреть на них в окна.

Перед закрытием трое детей, причем двое из них не ладили друг с другом, были отданы под опеку женщине, которую дети практически не знали. Это было сделано, чтобы уменьшить

количество детей в детском доме и чтобы его закрытие выглядело более обоснованно. Опекунша получила за это трехкомнатную квартиру. По словам волонтеров, всех троих детей она поселила в одну комнату. Одного ребенка потом вернула.

В Москве за последнее время было закрыто пять детских домов, в области столько же. Уточним, свою роль тут сыграла борьба за здания. В Москве все подобные учреждения передали из Министерства образования в Департамент соцзащиты. Но, например, из 15 домов ребенка соцзащите досталось только 10. Пять остальных закрыли — детей распихали по другим домам. А здания остались за Министерством образования. Сейчас в Московской области закрываются Берсеневский детский дом, коррекционный дом в Бужаниново. Там директора поставили перед фактом, и она в срочном порядке начала раздавать детей. В ликвидируемом детском доме во Фряново двоих мальчиков почему-то отправили опекунам на Крайний Север. Кроме того, здесь воспитателям предложили забрать детей себе. Они все равно потеряют работу — поселок маленький, новую работу найти сложно. А если оформляется приемная семья — зарплата приемного родителя около 10 тысяч плюс еще деньги будут выделяться на каждого ребенка. Все-таки заработок. Это не единственный случай — в Нижнем Новгороде воспитатели также брали детей к себе. Практически переносили свою работу домой. Директора этих детских домов отказываются говорить. Это обычное дело — им обещали новое хорошее место, чтобы они хранили молчание.

Закрывают детские дома, в которых существует сложно разработанная, опробованная система устройства детей в семьи. Казалось бы, именно туда и нужно направлять новых детей, чтобы их устраивали в семьи, но всё просто ликвидируют. Надо понимать, что подобных специалистов по семейному устройству нигде не готовят, люди приобретают опыт в процессе работы и потом... их увольняют. В городе Любим в Ярославской области закрывают детский дом, в котором существовала уникальная система патриотического воспитания. Мальчики-подростки, самый сложный контингент, были при деле — занимались физподготовкой, рукопашным боем. Над кроватями мальчишек — грамоты за победы в соревнованиях разных уровней.

Конечно, если закрыть глаза на чувства и судьбы детей, содержать детский дом, в котором 10 детей, нерентабельно. Рассчитан на 30, а осталось 10, рассуждает экономически подкованный губернатор, воспитателей уйма, зарплату им всем плати. Закрыть. Но дело в том, что часто количество

детей в таких домах сокращается искусственно. Власти выбирают детский дом, который собираются закрыть, и перестают направлять туда отказных детей — они попадают в крупные дома. Часть детей выпускается — количество детей уменьшается, и дом, в котором дети могли бы воспитываться как в семье, закрывается.

В Калужской области закрыли 13 детских домов. По плану должно остаться два. Особенно трагичная история детского дома № 3 в Калуге. 29 детей после первой четверти вырвали из привычной среды, из школы, где они учились, и перевели в область — в детский дом, где сейчас 100 человек. Восемилетний Сережа так боялся переезда, что несколько раз прятал свои вещи. Надеялся, что, если не будет чемодана, то, может, и переезда тоже. В детском доме был свой садик, в котором дети работали сами, в кладовой — полки заготовок на зиму. Там действовали программы подготовки детей к самостоятельной жизни, на каникулы дети ездили каждое лето в Италию. Поддерживался контакт с приемными семьями, которые брали здесь детей. Детям из детских домов сложно учиться, поэтому сюда специально приезжали репетиторы-волонтеры, занимались с ребятами, помогали им. Ребята делали успехи. Считали этот детский дом действительно своим домом. Когда стало известно о закрытии, старшие воспитанники пытались бороться: сначала пошли к министру Калужской области по делам семьи — там получили отказ, потом к областному уполномоченному по правам ребенка, потом к губернатору, потом ездили в Москву в Общественную палату, пытались пройти к Павлу Астахову. Ни один чиновник не пожелал слушать, почему так важно сохранить маленький детский дом. Никто не захотел вникнуть, чего на самом деле хотят дети, ради которых все это с самого начала вроде как и было затеяно! Дети, которые и так уже сильно травмированы, прошли через боль расставания с родным и привычным еще раз. На фоне стресса им очень сложно адаптироваться в новом месте, трудно учиться, поэтому многие нормальные здоровые дети, попадая в новый детский дом, получают коррекционный диагноз. А здесь ребята посередине учебы были переброшены из одной школы в другую. Пятеро человек в новом детском доме получили диагноз и были отправлены в коррекционную школу — для детей с задержкой психического развития. И среди них есть уже взрослые люди — восьмиклассники. До перевода они считались нормальными, теперь их путь в коррекционную школу, после которой берут только в несколько особых

училищ. Это клеймо навсегда. Некоторые дети рассказы-
вают — им снятся сны, что они возвращаются назад.

Многие большие детские дома имеют при себе коррекци-
онные школы (как детский дом, в который перевели калуж-
ских детей). И им выгодно иметь большее количество подоб-
ных детей у себя в школе, так как там идет душевая оплата
труда учителей.

В Саратове остался один-единственный детский дом № 2.
Павел Астахов заявил, что ликвидация последнего детского
дома в Саратове — часть программы по переводу детей на
семейное воспитание. Однако 27 детей из этого детского дома
будут отправлены не в семьи, а в детские дома в Саратовской
области — за 220 километров, в которых по 70 и 100 человек.
Они потеряют возможность общаться с родственниками, и,
что самое страшное, дети с инвалидностью не смогут полу-
чать квалифицированную медицинскую помощь. Саратов-
ский детский дом — идеальный с точки зрения новой рефор-
мы. Почти все воспитанники зовут директора Галину Ефи-
мову «мама». Группы здесь так и называют — семьями. В
каждой семье живут дети разных возрастов под присмотром
воспитателей. Старшие учатся ухаживать за младшими. Это
значит, что у них формируется чувство ответственности, при-
вязанности — этого не происходит в больших детских домах.
В доме действует школа приемных родителей и служба со-
провождения приемных семей. Такие службы необходимы.
Представитель комитета Совета Федерации по социальной
политике Валентина Петренко сообщила, что из 6,5 тысячи
усыновленных детей в 2012 году 4,5 тысячи были возвраще-
ны назад в детские дома. Эксперты считают, что эти цифры
завышены. И тем не менее возвраты есть, и за каждым —
судьбы ребенка и взрослых. Часто приемные родители про-
сто не могут справиться с возникающими проблемами, и не-
обходимы службы, которые бы им помогли. Служба сопро-
вождения в Саратовском детском доме ведет 51 семью. Кто
будет этим заниматься, если детский дом закроют?

В детском доме есть дети, которых уже перевели из зак-
рывшегося детского дома, — их 12. Они очень тяжело при-
выкали к новым условиям, семь детей вернули из приемных
семей. Теперь их ждет очередное потрясение.

После того, как директор начала протестовать, подклю-
чилась общественность, были митинги, на Галину Ефимову
началась травля. Ей угрожали даже уголовным преследова-
нием за то, что она якобы разгласила диагнозы воспитанни-
ков. Она же просто поделилась опасениями, что носителям
ВИЧ и страдающим сахарным диабетом сложно будет найти

медицинскую помощь в области. Сейчас после митингов закрытие детского дома заморожено. Но чиновники пошли по стандартной схеме — они искусственно сокращают количество детей, новых сирот из Саратова отправляют в область.

Детей к переезду в новые детские дома, естественно, никто не готовит. С ними не работают психологи, чтобы сгладить очередную травму, их просто как неодушевленные предметы перетаскивают из одного места в другое, а на бумаге вырисовывается цифра, рейтинг региона растет. И по показателям впереди всей страны — Пермский край. Его руководители добились похвалы Астахова, эту область ставят в пример всем остальным. Здесь усыновляется 94 процента детей. Было более 60 детских домов разного вида, осталось около 10. Вот где самое сильное желание продемонстрировать внушительные цифры по борьбе с социальным сиротством. Ликвидация детских домов началась здесь в 2006 году — когда только повеял ветер перемен. Многие дети действительно обрели счастье в семье. Но и нарушения прав детей были вопиющими: родных братьев и сестер разлучали друг с другом, растаскивая их в оставшиеся детские дома, городских сирот отправляли в далекие деревни, многие сбегали по дороге. В районные органы опеки Минздравсоцразвития спускало план по количеству детей, которых нужно срочно устроить в семьи. В итоге сироты попадали в неблагополучные семьи, к алкоголикам, безработным, которые брали их только ради денег. В Карагайском районе ребенок был передан на патронатное воспитание женщине, страдающей алкогольной зависимостью, состоящей на учете в наркологическом диспансере. В Березниках ребенка доверили инвалиду II группы, за которым нужен еще больший уход, чем за детьми. Начались массовые возвраты детдомовцев. Многие дети были так травмированы, что их отправляли в психиатрические клиники.

Вся эта бессердечная ликвидация противоречит национальной стратегии развития — везде говорится о разукрупнении. Абсурдно то, что чиновники не получали на это никаких письменных указаний, но все как один уловили желания руководства и принялись за дело. В майском постановлении за подписью Дмитрия Медведева о реформировании детских домов прямо говорится, что в детских домах должны быть созданы группы семейного типа, в которых может быть не больше восьми человек. Каким образом это будет осуществлено в детских домах на сто человек — не совсем понятно. Специальное исследование экспертного совета Госдумы по вопросам семьи и детства показывает, что в 27 процентах всех видов учреждений невозможно создать условия, приближен-

ные к семейным. Сложно это сделать еще в 40 процентах детских учреждений. Во многих странах существует ограничение на количество детей в детских домах. Например, в Польше — не больше 30. У нас при работе над реформой хотели ввести ограничение — 60 детей. Но из регионов пошли сигналы: это невозможно. Естественно, там уже слили детские дома. Сделали из маленьких крупные. Так Россия осталась без ограничения.

Наша страна не первая, которая задалась благой целью найти всем детям семью. Италия пытается это сделать с 2001 года, но никак почему-то не выходит. Румыния и Венгрия, раздав большое количество детей по семьям, столкнулись с огромной волной возвратов.

Но что чужой опыт! Семейное устройство — сейчас приоритет. И это прекрасная цель, но... Задача непростая — нужно в срочном порядке раздать больше сотни тысяч детей. Среди них инвалиды, ВИЧ-инфицированные, с синдромом Дауна. И данные ВЦИОМа показывают, что 85 процентов наших граждан не хотят брать детей из детских домов!

Власть так озаботилась семейным вопросом не только потому, что у нее душа разболелась за детей. Содержание ребенка в детском доме — это очень и очень дорого. От 300 тысяч до 1 млн. рублей в год! При этом из детского дома — не всегда, естественно, но часто — выходит не счастливый, готовый служить родине отличник, а психически сломанный и, как правило, плохо образованный человек, который хорошо знаком с наркотиками и склонен к суициду. Опекун же будет получать только 7—15 тысяч рублей на ребенка в месяц. Конечно, если очень постараться, можно всех детей раздать. Но! Их неизбежно начнут возвращать обратно в детские дома. Невозможно себе представить, какую боль испытывает ребенок, когда опять из семьи попадает в детский дом. Известно, что, если у ребенка 4 раза разрывается привязанность, она больше не возникает никогда!

Конечно, нигде ребенку не будет так хорошо, как в семье. Но эту семью нужно правильно подобрать. У подавляющего большинства детей в детских домах есть родственники. Кроме того, есть дети, которых в принципе невозможно устроить в новую семью, они ждут, когда вернуться в свою родную. Огромное количество детей в детских домах помещены туда временно — по заявлению родителей «в связи с трудными жизненными обстоятельствами», особенно инвалиды, так как родители дома просто не могут оказать им должный уход. Они забирают их на выходные, чаще на каникулы. Меньше по-

ловины детей в детских домах действительно нуждаются в приемной семье, считает Елена Альшанская. Найти подходящую для конкретного ребенка семью — сложная психологическая работа. Кроме того, после того, как ребенка уже забрали в семью, с ней должны работать специалисты сопровождения, чтобы избежать возврата. И это сопровождение должно вестись до 18 лет. Ведь часто приемные родители, даже взяв маленького ребенка, возвращают его в детский дом в подростковом возрасте, когда он становится невыносим. И самое главное — необходима профилактика отказов от детей. Например, в Калужской области этим занимаются волонтеры: они выезжают в родильные дома, и им удается предотвратить половину отказов. Как правило, это матери-одиночки.

Еще одна опасность: органы опеки, чтобы не портить статистику региона по количеству социальных сирот, не лишают родителей прав, а просто ограничивают в правах. Например, есть семья алкоголиков. По идее, опека должна с этой семьей работать и пытаться вернуть ее к нормальной жизни. Но на это нет ни времени, ни денег. Ребенка временно помещают в приют, потом отдают обратно, потом опять помещают в приют, потом опять обратно, пока родители окончательно не деградируют. «Мы не изымаем мотиватора (то есть ребенка. — «О») для возвращения к нормальной жизни», — гордо заявляют органы опеки. Это очень опасно. В Пермском крае, например, в одной из семей родители просто убили своего двухлетнего ребенка, в другой мать избивала дочь так, что та впала в кому.

Сейчас судорожно создается сложная система, которая позволила бы не только устроить ребенка в семью, но сделать это грамотно. Парадокс в том, что подобная система существовала. Комплексная, продуманная, детальная, эффективно действующая в 43 регионах система патронатного воспитания. Она была создана одним из директоров детского дома, удачный опыт распространился по стране. Система бережно разрабатывалась и опробовалась с 1994 года. Работали над профилактикой сиротства, с кровными семьями, чтобы вернуть детей в родную семью; ребенок, попадая в детский дом, немедленно получал психологическую помощь; семья подбиралась очень внимательно, так, чтобы и ребенок подходил семье, и семья ребенку, приемные семьи сопровождали специалисты — они помогали при любой психологической проблеме, более того, для родителей оформлялись все бумаги, ребенку подыскивалась школа и медицинские учреждения — и это до исполнения ребенку

23 лет, существовала система помощи выпускникам детских домов. Подобные организации устраивали до 95 процентов детей в семьи, и потом детские дома, на базе которых они существовали, превращались в центры семейного устройства. Это была комплексная модель, которая позволяла помочь ребенку в любой ситуации. Воедино сводились и вопросы профилактики, и устройство семьи и защиты прав. Это было выгодно и в экономическом плане, так как все это существовало под одной крышей — организации не дублировались, как это происходит сейчас. В 2008 году это все было жестоко ликвидировано. Вышел федеральный закон «Об опеке и попечительстве». Патронатные службы больше не имели права заниматься ребенком (выявлять нуждающихся в опеке детей, помогать опекунам и так далее) — это могли делать только органы опеки. Высокотехнологичные специалисты, единственные в своем роде, которых в принципе нигде не готовят, остались за бортом.

Теперь разные организации действуют, не зная, что происходит рядом. Новое постановление о реформировании детских домов вобрало в себя разные куски этой разрушенной системы. Но комплексного подхода так и не получилось.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

БЕЖАВШИЕ ИЗ АДА

— А землю есть будешь? — нагло гогоча, спросил один из обступивших ее дочь солдат украинской армии.

— Да я дерьмо есть буду! — крикнула она с надрывом. — Только отпустите!

Это их рассмешило, привело в благодушное настроение, и они — отпустили. Какое счастье, думала она, ведя дочку за руку, что посмотрела в окно, когда услышала скрип и визг тормозов. И сердце ее ёкнуло: несколько машин окружили Лизу, возвращавшуюся из техникума домой, и оттуда высыпали вооруженные военные, стали хватать девушку за руки, тащить в машину...

Она понеслась туда что было духу, подлетела к дочке, взмолилась: отпустите! Тогда-то и услышала «А землю есть будешь?»

Лиза уже давно не ходила в техникум одна: Надежда провожала дочку туда и встречала ее после занятий. А в тот день их отпустили раньше, и девочка, не дозвонившись домой, пошла сама...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Вообще-то в их мирной Амвросиевке в мае-июне боев не было, хотя тревога с каждым днем нарастала. По улице бродили невесты какие военные с оружием, по ночам слышались крики, выстрелы, пропадали бесследно люди. Но ополченцев в городке не было, с кем воевали армейцы, непонятно. Тем временем в Амвросиевке появились танки, они утюжили тихие некогда улочки и наводили страх на местных жителей.

С этого времени особенно пристально наблюдал за тамошней ситуацией житель одного из липецких сел, молодой человек Денис Рогожников. В соцсети познакомился он с 17-летней Лизой Дмитриевой из Амвросиевки, которая и писала Денису о том, что у них там происходит.

А когда в ночь с 14 на 15 июня украинская армия обстреляла городок, в том числе и из установок залпового огня «Град», Денис места себе не находил: жалко было и девчонку, и ее семью.

В ту ночь в Амвросиевке были разрушены дома, погибли люди. И мама Лизы — Надежда Дмитриева — приняла бесповоротное решение: бежать в Россию.

— Мы пережили ад, — рассказывает она устало. — Я бежала от страха потерять детей, внука. Мало того, что мы и прежде боялись выйти на улицу, мало того, что в городе стало нечего есть, даже хлеба не было в магазинах. Так тут еще ночью этот обстрел, когда в наш дом попал снаряд — и не взорвался... Конечно, мы тотчас выбежали, прихватив только документы...

А на улице люди потоком неслись к российской границе — кто пешком, кто на костылях, кто с детскими колясками, а кто просто держа детей на руках. Ведь снаряды разрушили дома, рвались в огородах местных жителей и на рыночной площади.

К счастью, до российской границы от Амвросиевки всего несколько километров, и дорога жизни была — на Ростов. Однако украинские пограничники выпускали только жителей приграничной зоны — и Надежда Ивановна благословила в Россию дочь Лизу.

А сама со снохой, прописанной в Донецке (ее и перевезли с малышом в тихую Амвросиевку потому, что дом их в Донецке был около аэропорта), и грудным внучком отправилась к другому КПП, в Успенке.

Там хоть и с великими трудами им удалось прорваться за кордон, и через несколько часов они встретились с Лизой на российской территории.

Сын Надежды Ивановны уже давно на заработках в Черногории: на Украине работы не стало ни у нее самой (она

трудилась на цементном заводе), ни у молодого человека. «Я оставляю тебе самое дорогое, что у меня есть, — жену и сына», — сказал он ей на прощание. И она самоотверженно бросила их, даже дочь отправила одну за границу, чтобы не оставлять сноху с малышом.

— Вы не представляете, как люди рвутся в Россию! Тысячи стоят в очереди на КПП, — рассказывает она. — Бывает, кладут в карманы детей записки, кто они и откуда, и переправляют их через границу одних: лишь бы спасти...

На Украине я плакала от страха и горя, а едва ступила на российскую землю, заплакала от счастья. Я так благодарна маме России, всем русским людям, которые везде нам помогали — подвозили бесплатно, давали ночлег, подкармливали.

А Рогожниковы теперь и вовсе для нас родные, всю жизнь будем им признательны. Ведь именно Денис, которого мы, по сути, и не знали, первым ринулся в неведомый ему Таганрог, куда мы добрались, перейдя границу. Там нас устроили на ночлег тоже к незнакомым людям, предоставили нам компьютер, откуда дочь и вышла на Дениса, объяснив ему, где мы и в каком положении. А утром он уже приехал за нами на своем автомобиле и привез нас к себе в Липецкую область.

Он и его родители договорились насчет жилья для нас, смогли устроиться, набили холодильник едой, одели-обули, обеспечили малыша смесями, памперсами, игрушками... Но нельзя же пользоваться их добротой бесконечно. Надо обрести более-менее стабильное жилье и выйти на работу, чтобы содержать семью...

Самым беспечным в семье бежавших от обстрелов был Назарка: ему всего семь месяцев, и он только улыбался окружающим, не понимая, какой смертельной опасности подвергался на родине. Надежда Ивановна, его 48-летняя бабушка, уверена, что спасла дочь, сноху и внука от гибели.

— Всё возможное для беженцев делаем, — сказал заместитель начальника областного управления труда и занятости Александр Силин. — Работаем во взаимодействии со всеми структурами, занятыми проблемами беженцев: социальными органами, МЧС, УМС, здравоохранением. Подключены руководители муниципальных образований. Размещаем беженцев не только в Липецке, но и в районах области. Основная задача этих людей — оформить документы для предоставления временного убежища. Со своей стороны мы помогаем с трудоустройством. И Надежде Дмитриевой вакансии уже подобраны...

Пока мы навещали семейство, приехал врач из поликлиники: взрослые нуждаются в лечении от простуды и стресса. После обеда малыша должен был осмотреть педиатр.

Пока дочку и сноху осматривал доктор, Надежда Ивановна дала себе слабину, заплакала.

— Страшно и больно вспоминать, — призналась она — о том, что мы оставили в своей Амвросиевке. Там вся жизнь, родные места, куда мы уже никогда не вернемся. И нам стыдно, что мы украинцы, представляете?! Стыдно писать в документах, стыдно даже между собой говорить по-украински. Да мы все в одну ночь там стали русскими...

Так говорила эта женщина, а я гордилась своим народом. Совсем небогатые наши русские люди принимают украинских беженцев как родных, делятся с ними кровом и хлебом, поддерживают словом и делом...

— Мы тут с дочкой гуляли вечером, — рассказывает Надежда Ивановна, — и какая же вокруг благодать! Тихо, спокойно. И сама дорожка привела нас в храм. И мы подумали, что это не случайно: значит, сам Господь нас бережёт. И значит, всё у нас тут, в России, будет хорошо...

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

— Мы посылаем на пули, на штык, на виселицу. Идёшь?

— Иду.

— Мы посылаем сотни, возвращаются единицы. Идёшь?

— Иду.

— А если страшно будет?

Тут Зинаида Георгиевна замолкает, вспоминая, о чем она думала тогда, в 1941-м, прежде чем ответить на этот вопрос.

Нет, она не забыла, что сказала тогда, не может забыть. Она вообще помнит прошлое до мельчайших подробностей, несмотря на почтенный возраст: без малого 98 лет. Но она прекрасно выглядит, по-учительски строго одевается, выразительно, грамотно говорит. Не спеша ниже слово за словом, и предстает перед нами необычная даже для старшего поколения судьба...

«Родилась я 21 сентября 1916 года в воловском селе Гатище нынешней Липецкой области, в исключительно честной, добросовестной, трудовой крестьянской семье, — рассказывает Зинаида Георгиевна. — Нас, детей, у мамы с папой было пятеро, а потом семья значительно выросла. Двое папиных братьев погибли в Гражданскую войну. У одного из них было четверо ребятишек, и мы сразу забрали их к себе. У другого — одна дочка, Маруся. Его вдова вторично вышла замуж и уехала,

отдав девочку нам. Нет, она ее не бросила, просто обстоятельства были такие. Её мужа направили работать в шахтерский городок Макеевку. И они долго жили в бараке на несколько семей, в углу за ситцевыми занавесками. Куда было везти девочку? И Маруся тоже выросла у нас.

Как в голод и холод мои родители сумели поднять десятых ребят? Наверное, большими трудами, любовью и уважительным отношением друг к другу и к нам, детям. Помню печку в доме, стол, на столе хлеб. А мы сидим и терпеливо ждем, пока папа режет его на маленькие кусочки. Никакого шума, суеты, почти священнодействие, ритуал. Потом отец по очереди всех наделяет: сначала младших, потом старших, последние кусочки — себе.

Все дети выросли, выучились, все стали порядочными трудолюбивыми людьми. Я получила педагогическое образование, вела в школе русский язык и литературу. А 22 июня 41-го отправилась в город Ливны на примерку: там я шила себе наряд к отпуску у знакомой портнихи. Но вместо отпуска случилась война...»

Первая оккупация Воловского района продолжалась всего восемь дней: с 29 ноября по 6 декабря 1941 года. Но это были страшные дни, вспоминает Зинаида Георгиевна. Именно тогда вызрело в ней решение самолично принять участие в освобождении родной земли от фашистской нечисти. Поэтому, когда весной 42-го ее вызвали в райком партии и спросили, согласна ли она стать разведчицей, девушка нисколько не колебалась. Конечно же, согласна, ликовала она.

«Но это были чувства, эмоции, — вспоминает Зинаида Георгиевна сегодня. — А истинность намерений и пригодность к такой работе проверяли в Старом Осколе на специальной комиссии. Когда я входила в подъезд, оттуда выбежала — вся в слезах — девушка, и я поняла, что ее НЕ ВЗЯЛИ! Представляете, какое было время: отказ в приеме на смертельно опасную работу воспринимался как позор, как недоверие! Я даже представить себе не могла, что со мной будет, если и меня «забракуют». Тогда-то и задали мне этот вопрос: страшно ли в тылу врага?

Скажу «не страшно», не поверят. Скажу «страшно», что дальше? И я ответила: «Будет страшно. Но надо иметь силу воли, чтобы преодолеть страх и делать что надо». Меня взяли. А это «делать что надо» стало моим девизом на всю жизнь...

— Конечно, было страшно, — признаётся Зинаида Георгиевна. — Когда после специальной подготовки я впервые оказалась на оккупированной немцами территории, то буквально оцепенела, увидев вдалеке фашистского солдата, стоявшего

го на посту. Но сообразила, что он меня тоже заметил. И нужно идти вперед полевой дорогой в село, куда я и направлялась. А ноги отказывались меня нести, ни шагу не могли сделать. Раззум взывает: иди или придумай что-нибудь, иначе погибнешь ни за что. И я стала... собирать цветы у обочины.

Рву себе букетик, словно нет для меня на свете ничего важнее. Мало-помалу преодолела в себе страх и пошла дальше. С помощью школьного немецкого попыталась объяснить, что иду к тете, назвала село, имя «родственницы» — и меня отпустили.

А знаете, какая сильная разрядка наступает после прилива страха? Меня просто заколотило, едва немцы остались за спиной. Как я не сорвалась, не побежала, не знаю. Видимо, сила воли всё-таки возобладала над страхом. Зато как я заревела, как взвилась, когда уже никто не мог меня видеть! Но справилась и с этим. Постепенно научилась владеть собой в самых опасных и непредвиденных ситуациях».

Как переправляли за линию фронта? Чем занимались девушки в разведке? Какие всё-таки бывали особо опасные случаи? Об этом написано много книг, снята уйма фильмов. И вот сидит передо мной аккуратная чуть ли не столетняя старушка и тихим голосом рассказывает о страшном, словно уже нереальном времени, когда она была совсем молодой девушкой и, замаскированная под деревенскую дурнушку-простушку, ежечасно, ежеминутно рискуя собой, добывала разведданные.

«Переправляли нас по-разному. К примеру, перед наступлением немцев мы прятались в укрытие на территории, которая вот-вот будет ими занята. Так мы оказывались на оккупированной земле и начинали работать: подсчитывали, сколько и каких автомобилей у немцев, какое у них оружие, где и как хранится, какова численность живой силы, как они рассредоточены и к чему готовятся. Мы наблюдали за передвижением войск, отмечали их характер. Все эти данные передавали связным. Останавливались в заранее оговоренных квартирах, у подготовленных для этой работы хозяев. Выспрашивали у людей, подсматривали, устраивают ли немцы склады, какие операции планируют, кто с ними сотрудничает.

Случались разные обстоятельства. Однажды мы группой в 25 человек замаскировались в кустах в ожидании немцев. А перед самым их появлением неподалеку на кладбище привезли хоронить бабулю. С согласия родных мы хоронили ее до... вечера: копали яму, рвали и носили цветы — а сами под прикрытием траурной церемонии подсчитали всех и вся, собрали полные данные о занявших курские территории войсках.

А однажды не утерпели — и попытались помочь нашим пленным, закрытым в сарае, принесли им попить. Потом уже и самим пришлось спастись. Жившая неподалёку женщина по имени Вера спрятала нас в подвале своего дома, замаскировав вход туда половиками и мебелью.

Рисковала она нещадно: в доме трое детей, а в подвале группа разведчиков и диверсантов. Это ведь женщины в тылу врага в основном собирали и передавали данные, а мужчины еще и готовили, совершали диверсии. Так что немцам покоя не давали. А они нас искали. И в доме Вериним были. Глубокой ночью она вывела нас задом в поле, и мы пошли в соседнее село. Она нам даже людей назвала, у которых можно остановиться...»

Зинаида Некрасова выполняла задания под Курском и Ельцом, Старым Осолом и Воронежем. Обмирала и обмерзала, стаптывала ноги, тосковала по родным, по нормальной человеческой жизни. Но долг, но любовь к родной земле были превыше всего.

Когда фронт отступил и фашистов погнали дальше на запад, она вернулась в родное село, вновь начала работать в школе. Но шла война, и она уже не могла жить обычной жизнью, зная, что другие сражаются за Родину, а она вроде как ни при чем. Но родные уехали в эвакуацию, нужно было найти их. И вот удача: случайно она нашла след семьи, оказавшейся в Кемеровской области. Первое желание — скорее ехать к ним, обняться, наговориться. Но победило чувство долга. И вместо того, чтобы навестить своих, Зинаида добровольно отправляется на войну.

К слову о добровольчестве. По дороге в этот самый дальний в области и самый пострадавший от фашистских захватчиков Воловский район мы в машине как раз разговаривали о Великой Отечественной войне. И наш фотокор — молодой человек — категорично заявил, что в бой тогда гнали под дулами смершевских автоматов, напоявали спиртом, запугивали трибуналом и штрафными ротами, иначе вообще никто добровольно в здравом уме и твердой памяти на гибель не пошел бы.

Не без однобокой информационной обработки, естественно, наши молодые сформировали такое мнение. И сами, конечно, рисковать жизнью за Родину — «уродину», как ее позиционировали в бессовестные девяностые, — в большинстве своем не хотят. Правда, сейчас уже время несколько иное, особенно в связи с войной на Украине, поменялись приоритеты, но общественное сознание — корабль грузный, штурвал его в одночасье не повернешь, да и куда поворачивать? Лоцмана нет, карты утеряны, фарватеры забыты, а море штормит и штормит...

Но вернемся к нашему сухопутному сюжету, к его героине Зинаиде Некрасовой, попавшей на фронте в стрелковую дивизию. Правда, ее прежняя военная биография повлияла на решение командиров и начальников определить девушку на службу в трибунал. Но это было не моё, вспоминает она...

«Должность технического секретаря дивизионной партийной комиссии тоже меня не вдохновила, и вскоре я добилась, чтобы меня перевели в телефонистки. И была ею до конца войны.

В части меня называли Хворостинкой, такой худенькой и слабенькой я выглядела. Но вы не поверите, сколько во мне было крепости и силы воли. Доводилось и за себя постоять, и служила я без поблажек. Во время наступлений связь постоянно рвалась, все уходило на линии, и нередко приходилось дежурить у коммутатора бессменно по несколько суток.

Это в кино показывают, как телефонисты сидят в теплых бревенчатых штабах, а мы всё больше на улице. Пехота-матушка, что подделаешь. В дождь шинель вся разбухала, продрогнешь, бывало, до костей. А когда смена придет, только нырнешь в мокрую же солому подремать, а тебя опять вызывают: сменщик ушел на задание...

Марш-броски при передислокации в 30—40 километров, а иногда и 50—60, изматывали даже бывалых солдат. Самых ослабевших сажали на повозки. Так вот я ни разу за свой фронтонный путь этой возможностью не воспользовалась. Эта Хворостинка ни разу на повозку не попала, удивлялись мужики.

А однажды наш взвод связи переправлялся через Дунай, и мне поручили повозку с имуществом взвода перегнать по понтонному мосту. Это был кошмар. «Путешествие» затянулось на несколько суток, потому что таких повозок были сотни, все торопились, гнали лошадей вперед. Однажды на подъеме слышу, как на соседней повозке старый солдат говорит: «Ни разу не видал, чтобы девка ездовым была!» А ведь была. Кругом мужики, ведь на всё сила нужна, и где я ее только брала, не знаю...

Едва слышался гул налетающих бомбить немецких самолетов, саперы разводили мост. И нужно было скорее распрягать коней, укрывать их. К тому же их надо было как-то кормить. Собирали кукурузу в шинель, траву. Потом опять запрягали, опять гнали. Опять распрягали, прятались... Шум, взрывы, стоны, ржание лошадей...

В общем, добрались до моста, а там, как в том стихотворении Лермонтова, «смешались в кучу кони, люди...». А сколько я натерпелась уже на мосту! Гоню лошадей вожжами и не

чаю до берега добраться: вода в Дунае темная, волны выются, с обеих сторон вода подступает — а у меня голова кругом идет...»

С дивизией прошла Зинаида Георгиевна Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. А за два месяца до Победы Хворостиночку пожалели — и перевели в артиллерийский полк. Предстоял длительный переход, и командование решило, что ей лучше одолеть его не на своих двоих, а на колесах. Сложно было привыкать к новым людям, многие там восприняли ее перевод как послабление женщине, в которой кто-то заинтересован. Но в помощь ей из прежней части прислали бывшего сослуживца, своего рода «дядьку», который и объяснил артиллерийским «волкам», почему Хворостиночку из пехоты перевели.

«Я всегда мечтала увидеть артподготовку к бою изнутри, так сказать. Когда после сигнала ракеты начинают бить орудия, грохотать снаряды, а потом взлетают и гудят самолеты, и, наконец, в едином порыве взматается пехота и лавиной громыхает над полем мощное «Ура-а-а!!!». Уже под Прагой мне довелось в такой артподготовке участвовать. Это было что-то необыкновенное. В какой-то миг я отрешилась от себя и чувствовала только общее дыхание, общий порыв — и словно летела, окрыленная, высоко-высоко...

Видимо, впечатление было такое сильное, что фашисты в тот раз покинули позиции практически без сопротивления! А может, поняли, что сопротивляться уже бесполезно. В Прагу мы входили освободителями. Это сейчас говорят «оккупанты», а тогда нас забрасывали цветами, обнимали, целовали. Жители вывезли на улицы бочки с пивом — и угощали наших солдат, всюду были украшены арки в честь Победы...»

Домой она вернулась с медалью «За боевые заслуги» и благодарностями от Главнокомандующего И. Сталина. И преподавала в своей родной гатищенской школе всю трудовую жизнь, заочно окончив Курский педагогический институт.

Занималась партийной, общественной работой, организовывала агитбригады, руководила местным обществом «Знание», воспитывала трудных подростков. Во время уборки хлебов, когда они с ребятами приходили колхозу на помощь, она работала штурвальным комбайнера. А потом, получив удостоверение, и сама села за штурвал железного коня: сказались фронтовые навыки брать бразды правления в свои руки.

Своей семьи, так называемой личной жизни, у нее не получилось.

— Я всегда много трудилась, — говорит она. — И жила тем, чем жили моя школа, колхоз, село, район, область, стра-

на. Причем всё, что я делала, я делала не только для других, но и для себя. Я хотела, чтобы скорее закончилась война. Чтобы дети были образованны и счастливы. Чтобы хлеб в полях не пропал. Чтобы молодые любили свою землю, свою Родину. Это всё и было моей личной жизнью, моим личным счастьем. Я ни о чем не жалею...

РУССКИЙ СТИЛЬ

Так бывает, живут-живут люди, ничего не замечают вокруг, а появляется новый человек — и говорит им: «Братцы, да какая же у вас тут красота, какое богатство!»

И тогда они встряхиваются, оглядываются и сами себе удивляются: как же такую свою красоту они чуть было не просмотрели и не потеряли. Таким человеком оказалась в добровском селе Трубетчино Лариса Викторова.

Приехала она лет десять назад из Пензы, где всё проникнуто Лермонтовым и его творчеством. Постоянно бывала в Тарханах, в одну из поездок туда сдружилась со своим будущим мужем, отчего это место считает знаменательным и в своей личной судьбе. Лермонтов стал их общим любимым поэтом и «сопровождает» их всю жизнь.

Когда волею судьбы они осели в Липецкой области, в селе Трубетчино, она и не подозревала, насколько близко они вновь соприкоснутся с жизнью и творчеством Лермонтова. Во-первых, неподалеку, в Становлянском районе, в селе Кропотово, было родовое имение отца поэта, Юрия Лермонтова, где юный Миша однажды гостил всё лето и где потом бывал редкими наездами. Впоследствии долю от этого имения бабушка Лермонтова продала одной из тетушек поэта. И дом Лермонтовых простоял в Кропотове до самого 1941 года: его сожгли фашисты при отступлении. А всё село пошло на убыль с умиранием деревни в целом. И теперь там безлюдье и пустота.

Кстати, еще одно село ныне Липецкой области того же Становлянского района Васильевка — это родина матери поэта, урожденной Марии Арсеньевой. Обо всём этом наша современница Лариса Викторова когда-то знала и слышала, а тут получилось — рукой подать. Но самое большое впечатление на нее произвел тот факт, что один из князей Васильчиковых, владевших селом Трубетчино — Александр Илларионович, был секундантом Лермонтова в его последней трагической дуэли.

Вот об этих самых Васильчиковых и пойдет речь далее, вернее даже не о них самих, а о том, что осталось в селе от

образцового когда-то имения и что делать, чтобы сохранить хотя бы ту малость, которая об этом сегодня напоминает.

А сделать это — сохранить — нужно не только потому, что Васильчиковы связаны с Лермонтовым, что это род настоящих русских патриотов, и воевавших за Россию, и трудившихся в ее славу. Это были люди — отец Илларион Васильевич и сыновья Александр и Виктор Васильчиковы, — которые не только применяли новые способы хозяйствования и выгодно, доходно вели свои дела, чем заслужили даже упоминания в «Капитале» Маркса, но и по-настоящему радели за народ, за крестьян. Та самая социальная ответственность бизнеса, к которой так неустанно зывают сегодня «верхи», для Васильчиковых была насущным естественным делом, почти потребностью, и они заботились о судьбах и жизнеустройстве народном не на словах, а на деле.

В частности, Александр Илларионович создал образцовое хозяйство сначала в Нижегородской губернии, а затем, унаследовав тамбовское Трубетчино от бездетного брата Виктора, продолжал там его благоустроительные и хозяйственные работы, организовав жизнь крестьян так, что нынешним остается только завидовать. И в этом мы убедились, побывав недавно в селе по приглашению общественности Добровского района, поддержавшей проект Ларисы Викторовой восстановить в Трубетчине если не усадьбу Васильчиковых, то хотя бы знаменитый парк имения, когда-то располагавшийся на 15 гектарах.

Сейчас он заброшен, дорожки заросли, аллеи — липовая, сиреневая, жасминная — остались только в памяти старожилов. С чего начинать, в какие двери стучаться? Начали с журналистов: пусть помогают...

В Трубетчино мы привезли дождь. Почти в сорокаградусную жару откуда ни возьмись появились облака, и, едва мы вышли из машины, на землю упали первые крупные капли. Не надеясь, что дождь в самом деле грянет, мы-таки направились — по колено в траве, пробираясь между разросшихся кустов и поваленных временем и непогодой деревьев, — на прогулку — и промокли насквозь. Ибо дождь пошел настоящий, а зонтов ни у кого не было: предусмотреть в такую жару и сушь настоящий ливень было мудрено. И все решили, что это Небо одобряет наши планы вернуть Трубетчину кусочек его старины.

Благо эти замыслы вписываются в общеобластной план по развитию туризма в регионе — и Добровскому району в этом плане отведена особая роль. Если взять чисто литературные места, то это Кореневщино — прародина Александра

Пушкина, Доброе — родина Александра Левитова, Трубетчино связано с Александром Васильчиковым, русским писателем (а он написал и издал несколько книг) и общественным деятелем, прогрессивным хозяйственником не либерального, а патриотического толка, монархиста и сторонника русского пути и русской идеи.

Конечно, хорошо бы в связи с этим открыть васильчиковский музей, дома старинного быта и ремесел, воссоздать васильчиковские постройки. Не будем углубляться в подробности их активной хозяйственной деятельности, не имевшей себе равных по всей России, достаточно сказать, что благодаря их трудам к началу XX в. число каменных и деревянных зданий Трубетчинской усадьбы превышало сотню!

Это жилые дома, хозяйственные постройки, конюшня, конный и скотный дворы, амбары, больница, школа, церковь. Там много лет работал огромный сахарный завод, на котором трудилось более 300 человек. Сейчас от него остались только стены, высокая дымовая труба и воспоминания.

До сих пор из поколения в поколение передаются в Трубетчине и рассказы о том, как его жители, в отличие от других, ходили не в лаптях, которые, кстати, умело плели, а в ботинках, как хорошо зарабатывали, как ели в больнице с серебряных подносов, а чай пили из серебряных чашек. Кое-кто даже сберег старинную посуду и утварь.

В районе поддержали трубетчинцев. И в селе прошла знаменательная встреча, которая, возможно, станет вехой в истории его дальнейшего развития, в том числе и как туристической «Мекки».

Были намечены общие направления предстоящей работы: расчистка парка, сбор экспонатов — «вещественных доказательств» прошлого — для будущего музея Васильчиковых (кстати, в досуговом центре недавно появился диван из имения, простоявший в чьих-то сараях лет двести), выяснение статуса земель и зданий, которые планируется включить в заповедный комплекс.

Однако прежде чем приступить к этим делам, нужно решить много организационных вопросов, отметила заместитель главы администрации Добровского района Вера Дмитриева. Такой же позиции придерживается и председатель районного Совета депутатов Владимир Мячин. Кто бы сомневался. Конечно, эти вопросы нужно решать на районном уровне. Однако отталкиваясь от этой частной инициативы, задаёшься еще одним вопросом: а почему речь идет только о Трубетчине, об усадебном парке Васильчиковых? Хорошо бы затеять целое движение за восстановление усадебных парков по всей России!

Во-первых, потому что частично они еще живы. У нас в области, в частности, до сих пор очень живописен старый дендрологический парк при усадьбе Раевских в лебедянском селе Троескурово. Там сохранилась главная аллея парка с ясенями, кленами и тополями, но в целом парк в плохом состоянии. Когда бываешь там и видишь это разорение — душа ноет.

Огромный пейзажный парк был разбит в селе Полибино Данковского района — родовом гнезде русских аристократов, знаменитых меценатов России Нечаевых-Мальцевых. До наших дней парк сохранил не только планировку, но и часть старых деревьев, высота некоторых достигает 30 метров. В основном это липы и клены остролистые, но встречаются и голубые ели, и серебристые тополя. В конце широкой липовой аллеи была когда-то беседка, крышей ее служила крона старого вяза. По местным преданиям, по этой аллее гулял Лев Толстой, другие выдающиеся русские писатели, художники.

Примечателен и старинный парк в усадьбе флотоводцев Сенявиных в хлевенском селе Конь-Колодезь, где растут самые старые в России, мощные дубы в четыре обхвата, уникальные сосны.

Большой усадебный парк уцелел и в становлянском селе Пальна-Михайловка в имении Стаховичей, но тоже весьма в плачевном состоянии.

В усадебном парке родового имени Лермонтовых в деревне Кропотово до сих пор прослеживается центральная аллея, засаженная вязами.

Неплохо сохранился и достаточно ухожен усадебный липовый парк Кожиных в селе Репец Задонского района, который террасами спускается к обмелевшей речке.

Уникальный парк в усадебном комплексе Хвостова в елецкой деревне Шаталовка признан дендрологическим памятником природы. Располагается на правом берегу реки Быстрая Сосна, в нем более 50 видов растений, есть остатки каменного грота.

В самом приличном виде сохраняется ландшафтный парк усадьбы Семенова-Тян-Шанского в чаплыгинской Рязанке — богатейший по видовому составу парк, заложенный в 30-е годы XIX века. Красота там необыкновенная, а у старого кедра еще со времен владельца усадьбы все загадывают желания...

Остатки парков уцелели в селе Вешаловка Липецкого района (имение Знаменовское), в задонском селе Липовка (имение Бехтеевых), в селе Баловнево (имение Муромцевых), в

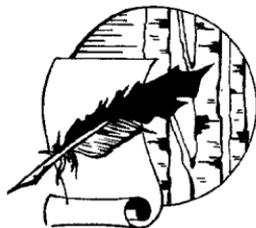
грязинском селе Коробовка на месте старинной усадьбы Вельяминовых и других. Под охраной в области находятся 25 старинных парков, всего же сохранилось около 100 усадебных мест!

И ведь не ахти какие деньги нужны для расчистки насаждений, воссоздания аллей, дорожек и так далее. Конечно, требуются консультации специалистов, поиски планов и схем расположения всего и вся в этих парках, но всё это подъемно, реально. Не всё же волонтерам и добровольцам на государственные гранты старушек через улицы переводить, пора заняться большим настоящим делом.

А то у нас в Липецке проводили субботник на территории областной больницы, так его участники-добровольцы были представлены в СМИ как... герои. Не больше и не меньше. Вот бы эти «герои» и взялись за парковое движение. Тут всё: и патриотизм, и культура, и история, и экология, и туризм.

Обратила внимание, однако, на некий скептицизм местных трубетчинских жителей. Мол, кого сейчас на субботник вытянешь, общественной идеей увлечешь, если полным-полно приезжих, а им, дескать, не до истории чужих мест. Однако именно приезжая Лариса всколыхнула район, село, в котором долгие годы умирал барский парк. И вот что я подумала: русский человек, где бы он ни был, везде русский человек. И болит его сердце за всё русское, и даже на чужбине воссоздает он свой русский мир. А если уж в России да свои среди своих — то Сам Бог велел всё наше русское восстанавливать, хранить и никому не отдавать.

Кстати, провинциальные усадебные парки чаще всего создавались по так называемому русскому стилю, когда рукотворные ландшафты гармонично вписывались и продолжались в природные пейзажи. Мне кажется, это очень символично...

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Николай БОРСКИЙ

ОТЧИЙ ДОМ

Краугольный камень жизни — дом,
И плотью дома тоже служит камень,
А в сёлах — брёвна, сбитые венцом
В шесть топоров умелыми руками.

Перекрестясь — как будто распротяться
С мирским греховным, с той же чаркой клятой,
Артель за дело истово бралась
С восходом солнца до звезды закатной.

Мерцает пот росой на молодцах,
Блестит смола, густая, как повидло,
На золотистых звончатых торцах,
На вкус — полынь, медава лишь по виду.

По-богатырски срубку предстоит
Держать избу от стрех до половицы,
Как раменам — славянский красный щит,
Как меч крыжатный — жилистой деснице.

В таком же доме выращен и я.
Под звон наград мне в нём внушали деды
То, что Россия — Родина моя
И что Россия — родина Победы.

Не слишком част был на Руси покой,
И хлеборобам в их нелёгкой доле
На кладенцы плуги свои порой
Переплавлять случалось поневоле.

И орды шли. И танки шли, пыля.
Войн и усобиц отчине хватало.
Немало крови приняли поля,
Сиротских слёз и вдовьих слёз немало.

Досталось ей пожаров и золы...
И всё ж донесёшь над русскою землёю
В борах сияют красные стволы
С густой смолой, прозрачной, золотою,

Чтоб на века под шелестом берёз
Былых строений солнечней и краше
Стоял наш дом — могуче, во весь рост,
Как русский воин, плотник, землелашец.

НАЧАЛО

Моя тропа у станции была,
Потом в райцентр песчаная дорога...
И полем ржи в окрестностях села
Прибой вселенной бился у порога.

И белый свет, до самых звёзд — большой,
Я в первый раз увидел сквозь колосья,
Качавшиеся тихо надо мной
Под сосен шум и птиц разноголосье.

Я в жизнь входил. Великая война
Совсем недавно в ней отгрохотала,
И русские родные имена
Устами вдов земля моя шептала.

Но, измождённой, сил хватало ей
Всем, в мир входящим, улыбнуться снова
Речной волною, шелестом полей
И теплотой отеческого крова.

Со свистом воздух резали стрижи,
Жар-птицей билась летняя зарница...

Мне на плечо за станцией во ржи
В степной заволжской страждущей глуши
Легла державно Родины десница.

ЭПИЛОГ

Жизнь движет мной, но смерть незримо рядом —
Идёт бок о бок, будто бы конвой.
Мой горизонт румянится закатом,
И небеса густеют синевой.

И облака малиновые тают
И ничего от жизни уж не ждут.
По небесам журавлики летают,
Под небесами граждане живут.

Отторопился я. Отсуетился.
Путь впереди короче, чем прошёл.
Я с ярмаркой порожним распростился,
До эпилога книжечку прочёл.

На бережке гляжу сегодня в Лету
С рогозинкой велюровой в руке.
И слугу рад, что мне по белу свету
Ума хватило топтать належке.

В душе усталой — шум воспоминаний,
Как в жёлтых листьях — ветер-низовик.
Что прахом — прорва суетных желаний,
Я тоже рад, так совестно за них!

Как доживать, никто не расталмужит —
Ни президент, ни мэр, ни депутат.
Небытием с лугов Аида вьюжит...
Но, словно в чудо, верю наугад,

Что эпилог удастся, может стать,
В дождях российских, в росах и полях,
Где до конца в дороге оставаться
Мне с журавлём и небом на паях.

Московская область

Григорий КАЛЮЖНЫЙ

* * *

Занавесили Божий лик,
Не сказали, что это значит.
Потеряло село язык —
Не кричит, не поёт, не плачет.

Поразъехались кто куда
Из насиженных мест крестьяне,
В полоумные города,
Словно сели в чужие сани.

И явился голодный год,
Потекли ручейки исхода,
И узнал, наконец, народ,
Что таила в себе свобода.

г. Москва

Леонид ЧЕКАЛКИН

НАД ПРОПАСТЬЮ

Стою над пропастью — и замирает дух.
Иду по кромке — закаляю волю.
И вижу: там, внизу, стоит пастух,
А стадо вольно разбрелось по полю.
Отсюда хорошо видна река —
Впитали воды олово заката.
Плывут неторопливо облака
По воле ветра — влажного — куда-то.
О, Боже мой, как дышится легко!
А на душе и тихо, и тревожно:
Отсюда до небес — недалеко,
И возвращение ещё возможно.

* * *

...И легко под светом лунным
Тени длинные легли.

Стихли праздничные струны,
Затаился дух земли.
И не слышно крика, стона
Из давно забытых лет.
Я в открытый ковш ладоней
Собираю тихий свет,
Свет луны из тех столетий,
Где бывал в тревожном сне
В поздний час порою летней
При игрушечной луне...
Перепутались столетья.
Кто я? Где? — не разберу:
Так похожи ночи, ветер,
Тени длинные в бору.

г. Москва

Владимир АРХИПОВ

ОЖИДАНИЕ

Так долго она
Его с фронта ждала —
Что стала холодной,
Как в море скала.
Такой отрешённой —
Как облачный дым,
Что тело своё
Ей казалось чужим.
Все годы незримо
Прошли стороной.
Вернулся любимый
Седой, но живой!
Очнувшись, сказала
Жена и скала:
«Как долго тебя
Я, убитой, ждала...»

г. Краснодар

Николай КАПИТАНОВ

* * *

Поезд лязгнул и встал. Полустанок.
Брезжит утро в просветах полян.
И какой-то грибник спозаранок
удаляется в белый туман.

Здоровенный детина с лукошком.
Вот бы мне поутру — по грибы.
Но сию за вагонным окошком,
никуда не уйти от судьбы.

Я в объятиях этой дороги,
что сквозь лето стрелой пролегла.
Ждут меня и чужие пороги,
и ненужные сердцу дела.

Сколько раз, проезжая по свету,
мне хотелось остаться навек
на какой-нибудь станции, где-то,
где спокойно живёт человек.

Косит сено, купается в речке,
по грибы отправляется в лес.
И живёт он в довольстве в местечке,
под пронзительной синью небес.

Позавидуешь... Дверь проводница
закрывает. Протяжный гудок.
Жаль, сюда не смогу возвратиться,
в этот светлый, как рай, уголок.

Тверская область

Андрей КАНАВЩИКОВ

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Тропинка тянется к амбару,
Кружится снег над головой.
Царь с цесаревичем на пару
Стоят с двуручной пилой.

Папахи сдвинуты к затылку,
Дыханий вверх идёт парок,
И льются ниточкой опилки
То на шинель, то на сапог.

Снежок наивно, тихо кружит,
Как тень бывшего естества,
Другой огонь отныне нужен,
Другие надобны дрова.

Пружина выскочила, дрогнув,
В смешеньи стран, народов, войск.
Пила рвёт мёрзлые волокна.
Ещё зима...
Уже — Тобольск...

г. Великие Луки

Игорь ЛУКЬЯНОВ

* * *

Говорильни — это говорильни...
Мирные иль злые — всё равно.
В них немало слов передавили
В полуправды кислое вино.
От него иным хмелеть красиво,
Утверждаться в шкурной правоте,
Где-нибудь, но только не в России —
Градусы для русского не те...

Воронежская область

Николай БАКУШИН

ВЕЧЕР

На божнице затеплю лампаду,
Только солнце зайдёт за бугор.

И луна тени блёклые сада
Отведёт на соседский забор.

И в окно, с занавескою белой,
Ночь войдёт на пуховых ногах.
Фитилёк разгорится несмело,
Заблестит звездой в образах.

ПАМЯТЬ ЮНОСТИ

Лишь прикрою глаза, представляю себе,
Что стою на крыльце деревенского дома.
Полушубок потёртый — в сених на гвозде,
Избу, крытую жёлтой соломой.

Ветродуё у крыльца уже сгнивший почти,
Пароконную жатку у кузницы старой...
И дорогу в пыли, и в овраге ручьи,
Наковальню с кувалдою ржавой.

И широкое поле от ветра в волнах,
Серебра тополей переливы,
На берёзах скворцов, жаворонков в лугах,
У пруда загрузившие ивы...

Эта память блеснет на щетине слезой,
Сердце сладко, шемающе заноеет.
Где бы ни был — всегда это поле со мной,
Край Рязанский — меж Проней и Цною.

г. Москва

Валерий СУХОВ

СТЕПЬ

А моя мать — степь широкая.
М.Ю. Лермонтов

У татарника — медовый запах,
Но роднее горькая полынь.

Не перестаёт о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» — любовь до боли.
И не всем её дано понять.
Только степь ему была, как мать.
И о ней он тосковал в неволе.

Так полынь клонилась под копыта,
Что касался конь её едва.
Всё, что душу мучило, — забыто.
Исцеляла горькая трава.

Перед смертью родину он вспомнит
У горы Машук, в чужом краю...
И полынь степная тихо склонит
Над поэтом голову свою.

Слёзы на седых её ресницах
Отразили сумрак грозовой.
Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоённый горечью земной!

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошёл в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа...

Июльский дождь идёт в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлёте,
Чем на излёте умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нём светлый обрела покой.

г. Пенза

ПРОЩЕВАЙ, УКРАЇНО!

Великую обиду нанёс мне сей человек: предал своего брата, как Иуда...

Н.В. Гоголь. «Страшная месть»

Интернет полнится шутками о том, как Крым, буквально восприняв гневные окрики свидомых украинцев по поводу чемодана и вокзала, так вместе с вокзалом и отправился по предписанному адресу. Но, кажется, и Россия вняла горделивым воззваниям всё той же свидомой братии о том, что «Украина — не Россия».

Что же такое Украина? Прежде всего, это наиболее трагикомическое общественное движение в истории человечества. Ничего подобного по феерической бессмысленности ещё не существовало и, пожалуй, не будет существовать. Во всяком случае, «не пытайтесь повторить». Всё происходящее там свидетельствует лишь о том, что проект «Украина» состоялся, и плод его окончательно вызрел. Именно состоялся. А это значит, что народ, населяющий эту развесёлую страну, разделился не по линии симпатий и антипатий к России. Граница пролегла глубже и дальше: на Украине проживают сегодня люди, отрекшиеся от своего русского имени, и те, кто остался этому имени верен. Причём отрекшиеся совершенно необязательно ходят по ули-

РУССКИЙ ВОПРОС

цам в масках и напевают про Бандеру и Шухевича, воевавших-де «за нашу свободу». Киевляне, полтавчане и черкасцы не хуже галичан научились презирать русское имя. Сто лет назад львовский профессор М.С. Грушевский сетовал, что «*в преобладающей части населения национальное является у нас не более как пережитком старины*». Другими словами, украинцы времён Грушевского не знали, что они украинцы. Их отличия от москалей казались не более чем местным колоритом. И таково было естественное положение вещей, а проект «Украина» ещё только зарождался тогда. Но прошло не так уж много времени, и национальное — рубахи с вышитым воротом, которыми, правда, могут похвалиться чуть ли не все народы Европы, венки из маков с яркими лентами, сало, горилка — превратилось на Украине в основу всех основ. Прибавим сюда курс родной истории в стиле фэнтэзи, выдуманный язык, ненависть к России — и вот вам, готова Украина, которая, в отличие от панночки, «еще не умерла». Когда же весь этот нехитрый набор удалось спрессовать и вложить в головы как можно большего числа малороссов, проект «Украина» состоялся, а вся эта компания в маковых венках и с пробудившимся самосознанием оказалась с Россией в контрах.

Лучше и лаконичнее других суть проекта «Украина» сформулировал Л.Д. Кучма в названии своей книги: «Украина — не Россия». Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить, поскольку противопоставление и есть залог существования Украины. Убери украинствующую русофобию — и нет Украины. Хохол, отказавшийся от ненависти к кацапу, вынужден будет признать, что и он, и кацап оба два — русские. И тогда не то, что в украинском языке, но и в украинском государстве отпадёт всякая необходимость. Потому что государство Украина необходимо тем русским, что позволили убедить себя, что они не-русские.

С конца XIX в. галицкие националисты стали активно подменять слова «Малороссия» и «малорусский» словами «Украина» и «украинский». Цель преследовалась вполне определённая — отрезать по живому, провести жирную черту между так называемыми «украинцами» и русскими. Этот географический, а лучше сказать, геополитический термин не имел широкого хождения до 1863 г., когда польскому революционеру Павлину Стахурскому-Свенцицкому вздумалось морочить головы галицкой молодёжи. Впрочем, ещё и раньше австрийское правительство внушало галичанам, что если они не перестанут называться русскими, то на поддержку правительства пусть не рассчитывают. А ещё раньше — в 1795 г. —

польский граф Потоцкий высказывался об отдельности «украинского» народа, проживающего между Польшей и Россией. Но полякам такие выходки простительны — они-то уж точно никогда русскими не были. Кроме того, Россия участвовала в разделе Польши, что же тут удивительного, что поляки взалкали раздела России. Но с тех русских, что запели вдруг с польского голоса и принялись кромсать единый народ, — иной спрос.

Что же получается? Примерно полтора-два столетия назад Запад активно начинает внушать галичанам, что они — не русские и даже не малороссы. И мало-помалу галичане соглашаются. Сначала, как это обычно бывает, узок круг этих людей, страшно далеки они от народа. Но их дело, как водится, не пропало. Галичане подхватили, расширили, укрепили, закалили украинскую пропаганду и потащили её в Киев. И если ещё сто лет назад среди самих галичан раздавались голоса Добрянского и Мончаловского, Зубрицкого и Вергуна, утверждавших единство русского языка и русского народа, то сегодня в Киеве орут, что русский язык — это «собачья мова». Если ещё сто лет назад книги, газеты и журналы, издававшиеся паном Грушевским на «украинском» языке, некому было читать, и пан профессор не мог покрыть расходов на издание, то сегодня в Киеве переводят с русского не только книги, но даже имена и фамилии, вызывая этой патологической любовью к просторечию в лучшем случае недоумение или улыбку. Словом, галицкая дурь окончательно захлестнула Малороссию. Даже русский язык вытеснен не песенно-поэтическим диалектом малороссиян, а галицким жаргоном, смесью всех известных в округе наречий. А именем львовского профессора-русофоба М.С. Грушевского, зачинателя нового жанра в исторической науке, основанного на вольном и своекорыстном истолковании любых событий, названа центральная и печально известная ныне улица Киева. К слову, всем поклонникам ясновельможного пана Грушевского стоило бы напомнить о приснопамятном его сочинении под названием «Освобождение России и украинский вопрос». Там, в частности, говорится, что *«верные заветам украинского освободительного движения, выдвинувшего федеративный принцип как основание будущего устройства отношений политических и национальных <...>, мы признаём федеративные формы наиболее совершенным способом сочетания государственного союза с интересами свободного и нестеснённого развития национальной жизни...»* Нельзя забывать заветы основоположника... Впрочем, то, что называется «двойные стандар-

ты», на Украине сегодня в ходу не меньше, чем на Западе. И если речь идёт об освобождении России и украинском вопросе — тут одни предпочтения. А если об освобождении Украины и русском вопросе — совсем другие. Точно так же, как «Правый сектор» с тротуарной плиткой в одной руке и коктейлем Молотова в другой — мирные протестующие. А доведённые издевательствами до белого каления жители Новороссии — террористы и сепаратисты.

*Лакеи вечные Европы,
Её духовные рабы,
Вы извратили отчий опыт
И предков предали гробы,
По прихоти дурной холопы,
Прислужники чужих затей,
Вы быдлом сделали Европы,
Вы полюбили свист плетей.
Вы предавали Русь стократно,
Чужому — вверившись — уму.
Вас Русь прощала, но обратно
Тянули шею вы к ярму.
Вам Родины милей — чужбина.
И суждено вам потому
Знать волю... только господина
И вечно кланяться ему.*

(Е.Ф. Лаврентьева)

И всё же, если киевские панове обладают хоть каплей порядочности, им стоит открыто признать, что либо львовский профессор нагородил вздора, либо федеративная форма есть наиболее совершенный способ государственного устройства. Ведь часть Украины видит своё будущее с Россией. И вовсе не потому, что Россия, как утверждает французский историк Эммануэль Тодд, становится привлекательной страной для проживания. В то же время другая часть граждан Украины устремлена в Европу, с которой как раз-таки связаны представления об улучшении благосостояния. Европа до сих пор видится многим эдакой дохомяковской «страной святых чудес», где светила прежние не бледнеют и звёзды лучшие с небес не срываются. Европа — это устойчивый образ, символизирующий для многих достоинство, почтенность и уважение всех ко всем. Бессмысленно оспаривать эти хилястические представления — они существовали и будут существовать. Это воззрение религиозное, вера в страну обетованную, в Царство Божие на земле.

Вполне естественно, что для европоцентричных украинцев любые телодвижения, связанные со стремлением в Европу, выглядят благородно и даже благостно. А всякий погибший со словами «Украина це Европа» немедленно будет причислен к небесной сотне, воздушной тысяче или даже к райской громаде.

А что же такое Россия для украинских европоцентристов? Само собой, пьяная тварь — ведь собственно так видят и показывают Россию украинские СМИ. Для полноты картины эта тварь изъясняется исключительно матом, она злая, вонючая, с гнилыми зубами. Именно поэтому для Западной и Центральной Украины пророссийски настроенные соотечественники — это быдло, гопота или, как их ещё называют, унтеры (от немецкого *der Untermensch* — недочеловек).

Конечно, любые предпочтения имеют право на существование. Но откуда столько презрения, столько ненависти к тем, кто живёт рядом? Только ли дело в пропаганде? И почему лишь часть малороссов, не очень-то сопротивляясь, позволила сделать из себя «украинцев» с заплочной торбой эрзац-истории, комплексов и ненависти? До недавнего времени на Украине велось вещание российских телеканалов, которые ни в коей мере не несут «родниковую правду», но хотя бы предлагают другой взгляд. Кроме того, всем и всегда были доступны самые разные книги, а теперь ещё и интернет. И узнать, что происхождением своим древние укры обязаны вовсе не Адаму и Еве Голопупенко, что украинского летоисчисления никогда не существовало и что русские, наконец, вовсе не финно-угорские татары, не составило бы труда. Кстати, если уж заняться выяснением «чей нос лучше» или в ком больше славянского, то хохлы, к недоумению своему, окажутся в сравнении с кацапами, в явном проигрыше. То, что называется ныне Украиной, сложилось отнюдь не в славянской среде. И не надо путать Киев, Киевскую Русь с Украиной. Достаточно указать на местоположение Киева, граничащего со степью, чтобы многое в этническом составе «великого украинского народа» стало понятно. Торки и берендеи, ковуи, шельбиры, татары и т.д. и т.п. — вот основа того народа, который сегодня, инда горло пересохло, кричит о недославянстве русских. Русский историк и писатель Н.М. Павлов призывал не смешивать малороссов и полян — это не одно и то же. В отличие от русских, украинцы, как известно, не хранят в своей песенной памяти данных о Киеве и Владимире Красно Солнышко. Дальше гетмана Хмельницкого их думы не думают. Другими словами, народ, называющийся ныне украинцами, помнит себя, начиная с XVII в. В

то время как русские былины и летописи окунаются куда как глубже в историю.

Но даже таких, неизвестно откуда взявшихся и из какого теста замешанных мы считали своими! За что, очевидно, и сподобились их ненависти и презрения.

Да, не стоит путать вопросы этнические и государственные. Но утверждение, будто государство Украина населено особым, отличным от русских народом — более славянским и более полноценным — и есть такого рода путаница. Россия и Украина стали разными государствами. Что ж, случается. И все приняли разделение как данность. Но примитивная русофобия, но призывы вешать и резать москалей — это уже совершенно другое. Есть ещё и третье: с какой стати и долго ли ещё Россия должна содержать компанию, изрыгающую в её адрес проклятия и угрозы? Будет ли конец этому братолюбивому мазохизму?

Так кто же нам Украина — та, что осталась после самоопределения Новороссии? Братский народ? Добрый сосед? Партнёр? Так ли уж велика наша нужда в Украине? И почему дедушку Бжезинского наравне с канцлером Бисмарком следует непременно почитать за пророков? Да так, что чихнул Бжезинский: «Не бывать России великой без Украины!», и все у нас заполошились: «Ой, не бывать, не бывать!..» А ну как бывать?..

Много лет бродит по Малороссии призрак незалежности, распространяя нелепые, ни на чём не основанные идеи о том, что украинцы — это особый народ с особым языком и особой миссией, а кацапы — мразь и финно-угорские татары. И всё это время Россия помогает, уговаривает, увещевает, доказывает. Да к тому же, как говорят, мало увещевает — проиграла информационную войну. Выходит, что надо вести войну, чтобы заставить человека оставаться самим собой. Не пора ли задаться простейшим вопросом — зачем? Может, стоит признать украинский народ особым, а украинский язык — ещё более особым? К тому же, как только Россия это сделает, Украина и в самом деле превратится в нечто особенное.

Для нас важны те русские, что ещё остались на Украине. И федерализация этой страны может стать первым шагом к тому, чтобы установить и поддерживать крепкие связи с соплеменниками. Кстати, во избежание дальнейших недоразумений пора, наконец, отказаться от этого фальшивого и искусственного названия — «украинец».

Но следует признать, что вся остальная Украина должна перестать существовать для нас на особых правах. Это такое же чуждое нам государство, как Польша или Эстония. Стоит

напомнить, что ничего нового, по сути, на Украине не происходит. Весь этот спектакль-миракль мы видели сотни раз. И во времена Смуты, когда «братский народ» осаждал с Сапегой и Лисовским Троицкую обитель, и в эпоху Северной войны, когда Мазепа, предав царя Петра, сговорился с Карлом XII и Станиславом Лещинским, и в годы гитлеровской оккупации, когда ширые украинцы сбивались в карательные отряды. Ну и сколько ещё нужно любоваться этими проявлениями дружбы и добрососедства?

Да, в XVII столетии, когда А.Л. Ордин-Нащокин, возненавидевший казаков за постоянные измены, призывал лишить их русского подданства, царь Алексей Михайлович не хотел оставлять православный народ на растерзание магометанам и католикам. Но всё изменилось. И если сегодня Украине нравится ходить с протянутой рукой под окнами европейского дома, куда её, по понятным причинам, не пускают даже в людскую, пусть ходит. Если Украине так милы сектанты и раскольники — пожалуйста! Если Украина предпочитает русскому языку и даже южному его диалекту галицкий жаргон — ради бога! Почему Россия должна убеждать Украину, что переход на латиницу — это преступление против самих себя? Украина может перейти хоть на клинопись — нас более не должен интересовать этот сам себя не понимающий и ничего не помнящий народ.

Нас так долго убеждали, что Украина — не Россия! Ну что ж, убедили. Только осторожно, двери закрываются. Россия — тоже больше не Украина. Не так давно В.В. Шульгин взывал к малороссам: *«Ни при каких случаях, ни по каким важным или мелочным соображениям не называйте себя украинцами <...> Вы имеете и неоспоримое право, и святую обязанность ваше русское имя не только сохранить и беречь, но ярко, сочно, красочно выявлять и утверждать во внешнем мире — именно сейчас, в мутную эпоху, когда украинствующие воры обкрадывают вас на каждом международном перекрёстке...»* Не вняли малороссы. Позволили и обокрасть, и обмануть себя.

Было время, когда земля от Львова до Владивостока считалась родной и для русских, и для, если угодно, украинцев. Было. Но прошло. Всё это теперь заказано для «великого украинского народа», отдавшего предпочтение мытью полов в Европе. Это, кстати, называется на Украине «жить с достоинством». Не будем мешать.

Украина состоялась. Сегодняшние украинцы — это русские, которые не хотят быть русскими, но не могут стать кем-то ещё. Из Малороссии — пространныго и цветущего когда-

то юга России — алчные и тщеславные фантазёры умудрились устроить резервацию для неприкаянных. Подогреваемые комплексами, разъедаемые ненавистью, украинцы не в состоянии разобратся в самих себе. И в этом корень многих бед незалежной.

Но это их право. Они сделали свой выбор, покинув наш общий когда-то дом и плюнув напоследок в глаза хозяину. И двери этого дома должны закрыться для них.

Александр ИЗРАИЛЕВ

УКРАИНСТВО — ЭТО ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Сегодня многие пытаются объяснить болезнь региона, названного словом Украина. Гневно обличают фашизм, нацизм, дегенеративный культ психопата Бандеры. Неуместно вспоминают о вольнице запорожских казаков, о «присущей этому народу анархии». Умно теоретизируют об «этногенезе», следствие коего — «этноцид» по отношению к русским.

На самом деле всё названное — лишь оболочки явления гораздо более плохого и опасного по последствиям. Хотя, казалось бы, что может быть хуже толпы, поклоняющейся гитлеровским палачам и садистам?

Однажды Патриарх Алексей II охарактеризовал бывшего украинского митрополита, раскольника Филарета одним словом. Назвал лжепастыря, извергнутого из Церкви, Иудой. Так немногословный, думавший над каждым выносимым суждением Алексей сказал о гражданине Денисенко. Об уязвленной гордыне, об идущей с ней рука об руку зависти, о

желании почестей, несправедливого первенства (тщеславии) и, конечно же, материальных благ (сребролюбии). Обо всём, что когда-то толкнуло Искарюта предать Учителя, а ныне заставляет предводителя «независимой УПЦ» совершать все новые преступления против Православия, совести, против народа.

Нераскаянное падение и духовная гибель одного человека страшна. Тем более, если он был когда-то иерархом. Но сколь многим более страшно, когда подобное случается не с одним, не с сотней, а с миллионами людей.

Пришло время признать: нынешнее антирусское «украинство» под масками европейского выбора, национализма и новой идентичности являет собой укорененное, вынашиваемое годами предательство. Предательство единокровных русских братьев. Предательство Русской земли, Руси, возлюбленной гоголевским Тарасом. Предательство Православия. Предательство Великой Победы.

Бурлящий Майдан, большинство, голосующее за Порошенко, агрессивные отряды нацгвардии и регулярная армия, уничтожающая «Градом» мирные кварталы вместе с людьми, — это предательство. Это многомиллионный, коллективный Филарет Денисенко, он же... Впрочем, характеристика, данная Святейшим, уже приведена.

Конечно, есть обманутые люди. Конечно, виновата сама Москва, отдавшая Киевскую Русь на откуп вражеской пропаганде и политическим «филаретам», номенклатурным выродкам — Кравчуку, Ющенко, Януковичу, Кучме (в угоду западным кураторам написавшему книжку «Украина — это не Россия»).

Однако теперь необходимо считаться с объективной реальностью. Массовая духовная катастрофа южнорусского народа состоялась. И действовать надо исходя из этого печального, трагичного факта.

Идти на Майдан, добиваться полного разрыва с Россией и ассоциации с ЕС, только б взяли туда хоть тушкой, хоть чучелом, — не эмоциональное, но, увы, осмысленное решение. Посылать двадцатилетнего сына на войну с восставшим Донбассом — тоже осмысленное и притом тяжелое решение. Самозабвенно приучать себя говорить, писать, а затем и мыслить на изломанном диалекте (мове) — выбор, реализуемый в повседневной жизни.

И всё это вовсе не по причине того, что идеалом вдруг стал «несгибаемый Бандера». И не по причине пламенной страсти к созданию «жовто-блакитной» феерии. Жизнь по завету «бороться и побороть», идеализация уродливых нацистских

мифов — стезя немногочисленных «восторженных чудачков» на букву «м». Данные чудачки составляют в масштабах крупной европейской страны весьма скромный процент. Даже в самых западных областях. Подтверждением тому выборы, где главарь правосеков не набрал и двух процентов, а делегата Порошенко оказался кумиром и победителем.

Здесь и ответ. Здесь объяснение. Предатели голосуют за лживого олигарха, отправляют детей в карательную экспедицию (безопасную и выгодную, как казалось сперва). Не празднуют 9 мая. Потому что «не хотим быть с нищей Россией». Потому что «хотим в богатую Европу». Потому что «мы умнее, цивилизованнее, достойнее их, азиатов». Потому что «пусть не нам, но нашим детям надо жить в западных столицах»

Но не просто хотят. Придумали себе, выносили за 25 лет, будто путь в «толерантное изобилие» лежит именно через предательство «нищей России» (возможностям которой одновременно завидуют), отвержение братьев, отвержение Веры отцов и дедов, забвение 1945 года.

Отпадение сопровождается мутацией национального характера. Еще недавно отзывчивые, по-хорошему сердобольные хохлы ожесточенно-радостно, в лучшем случае равнодушно, восприняли сожжение патриотов в Одессе и превратили Донбасс в славянский сектор Газа.

Дело ведь не в том, что не знают, обмануты, оглушены медиаударами хунты. Не стоит длить ненужное самоуспокоение. Есть интернет. Есть очевидцы, родственники, слухи. Есть много поводов задуматься.

Не хотят знать, рады обманываться. Того требует совершенная и перешедшая на подсознательный уровень измена. Изменники, как правило, или ненавидят верных, или торопятся поскорее забыть всякого, кто не предал. Потому и отказываются верить свидетельствам ближних, в том числе родных детей, кричавших в телефон, заливаясь слезами, правду о карательной «АТО».

Еще и еще раз надо понять, гарно спиваемая «щенивмерность», славимая исключительность укров — вовсе не основа, а всего лишь эмоциональный фон расчетливо-меркантильного и вместе с тем завистливо-ущербного отторжения от России. Именно так, не наоборот.

Тревожным звонком, не звонком даже, протяжной сиреной стало поведение многих жителей УССР в ходе Великой Отечественной войны. В то время, когда большинство русов-украинцев сражалось с нацизмом, десятки тысяч их сородичей без зазрения совести пошли служить «великому рейху». В послевоенное время информация об этом тщательно

скрывалась, в том числе и такие эпизоды, как участие «свидомых» отморозков в уничтожении Хатыни. Не хотели бросать тень... А лучше было задуматься о признаках серьезного недуга.

Противники же болезнь уловили. Вместе с носителями вывезли в свои лаборатории. Модифицировали вирус. И как только после развала СССР предоставилась возможность, произвели поголовное инфицирование гибридной «культурой». Огрублённо её можно назвать утробной жадой западных благ в оболочке истероидного антирусского «бандеризма».

Все последние годы мы не хотели, мы отказывались верить, что эпидемия предательства станет повальной. Впрочем, следует признать: **с учетом масштабов измены в нашей собственной стране упование на духовную стойкость жителей Украины было мало чем оправдано.**

Исходя из понимания столь нерадостных обстоятельств, православным русским в РФ и на Украине, а также той части украинцев, которая находит в себе силы противостоять распаду, стоит сделать определенные выводы.

Напрасно надеяться не только на метаморфозу упырей-олигархов, наслаждающихся всевластием в иудаизированном (от слова Иуда) Киеве. Напрасно думать и о том, что вот-вот прозреют массы, согласившиеся жить под американским протекторатом, при колониальной диктатуре имени Бени Коломойского.

Даже если ситуация станет развиваться «благополучно», если доведенные холодом и голодом эти массы тупо поползут в ненавистную им Московию за едой и газом, это не будет означать их духовного перерождения.

В микроформате это происходило уже когда ополченцы Донбасса загоняли доблестных «нацгвардейцев» на территорию южных областей РФ. Здесь они, как побитые псы принимали лечение и питание, ничуть не гнушаясь «погаными москалями».

Отставим неуместную благость. Все гораздо глубже и серьезнее. Слишком многие на Украине сегодня хотели бы иметь «жизненный успех» а-ля агент ЦРУ Наливайченко.

Мы должны понять, что единственная политика, которую мы можем вести сегодня, — спасать всех кого можно спасти, помогать всем, кому можно помочь, всем, кто не попадает в категорию «коллективный Филарет». Разумеется, обеспечивать отстаивание свободы ДНР и ЛНР, как протоядра Новороссии.

По отношению же ко всему остальному, как бы горько это ни звучало, требуется тотальная изоляция. Жесткие и даже жесточайшие санкции. Завравшейся самой себе и всему миру

аморальной массе, ведомой негодьями и преступниками, необходима системная профилактика. Она должна сочетаться со сверхдозами информационных лекарственных инъекций, смыслового и идеологического антидота.

Нужна, разумеется, четко обозначенная позиция Московского патриархата по поводу происходящих событий. Невнятное отмалчивание и столь же невнятные призывы к миру (с человеконенавистниками) не могут задавать духовную систему координат. Надежды же хоть как-то продолжить церковную жизнь в условиях антирусской, антиправославной диктатуры призрачны. Чем дальше, тем больше служение под дулом автомата станет вырождаться в соглашательство со всеми пороками преступного режима, но главное — всё с тем же массовым предательством.

Совокупность названных мер может заложить предпосылки к медленному началу исцеления свидомых украинцев. Если, конечно, они не совершат последний грех Иуды и не придумают эффективного способа одномоментного самоубийства. Такого, например, как полномасштабная война с Россией.

Евгений ПАВЛОВ

О МЛАДОРУССКИХ

Младорусские — это новый этап развития русской цивилизации, жизни русского мира. Это русские, у которых в сознании угасает детерминизм (упрощенно — заданность, шаблон, обречённость, обусловленность), внесенные, впечатанные в сознание нашего великого народа после этнической войны 1918—1922 годов, которую до сих пор лживо называют гражданской. После этнической войны утвердилась политика государственной русофобии, была подведена мощная, разнообразная идеологическая и законодательная база

под русофобию. Распространялась под красивыми вывесками идеология иностранного чужебесия! Она привела к ослаблению русских и, в конечном счете, к расчленению исторической России в 1991 году. Распад государства нанес сокрушительный удар по всем антирусским теориям, в том числе и по детерминизму, подготовившему распад государства и сформировавшему антирусское сословие.

Сегодня многие младорусские не осознают своей новизны, но, освобождаясь от детерминизма и связанной с ним государственной русофобии, пронизанной чужебесием, они действуют творчески, используют голову по прямому назначению, как делали их предки, которые на гигантских пространствах трёх континентов, от Вислы в Центральной Европе до Юкона в Русской Америке, меняли экономическую и политическую географию мира. Постепенно включается в действие главный, опорный ресурс нашего планетарного народа — интеллект и врождённый оптимизм!

Младорусские уже не чувствуют себя песчинками в потоке истории, а чувствуют в себе возможности творить историю своего народа, чувствуют, что они, как и их предки, рождены для свободного созидания. Они ощущают животворную мудрость своих порывов, благочестие своего бунтарства. Они верят в себя и свой, самый многочисленный европейский народ! Они не верят в импортные теории и советников, которым ещё верит власть. Бунтовщики в Новороссии — это тоже младорусские! Нужно, чтобы все русские и все, кто живёт в русском монолите, стали младорусскими!

Люди не всегда своевременно обнаруживают и осознают перемены, часто действует коллективное бессознательное. Например, русские в массе своей перестали ходить на выборы. Если не регистрируются русские партии, со словом «русский» даже программу партии трудно зарегистрировать, русские активисты снимаются с выборов, против некоторых заводят уголовные дела, чтобы помешать их политическому росту — поэтому люди не идут голосовать. Но оскорблённая душа народа всё чувствует! На безрусских территориях со всем другой процент голосующих.

Коллективное бессознательное творит и возвышает национальную идею — справедливость и рост, гармонию русской жизни, свободную от влияния чужаков, семейную благодать. Русский образ жизни никогда не знал абортдомов, этих детских освенцимов, которые сегодня покрывают всю страну!

Свидетельство появления новых людей — многочисленные митинги, сходы, марши, пикеты, русские пробежки, возвращение Крыма, стихийный первохристианский оптимизм!

Явное пробуждение извечного русского архетипа — мужского в русской душе, запечатленного в богатырских былинах, старинах, сказах, в истории бесконечных битв. Сакральное, «коллективное бессознательное» неожиданно для власти победоносно сработало в Крыму!

Младорусские должны стать корчевателями, многие уже стали. Немало молодых, которые опровергают государственную русофобию, разлитую в энциклопедиях, учебниках, диссертациях, инструкциях экскурсоводов. Предстоит корчевание многих устоявшихся антирусских мифов. Нужна новая младорусская иерархия писателей, философов, всех деятелей культуры. Нужна новая терминология.

У младорусских гигантский, пока спящий многомиллионный резерв. Но по мере его дальнейшей активизации, Россия начнёт преобразаться.

РАЗРУШЕНИЕ РУССКОГО МИРА

Одной из главных задач «украинской революции» было посеять ненависть между двумя частями единого суперэтноса русов. Запад стремился сравнить между собой Украину и Российскую Федерацию. Это обычный и очень эффективный метод захвата «жизненного пространства». Части одного народа или близкородственные народы, не имеющие повода враждовать друг с другом, сталкиваются. Так, англосаксы в XX столетии дважды столкнули два великих индоевропейских (арийских) народа — русских и немцев, чтобы они в жестокой бойне расчистили для них место. В 1904 году англосаксы смогли сравнить Россию и Японию, хотя те не имели неразрешимых противоречий и могли мирно взаимодействовать на Дальнем Востоке.

В раннем средневековье Рим, который тогда был главным управленческим центром западной цивилизации, смог превратить поляков, которые в этот период практически ничем не отличались от русов, живших в Киеве и Новгороде, в свой «боевой таран». В результате Польша начала войну против своих братьев славян, которая продолжается уже практически ты-

сячелетие. В 1018 польский король Болеслав I Храбрый разгромил Ярослава и захватил Киев. Войско Болеслава, помимо поляков, включало немцев, венгров, то есть это было первое масштабное вторжение сил «Единой Европы» на Русь. Тогда оккупацию сорвало народное восстание, русские люди перебили интервентов, а их остатки бежали.

С помощью Польши, которая включила в свой состав Великое княжество Литовское и Русское и получила под свой контроль огромные территории западной и юго-западной Руси, хозяева Запада стали выращивать ещё одного боевого зомби — «Украину». Затем к процессу подключилась Австро-Венгрия, Германская империя и третий рейх. В середине XX столетия «эстафету» подхватили англосаксы. Процесс был долгим, несколько столетий враги русской цивилизации выращивали «украинцев» — русов, которые утратили языковое, ментальное и культурное единство со своим этносом и стали прислужниками хозяев Запада.

Мы же должны помнить наши родные слова — Русь и русский, должны помнить, что существовало государство Русь, а не «Украина», что Киев, Чернигов и Переяславль — древнейшие русские города. Что Юго-Западная Русь (Малая Русь) навсегда будет частью русской цивилизации. Враги могут её временно оккупировать, посадив своих гауляйтеров в священные русские города, оболванить значительную часть населения, но Киев без Великой России (русской цивилизации) немислим ни в коем случае. Мы рано или поздно восстановим территориальное и духовное единство русского мира.

Довольно долго эту тему старались обходить. Мол, неполиткорректно затрагивать этот вопрос. В результате слова «Украина» (от «окраина») и «украинцы» были узаконены. Укоренились в обществе. Более того, в «независимой Украине» создали целую мифологию о «древнейшем происхождении укров», которые жили чуть ли не во время Атлантиды и охотились на мамонтов. «Украинцы» якобы создали Киевскую Русь. Только позднее их захватила «тоталитарная Московская империя». «Москали» в этой предельно искаженной исторической картине — потомки финно-угров и монголов, у которых практически не осталось «славянской крови».

Без знания этого нельзя понять всю ущербность политики современной Российской Федерации в отношении Украины. Москва до сих пор говорит о «дружбе русских и украинцев», России и Украины. 23 года нас пичкали благими пожеланиями о дружбе и сотрудничестве «славянских народов». Хотя, как нам всем отлично известно, с 1991 года украинс-

кие власти взяли курс на холодную войну против России и «русскости», на вхождение в состав «семьи» европейских народов. И это при полной, граничащей с предательством национальных интересов и самоунижения, лояльности Москвы к своему недружественному соседу, который успешно ломал русскую и советскую основу Украинской ССР и дрейфовал в сторону Евросоюза и НАТО. И это при практически бесплатных поставках энергоносителей, существенную часть которых разворовывали украинские власти и олигархи. При сохранении экономических связей, которые более двух десятилетий поддерживали существование абсолютно искусственной украинской государственности. Фактически Москва кормила киевские власти, видимо, надеясь на лояльность.

Что мы поучили в ответ? Монстра! На развалинах Украинской ССР вскормили и взлелеяли зародыш «украинского рейха». Абсолютно враждебную и бескомпромиссную сущность, готовую воевать и убивать братьев по крови — таких же русов, которые сохранили свою идентичность. Если брать образы Толкиена из «Властелина колец», то нынешние «украинские патриоты» — это своего рода «орки» (испорченные эльфы). Они попали под власть врага, лучших из них столетиями истребляли, возвращая «украинскую идентичность», «нерусь».

Вот результат последних лет «независимой Украины» и учреждения Украинской ССР в 1919 г. Хозяева Запада могут быть довольны результатом. На планете появилась государственность, которая станет одной из самых русофобски настроенных в мировом сообществе. Она будет всеми силами стремиться в Евросоюз и НАТО. У значительной части «украинцев» на долгие годы РФ будет ассоциироваться с образом врага, причем врага ненавистного, который отнял Крым. «Москалей на ножи» — это теперь их лозунг. Единственной национальной идеей в условиях экономического коллапса, стремительного обнищания станет возвращение «оккупированных» Москвой земель и построение «великой Украины» от Карпат до Северного Кавказа. Это мы уже проходили, можно вспомнить примеры «великой Германии» и «великой Польши». «Украинский рейх» станет буферным враждебным государством, единственная цель которого — навредить России.

То, как необандеровцы и «украинские патриоты» поступают с памятниками советской эпохи, — это своего рода знак о будущем Украины. Уничтожая эти памятники, **они навсегда порывают со своим историческим прошлым, рвут историческую ткань**. Они отказываются от Великой Победы 1945

года, от советской империи и от Российской империи. Одно- временно идёт зачистка от «предателей», тех из представителей интеллектуальных кругов, которые не хотят порывать со своей советской или русской идентичностью. Их арестовывают, избивают и угрожают убить. Всё это мы уже видели в третьем рейхе, в Ливии и Сирии. Деградация везде выглядит одинаково.

Поэтому необходима категоричность в понятиях. Аморфность и расплывчатость в оценке «украинства» наносят большой вред.

Цель проекта «Украина» — это разрушение русского мира, культурный и этнический геноцид нашего народа. «Украинская нация» — это такой же миф, как и «донская нация», «этнические казаки», «сибиряки» и «поморы». Всё это на самом деле региональные части единого суперэтноса, которые враг пытается превратить в «особенные этносы».

Так, до Первой мировой войны большинство галичан, которые ныне являются социальной базой необандеровского движения, идентифицировали себя в качестве русских. Ещё раньше, в период существования Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, люди и в восточной, и в западной части Руси продолжали считать себя русскими, а свою землю называли Русью. В Великом княжестве Литовском существовали именно русские, а не «украинские» (или «белорусские») области, русские сановники сидели в литовском совете вельмож. До 1697 года правительство Великого княжества Литовского использовало в официальных документах русский язык, а не «украинский». Этническая принадлежность населения Западной Руси тогда не вызывала никаких сомнений, территории современной Белоруссии и Украины населяли русские.

Чтобы понять, откуда взялись «Украина» и «украинцы», достаточно придерживаться исторических фактов, не заменяя их на искусственные построения исследователей позднейших времен вроде такого идеолога украинства, как М.С. Грушевский (1866—1934), или историка Н.И. Костомарова (1817—1885), который ввел в отношении русского народа термины «великоросс», «великорусская народность».

Из ряда позднейших искусственных построений и родились знаменитые «три ветви» русского народа: «великороссы», «малороссы» и «белорусы». Их объявили отдельными народностями. Хотя до начала XX столетия они не оставили никаких следов своей деятельности в исторических источниках. **Причина проста — таких этносов никогда не было. Их придумали политики и общественные деятели.** Каждой части

суперэтноса русов дали названия исторических территорий, на которых они проживали — Малой, Белой и Великой Руси. Существовали и другие схожие регионы — Новая Россия, Угорская Русь, Прикарпатская Русь и т. д. Названия каждой «ветви» русского народа не несли этнического содержания, они лишь обозначали территории, населенные русскими людьми, которые в различные исторические периоды могли оказаться в разных государствах. К примеру, можно вспомнить «сибиряков» (русских, живущих в Сибири), или «поморов» (русских, живущих у Белого моря). От того, что они жили в определенном регионе русской цивилизации, они ведь не стали отдельным этносом.

До распада раннесредневекового Русского государства («Киевская Русь» — название условное, русские это государство так не называли, они говорили «Русь» или «Русская земля») ни Великой, ни Малой, ни Белой Руси не существовало. О них не упоминают ни письменные источники, ни народная память. Понятия «Малая» и «Великая» Русь зародились только в XIV столетии, не неся в себе этнографического или национального значения. Причем они зародились за пределами Руси, и долгое время ходили в узком кругу, не были известны народу. Возникли эти слова в Константинополе — столице Византийской империи, откуда долгие столетия управлялась русская церковь, бывшая «структурным подразделением» константинопольского патриархата. До «татарского» нашествия вся территория русского государства называлась в Константинополе «Русь» или «Россия». Назначавшиеся оттуда митрополиты именовались митрополитами «всая Руси».

Положение изменилось, когда Русь развалилась, и её земли стали захватывать литовцы и поляки. Раньше всех пала Галиция. Поэтому в целях отделения её от остальной Руси её стали именовать «Малой Русью» или «Малой Россией». Остальную, большую, часть Руси стали называть «Великой». По мере захвата других западнорусских земель наступил их черед стать «малорусскими». Киев относился к «Великой Руси» до 1362 года, когда его захватил великий князь литовский Ольгерд. Затем он вошёл в «Малую Русь».

Постепенно из греческих документов новые понятия проникли в русские, польские и литовские документы. Понятно, что первоначально никаких национальных различий между территориями не делалось. После присоединения значительных частей Малой Руси и Белоруссии царь Алексей Михайлович стал именоваться «всая Великия и Малыя и Белья России самодержцем», это говорило о воссоединении

всего русского народа, который проживал на землях Древней Руси, которые после развала получили новые названия.

Только в XIX веке в среде интеллигенции стали распространять идею о существовании «трёх ветвей» русского народа или даже трех «разных народностях». Народ же об этих изысканиях понятия не имел, и как во времена Древней Руси, все считали себя русскими. Это было характерно для всех русских, вне зависимости от места проживания. Другое дело — интеллигенция, в среде которой эти идеи нашли активных сторонников и процветали. К тому же искусственное разделение русского народа позволяло составлять революционные и сепаратистские планы. В первую очередь в распространении этой концепции были заинтересованы либералы, революционеры и украинские сепаратисты. Появились первые «украинцы», которые поверили в свою особенность и стали пытаться распространить свои идеи на окружающих.

В печати стали активно насаждать термины «великорус», «малоросс» и «белорус». Внимание акцентировали на различиях в быте, обычаях, особенностях одежды, местных говорах. Таким образом можно было создать не три «народа», а десяток-другой... Так, свои особенности имели практически все бывшие княжества и земли Руси — Рязань, Великий Новгород, Псков, Смоленск, Москва, Тверь и т.д. Следуя мысли «реформаторов», можно было выделить «народности» рязанцев, москвичей, новгородцев... Они также имели некоторые областные особенности в говоре, одежде, быте и пр.

Таким образом, была подготовлена почва для более коренной «реформы», которая позволила вырвать из тела единого суперэтноса русов почти треть его состава. После революции 1917 года троцкисты, которые были инструментом «финансового интернационала», директивно переименовали «три ветви» русского народа в «три братских народа», три отдельных самостоятельных нации. Это был страшный удар по русскому суперэтносу. «Малороссы» и «белорусы» вообще утратили былую русскость, а «малороссов» ещё и переименовали в «украинцев». Русскими стали считать только «великороссов». Причем термин «великоросс» упразднили, он стал уже не нужен.

Историю снова переписали. В советских учебниках и энциклопедиях Ростово-Суздальская (Суздальско-Владимирская) земля стала политическим и культурным центром русской (великорусской) народности, где в течение XIV—XV вв. сложилась «русская народность». К предкам русских отнесли племена кривичей, вятичей, северян и новгородских словен. Таким образом сразу убили нескольких «зайцев». Во-

первых, Древняя Русь оказалась за пределами русской истории. Русскую историю обрезали ещё на несколько столетий. Во-вторых, период Древнерусского государства населили некими «восточными славянами», хотя из исторических источников известно, что русские тогда называли себя «русами», «росами», как их назвали и соседние народы. Да и землю свою они называли «Русью». Из «восточных славян» вывели «три братских, восточнославянских народа».

Достаточно даже немного знать исторические источники, чтобы понять всю чудовищность этой концепции. В начальной Русской летописи под 852 г. сказано: «Наченшу Михаилу царствовати, почася прозывати Русская земля... при сем цари приходиша русь на Царьград». «Русская земля» постоянно упоминается в русских летописях. Ещё более ранние известия о Руси есть в европейских и арабских источниках. К императору Людовику прибыло посольство в 839 г., в составе которого были «русы». Арабский географ Ибн Хордадбах примерно в это же время сообщает: «Что касается русских (русов) — а они суть племя славянское, — то они направляются из самых дальних концов Саклаба (Славении) к морю Русскому (Черному) и продают там бобровые меха, горных лисиц, а также мечи». Во время похода русских войск на Константинополь в 907 году летопись сообщает «много зла творяху русь греком». В 911 году великий князь Олег подписывает договор с Византией. В тексте соглашения говорится о «русских князьях», «русском законе», «русском роде» и «русской земле»; отдельных людей называют словом «русин», во множественном числе — «русскими». Встречается и собирательное слово «русь».

В источниках нет ни слова про «древних укров», «украинцев», «малороссов» и «Украину». Нет и «восточных славян». Везде — «русы», «русские», «русины», «Русь» и т. д. Во всех документах нет ни следа «украинства». Арабский историк Масуди сообщает о походе русов в 910-е годы: «Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан и Абаскун». В 944 году великий русский князь Игорь заключает новый договор с Византией. Снова в документе встречаем всё те же выражения: «русская земля», «русские князья», «русские» и т. д. Византийские авторы часто писали «рус» как «рос». Отсюда позднейшие «Россия» и «российский». Князь Святослав во время встречи с византийским императором представился так: «Аз Святослав, князь Русский... и иже суть под мною Русь». Перед решающей битвой он говорил своим воинам: «Не посрамям земли Русской». Где «украинцы» и «восточные славяне»? Как жили

в Киеве, Чернигове и Новгороде тысячу лет назад русские (русы), так и живут.

В «Почуении» Владимира Мономаха, которого, как и других первых русских князей, на Украине превратили в «украинцев», сказано: «Аз, нареченный в крещении Василий, русским именем Володимир». Галицкий князь Роман Мстиславович назван в Волынской летописи великим и «самодержавцем всея Руси». Римский папа Иннокентий VII в грамоте от 1246 года называет Даниила Галицкого «королем Руси». Все источники, как русские, так и иностранные, называют наших пращуров «русью», «русскими» «русинами», «росами» и т.д. **Везде два ключевых слова — «русь» и «русский».**

В-третьих, в XX веке создали сразу две искусственные государственности — «украинскую» и «белорусскую». Самую же крупную часть русского суперэтноса вообще лишили государственности — учредили РСФСР, хозяевами которой объявили «сто наций и народностей». При этом русские составляли в ней тогда до 90% населения, да и сейчас составляют подавляющее большинство населения РФ.

В 1991 году Украина и Белоруссия стали независимыми государствами. **Русскую цивилизацию и русский народ разорвали на три части.** Причем на этом «реформаторы» не остановились. В Российской Федерации родили очередную химеру — неких «россиян». А за её пределами русских стали обзывать «русскоязычными» и «русскокультурными», национальность которых непонятна и размыта. Этаким «биологический материал», из которого можно лепить хоть «украинцев», хоть, скажем, немцев. Всё это привело к нынешней катастрофе на Украине, где игры в «украинство» вызвали рождение чудовища — зародыща «украинского рейха». Потомков победителей коричневой чумы самих превратили в неонацистов, ненавидящих окружающий мир и кругом видящих врагов, готовых резать «москалей», «жидов», поляков, немцев...

Чтобы не дать врагу окончательно расколоть единый русский суперэтнос, необходимо помнить о том, как жители Древней Руси времен Рюрика-Сокола и Святослава самоопределяли себя. Они не называли себя «восточными славянами», «малороссами», «великороссами», «южнорусской» или «северорусской» народностями, «украинцами» или «россиянами». Все эти понятия — изобретения нового времени. Русский народ изначально идентифицировал свою национальность как русскую и не делил её ни на какие «ветви» и «братские народы». Мы как были тысячи лет русами, так и остались ими.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОБОЛЬСКА

«Нет города, более картинного, чем Тобольск» — слова эти отдаются декабристу Дм. Завалишину, у которого в его долгой сибирской ссылке был и тобольский период. Но произносились они, эти слова, конечно, многими и многими, у кого не могло не захватывать дух при виде кремля из Нижнего города и необозримой, могучей картины, с какой устремляется от Тобольска Сибирь на восток — если смотреть с высоты тридцатисажженного кремля. Этот величественный исток полуношной страны, уходящей в поднебесную бесконечность, до сих пор для впечатлительных душ кажется таинственным, а что говорить о тех, кто всматривался туда, в эти широко распахнутые и таинственные ворота три-четыре столетия назад. До Бога высоко, до Царя далеко... Но Тобольск сумел встать так удачно, что и до Царя оказалось ближе, и до Бога ниже. В кабинете Петра Великого никогда не убиралась далеко карта Сибири, вычерченная специально для Императора тобольским умельцем Семёном Ремезовым. А если смотреть на Софийский двор из-под горы, трудно отделаться от впечатления, что храмы его не упираются в землю, а висят над

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

нею, устремив свои сосцы в небо. Из восемнадцати святителей, в земле сибирской просиявших, половина прославилась на Тобольской кафедре, и среди них чудотворец митрополит Иоанн, митрополиты Антоний, Павел и Филофей и архиепископы Нектарий и Варлаам. Абалацкая икона Пресвятой Богородицы (из Абалацкого монастыря близ Тобольска) прославилась своими чудесами исцеления и милостями с середины XVII века и вызвала массовое почитание и поклонение не только сибиряков.

Едва ли можно сомневаться, что сам Ермак Тимофеевич, одержав тяжёлую победу над Кучумом у Чувацкого мыса, не мог не заглядеться на высящуюся неподалёку красавицу гору и не прикинуть, что лучшего места для острога не найти. При татарах мыс при слиянии Тобола и Иртыша, высоко поднятый и просторно раздвинутый на две стороны, назывался Алафеевской горой. И когда уже после смерти Ермака письменный голова Данила Чулков в 1587 году спускался по воде из Тюмени, поставленной за два года до того и ставшей, таким образом, первым русским городом в Сибири, он знал, куда правил. Ладьи его приткнулись к крутому берегу под Алафеевской горой, и казаки без разведки принялись за разгрузку. Разгрузив струги, казаки взялись их разбирать, и потянули борта и днища в гору, чтобы пустить на острожное строительство. Отсюда и первое название острова — Тобольск-Лодейный. Поставили в Лодейном Троицкую церковь — гора стала Троицкой. С возведением на западной стороне мыса Софийского Успенского кафедрального собора появилось название — Софийский двор. А уж затем, когда отстроился город в камне, и обнесли Софийский двор вместе с Гостиным крепостной стеной в две сажени высотой, можно было без натяжки называть прежде Алафеевскую гору кремлём. В недобрые времена XX века захирел кремль, и умолкли его колокола, но названия своего он все-таки не потерял. И дождался — теперь Успенский собор снова «заговорил», да так, что слышно, должно быть, в самых дальних небесах, а в Софийский двор в родные стены вернулась епархия, называющаяся теперь Тобольско-Тюменской, с подчинением себе Тюмени. И, надо полагать, это только начало нового возвышения, духовного и культурного, а уж что последует дальше — надо подождать.

В течение двух веков Тобольск был городом легенд и необъятной власти, городом громких фамилий, которые направлялись сюда, и великих людей, которых дал Тобольск миру. Он стал столицей Сибири в 1590 году, только-только начиная отстраиваться, но подлинного могущества достиг

при Петре I. При великом батьке появляются и великие подвигники, подвиги и чудеса батьки словно бы наследственно передаются и им. При Петре Тобольская, или Сибирская, губерния включала в себя Урал и простиралась до Тихого океана, одна приняв в себя большую часть тогдашнего Российского царства из восьми губерний. Первым сибирским губернатором после воеводского правления назначен был князь Гагарин, в молодости стольник Петра, затем нерчинский воевода, судья Сибирского приказа, комендант Москвы. Это была незаурядная личность, властная, энергичная и барственная. Один из «птенцов гнезда Петрова». Благодаря его близости к Императору в Тобольске ускоряется каменное строительство кремля, развивается торговля, ремёсла, отовсюду идут сведения о сыскании руд, серебра, снаряжаются корабли на Камчатку и Курилы, по сибирским городам открываются гимназии и училища. Сибирь при Гагарине всё меньше походит на малосведомую страну, какой она считалась ещё накануне нового, XVIII века.

И вдруг отзыв в Петербург и позорная казнь князя Гагарина. За лихоимство Пётр взыскивал строго, но не до того же, чтобы повешенного перед юстиц-коллегией прославленного сибирского губернатора приказано было не снимать с виселицы, покуда не сгниёт верёвка.

И только позже стало проясняться, что прежде всего было вменено в вину Гагарину. Он якобы злоумышлял оторвать Сибирь от России. Едва ли Гагарин злоумышлял, характер Петра он знал прекрасно, и испытывать бы его не стал, но мог, мог вельможный сановник гаркнуть водимшимся у него зычным голосом: «Мы сами государство!» Мог и повторить под горячее настроение. Не случайно вскоре после этого Сибирь разделяется на провинции, а при Елизавете при губернаторах заводятся тайные комиссии. Без Сибири Россия уже и не представляла себя, Сибирь приучила её к лёгким доходам, она превращалась, а затем и окончательно превратилась в золотое дно.

Другой сподвижник Петра — Фёдор Иванович Соймонов, спасший в молодости будущему Императору жизнь и заступивший на сибирское губернаторство через сорок лет после князя Гагарина. Соймонов был серьёзным писателем. Одна из его книг так и называлась: «Сибирь, золотое дно». А уж он Сибирь знал действительно до дна. Соймонов при Бироне оказался оклеветан и судим, ему рвали ноздри и отправили в Сибирь на вечную каторгу. Помилованного при новой власти, его с трудом в лохмотьях отыскали близ Охотска, вернули поместья и награды и вручили в управление, дабы последний

стал первым, сибирское царство. Служба его была негромкой, но тоже памятной, и охватывала она, помимо непеременимых взысков и сысков, просвещение и продовольствование народа, устройство путей сообщения, а также облегчение участи раскольников. А в письменных трудах, кроме «Сибири, золотого дна», ещё и «История Петра Великого», «Краткое изъяснение астрономии», «Известия о торгах сибирских» и «Описание Каспийского моря».

Ещё один губернатор сибирский — Д.Н. Бантыш-Каменский — составил «Словарь достопамятных людей Земли Русской» в пяти томах.

Бантыш-Каменский, кстати, не удержался и, вероятно, из склонности к историческим изысканиям вскрыл в Березове могилу сосланного туда при Петре II и там похороненного сто лет назад светлейшего князя и генералиссимуса Александра Даниловича — Алексашки Меншикова. Должно быть, помня изворотливость и неуёмную энергию этого любимца Петра Великого, губернатор не удержался проверить, тут ли он ещё, не выкинул ли по своему обыкновению какой-нибудь ферт. Меншиков был на месте. В вечной мерзлоте он лежал как свеженький. «При освидетельствовании гробницы, — записал Бантыш-Каменский, — не было стечения любопытных, и сие не произвело ни малейшего впечатления на народ». Зато это произвело впечатление на Петербург, после декабрьского бунта Бантыш-Каменский был вызван туда, и почти семь лет находился «под ответственностью».

Если уж вспоминать достопамятных, благодатной деятельностью оставивших о себе прочный след в истории Тобольска и Сибири, то начинать следовало с архиепископа Киприана, возглавившего только что открытую в 1620 году под его пастырство епархию. Нравы среди казаков и вольноохочих, жительствовавших в Тобольске, за тридцать лет, прошедших от основания города, изрядно расшатались. Это позднее в Сибирь стали присылать православных жёнок для первопроходцев, а до епископа Киприана казаки сходились с дочерьми местных народцев без венца и креста, покупали их и продавали, как с огорода разносол, пьянствовали, не соблюдали постов, развлекались игрой в карты и кости — т.е. вольница во всём оставалась вольницей, а воевод это беспокоило мало, справлялась бы служба. Архиепископ Киприан сумел в годы если не полностью положить конец подобной распущенности, то, по крайней мере, сильно поприжать её и окончательно определить в грех и срам.

Заслугой преосвящённого надо считать и начало сибирского летописания. Почти сорок лет прошло от Ермака, и под-

виг его со товарищи стал обрастать легендами. Владыка Киприан призвал к себе оставшихся в живых участников похода, расспросил их о погибших и уцелевших в схватках за Сибирь и попросил оставить письменные свидетельства. Затем, после тщательных сверок, имена Ермака и его дружинников, павших в сибирском походе, были навечно внесены в синодик для церковного прославления. С 1686 года, когда выстроен был в кремле Софийский Успенский кафедральный собор, слава им воздавалась ежегодно в первую неделю Православия с возглашением вечной памяти. Более двух столетий звучала она, пока не смолкли в Софийском дворе после революции колокольные звоны.

«Царствующий град Сибирь» — так от начала Романовской династии величали Тобольск. Екатерина Великая поднесёт ему свой императорский трон. Только столица Российской Империи и столица Сибирского царства имели право принимать и отправлять посольства. Случалось такое событие в восточном граде нечасто, зато Москва, а затем и Петербург нашли применение Сибири как незаменимому месту ссылки и каторги. Через Тобольск прошли сотни тысяч кандалников, а самые именитые задерживались здесь и даже оседали. Первым ссыльным оказался угличский колокол, возвестивший при Борисе Годунове убийство царевича Димитрия. Декабристы, петрашевцы, среди них и Ф. М. Достоевский, поляки после двух польских восстаний, малороссийская знать, недовольная Москвой и Петербургом, и среди неё гетман Иван Самойлович, хорват Юрий Крижанич, во время тобольской неволи написавший «Повествование о Сибири», протопоп Аввакум, Радищев и Короленко... — кого только ни встречал-проводил Тобольск, кого только ни заносил в поселенческие списки и дорожные книги. В 1917—1918 годах в бывшем губернском доме восемь месяцев до отправки в Екатеринбург содержалась здесь под стражей Царская Семья.

Надобно заметить, что столичность Тобольска и вольный дух его, незаурядность правителей и ссыльных, как и незаурядность казачьего духа, ядрёное дыхание бесконечной глубины сибирского востока, появившаяся необходимость в новой, прежде не бывавшей в том краю деятельности, не могли не вызвать к жизни яркие таланты собственно тобольцев.

Художник В. Г. Перов, историк, автор двухтомного «Исторического обозрения Сибири» П. А. Словцов, автор бессмертного «Конька-Горбунка» П. П. Ершов, композитор А. А. Алябьев, сын гражданского губернатора Тобольска, автор более ста пятидесяти романсов на стихи лучших поэтов, в том чис-

ле неувыдаемого «Соловья». А ещё Д.И. Менделеев, четырнадцатый ребенок в семье директора губернской гимназии, давший миру периодическую систему элементов, мудрый учитель своих соплеменников, как надо любить и укреплять Россию. Многогранный С.У. Ремезов, живший во второй половине XVII и в первых двух десятилетиях XVIII века, зодчий кремля, художник, поэт и изограф, автор «Сибирской (Ремезовской) летописи» и труда воистину необъятного, но судом осиленного («с сыновьями», — добавлял С.У. Ремезов) — «Чертёжной книги Сибири», первого русского географического атласа. Переизданная недавно Общественным фондом «Возрождение Тобольска» «Ремезовская летопись», как и «Чертёжная книга...», производит могучее впечатление. Читаешь, всматриваешься и не можешь понять: да как можно было всё это собрать воедино, не ошибившись, как можно было с таким искусством вычертить и не заблудиться без путешествия! Чудеса, да и только!

Специально для Петра Великого Ремезов вычертил подробную карту Сибири, и она оставалась в кабинете Императора многие годы.

Для своей «Истории Сибири» Г.Ф. Миллер многое взял из «Ремезовской летописи». В Тобольске Миллер приобрёл и «Службную чертёжную книгу» Ремезова, позднее она также стала собственностью Царских Особ. В тёмные времена XX столетия, когда к истории российской относились как к сомнительного происхождения дальней родственнице, могила Семёна Ульяновича Ремезова в Тобольске была потеряна, имя его звучало совсем редко, а великие его труды и в каменном строительстве кремля и по сибирской истории упоминались лишь в архивах. И только к 350-летию Ремезова в 1992 году стараниями всё того же Общественного фонда «Возрождение Тобольска» и его председателя Аркадия Елфимова с большим трудом удалось переименовать в нагорной части города улицу Клары Цеткин в улицу Ремезова, а через год в кремле, где и положено, поставить ему памятник работы Олега Комова.

Первый удар по могуществу Тобольска нанесён был в 1838 году, когда Сибирь поделили на два края — Западный и Восточный — с центрами в Омске и Иркутске. Тобольск превратился в рядовой губернский город. Мало того — Московский тракт, главная дорога в Сибирь, от Екатеринбурга вышел на Тюмень, Ишим и Ялуторовск, оставив прежнюю сибирскую столицу в стороне, на выселках. Но имя её продолжало звучать и почтение ей оставалось ещё долго, вплоть до революции. Во второй половине XIX века, ещё до железных

дорог и авиации, Сибирь духовно и культурно была объединена лучше, чем впоследствии, когда от неё потребовали, прежде всего, рабочей выправки. А до того — открылся в Томске университет, блистала ещё Кяхта и делилась своим богатством на общесибирское дело, всюду, как грибы после дождя, появлялись музеи... Вот и Тобольску в год его 300-летия был подарен сибирскими купцами художественный музей... Но подходила к концу благотворная обычная жизнь, начиналась история. В 1918 году у Тобольска отняли родовое губернаторство, передав его Тюмени, туда же перекочевали сокровища художественного музея, умолкли церковные колокола, осиротел кремль. Тобольск стал терять и звучание своё, превратившись в обычный райцентр, и свою выправку и именитость города-памятника, города-труженика, неотменный ореол первопрестольного Сибири.

Теперь слава его постепенно возвращается обратно.

Памятник Ермаку был поставлен на Чукманском мысу в 1839 году, на следующий год после формальной потери Тобольском сибирского главенства. Случайно ли это? Нет, конечно. Административно город отходил на вторые позиции, а затем и вовсе в тень, но позиции духовные, исторические оставались при нём неизменно. Ермак встал как надёжный страж сибирского отцовства и славы Тобольска. Позже на помощь Ермаку Тимофеевичу пришли Семён Ремезов и Дмитрий Менделеев. В самые тяжёлые и опасные для России 90-е годы минувшего столетия точно из-под земли вырос в бронзе великий зодчий кремля — и кремль в те же годы вновь принял в свои стены епархию, а Патриарх всея Руси Алексей II дважды навещал Тобольск и назвал его третьим после Москвы и Петербурга духовным центром России. «Тобольск и вся Сибирь» — это сочетание стало звучать торжественно после того, как подробные очертания всей полунощной страны представил миру сын боярский Семён Ремезов. «Тобольск и вся Сибирь» — так называется свод выпускаемых вот уже несколько лет Фондом «Возрождение Тобольска» книг, отданных самым именитым сибирским городам и землям. В последние 15–20 лет в условиях самовывживания они отделились друг от друга почти так же, как это было в XVIII веке — и вот, именно Тобольск взял на себя право напомнить им о нашем неотменимом родстве и общей судьбе.

И уже привычным становится, что издательская деятельность Фонда — к познанию Тобольска, к познанию Сибири и «К познанию России» (название замечательной, но мало прочитанной у нас книги Д.И. Менделеева) — рассылаются сейчас безвозмездно по областным библиотекам.

Лучше всего обозреть Тобольск от Ермака, с Чукманского мыса. Справа праздничный и венценосный Софийский двор, слева Вершина, уцелевшая чуть ли не в средневековом строе деревянная улица в овраге вдоль сбегающей в город речки Курдюмки. А внизу — кружева и разброс деревянного посада, широко раскинутого и уходящего чуть ли не до Иртыша. Но первая линия обороченного на Кремль Нижнего города ещё именита и, несмотря на старость, величественна: каменные здания, храмы, ближе к базарной площади купеческие особняки, наполовину уже разрушенные и наполовину уцелевшие. Сразу, как спускаться по Никольскому взвозу вниз, стоит перед кремлём длинное приземистое двухэтажное здание, столь славное, что нельзя перед ним без благоговения не задержаться. Строилось оно в XVIII столетии, и продано было после пожара в кремлёвском наместническом дворце под резиденцию наместника, которым тогда был А. В. Алябьев, отец композитора. В нём, в этом доме, будущий композитор и явился на свет. В начале XIX века здание было перестроено под губернскую гимназию, в ней учился декабрист Г. С. Батеньков, а директорствовал И. П. Менделеев, отец великого химика и патриота России. Когда Иван Павлович Менделеев служил директором, у него учился П. П. Ершов, автор «Конька-Горбунка», впоследствии и сам ставший во главе гимназии, а у него, в свою очередь, проходил курс первоначальных наук сам Д. И. Менделеев.

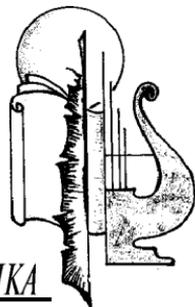
Таков Тобольск, такова его насыщенность громкими именами и деяниями. В нём, как в этой гимназии, как в этом родстве, всё так тесно и близко связано с самыми значительными событиями государства Российского, всё, казалось бы, из малого и местного непременно переходит в большое и великое, что этому приходится удивляться чуть не на каждом шагу, с робостью оглядываясь на настоящее: а мы? что же мы? Чем ответим на бурные и плодотворные начала и продолжения?

Ответим хотя бы проснувшейся памятью. А проснувшаяся память есть начало продолжения дела.

БЕССМЕРТНАЯ КОМЕДИЯ И ВЕЧНАЯ ИСТИНА

В 1824 году Александр Сергеевич Грибоедов завершил работу над комедией «Горе от ума». В том же году в альманахе «Русская Талия» были опубликованы (не без цензурных вмешательств) отрывки из первого и третьего действия. Впрочем, многим текст пьесы был известен по спискам, распространению которых активно способствовал сам автор. И так, ровно 190 лет творение русского гения волнует умы и чувства наших соотечественников. Сбылось пророчество Пушкина о том, что половина стихов пьесы должна войти в пословицы. «Служить бы рад — прислуживаться тошно», «Чины людьми даются, а люди могут обмануться», «Подписано — так с плеч долой!», «А судьи кто?», «Шёл в комнату — попал в другую», «Кричали женщины: ура! и в воздух чепчики бросали», «Уж коли зло пресечь: собрать все книги бы да сжечь», «Я... вам фельдфебеля в Вольтеры дам» — этот ряд выражений, быстро ставших крылатыми, можно продолжать до бесконечности.

Блистательный язык комедии не потерял свежести и в наши дни, служа мощной опо-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

рой родной нашей речи, которую сегодня теснит со всех сторон «общество нелюбителей русской словесности», предпочитающее «великому, могучему, свободному» продукцию новояза, безудержные иностранные заимствования, сниженную лексику, язык деклассированных групп.

Но, разумеется, не только гениальный язык «Горе от ума» — причина популярности комедии. У нее много других достоинств: умело вылепленные характеры, ставшие нарицательными образами (скажем, Молчалин), не оставляющая равнодушными зрителей интрига, конфликт поколений в лице Чацкого и Фамусова... Но даже продолжив этот ряд достоинств пьесы, мы едва ли приблизимся к разгадке ее популярности. Скажем, в пьесах Фонвизина или Мольера, как и Грибоедов работавших в рамках классицизма, в драматургических произведениях Островского интрига порой и позакрученней, чем в «Горе от ума», и характеры, ставшие символами (тот же Митрофанушка), и конфликты старого и нового (разрешающиеся порой трагически, как в «Грозе»). Да и приемы, на которых строится сюжет, нельзя сказать, чтобы всегда были изобретательны: и Чацкий, и Софья роковые для себя истины узнают вольным или невольным подслушиванием (отчасти автора извиняет канон классицизма, требующий единства места — приходится прибегать к помощи колонн и прятать за них действующих лиц).

В чем же секрет? «Никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха», — отметил Чаадаев в «Апологии сумасшедшего».

Неужели так? Но Петр Яковлевич, наверное, знал, о чем говорил: и про грязь, и про удивительную реакцию бранимой публики... А может быть, эта реакция на пьесу впервые обнаружила наше уникальное национальное свойство — смеяться над самими собой, причём смеяться зло? Больше того — смеяться вместе с теми, кто смеётся над нами, хуже того — насмешничает — в том числе над тем в нас, над чем смеяться нельзя. Розанов писал в «Опавших листьях», что у француза есть «добрая Франция», у англичан — «старая Англия». У немцев — «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия». Как же удивляться, что всякий русский с 16 лет пристаёт к партии «ниспровержения государственного строя».

А что в этой России видит путешествующий по ее необозримым просторам главный герой пьесы Александр Андреевич Чацкий?

*В повозке как-то на пути
Необозримою равниной сидя праздно,
Всё что-то видно впереди.
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый: вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто и мертво...*

Отдадим должное лирическому чувству Грибоедова, но всё же, какой обманчивый образ России предстает глазам его героя! Кажется: «светло, синё» и какое-то будущее впереди грезится. А присмотришься: «и пусто и мертво».

«Горе от ума» писалось в годы правления либерального Александра I. При нем продолжался «паралич церкви», начавшийся со времен Петра Великого. Создание Священного союза после Наполеоновских войн привело к официально навязываемой веротерпимости по отношению к инославным конфессиям: в Союз ведь входили также и страны, населённые католиками и протестантами. Веротерпимость и всеконфессиональность обернулась покровительством сектантам — особенно духоборам, молоканам и скопцам. Широко пропагандировались мистицизм и внецерковная религиозность. Стремительно возрождалось масонство. В 1810 году в Петербурге насчитывалось до 239 масонов плюс 25 почетных членов масонских лож. Примерно столько же было, скорее всего, и в других городах. Итого около 500 братьев. «По тем временам это была уже немалая сила», — замечает, приводя данную цифру, историк В.С. Брачев. Александр Сергеевич Грибоедов состоял в самой многочисленной масонской ложе Петербурга «Соединенные друзья». В отличие, скажем, от Карамзина или Чаадаева, он — по крайней мере, официально — никогда не порывал с масонством. В этой ложе, а также в подобных им, состояли многие декабристы: Пестель, Трубецкой, Волконский, Николай Тургенев, Никита Муравьев, Рылеев, Бестужев, Бестужев-Рюмин — всего 51 человек. А большинство этих лож входили в состав французской Великой Диктаторской Ложи, члены которой, как показал французский исследователь профессор Бернард Фея в работе «Франкмасонство и интеллектуальная революция XVIII века», «порвали с христианством и заменили последнее верой в темную мистику, науку и социальный прогресс. Местные ложи Великой Диктаторской Ложи и были главными организаторами революций в разных странах».

О связях Грибоедова с декабристами судить трудно. Если и были какие-то документы, отражающие такую связь, то Ге-

нерал Ермолов, получив высочайшее повеление арестовать Грибоедова, захватить все его бумаги и доставить с курьером в Петербург, дал своему любимцу время их уничтожить. Грибоедов был привезён в столицу, четыре месяца сидел на гауптвахте Главного штаба, несколько раз подвергался допросу. Следствие не нашло серьёзных доказательств принадлежности Грибоедова к тайному обществу. Об отношении к декабристскому движению автора «Горе от ума» говорит написанное, впрочем, уже после освобождения, его письмо к своему большому другу Александру Одоевскому: «Кто тебя завлек в эту гибель?! В этот сумасбродный заговор! Кто тебя погубил?! Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила...»

Не исключено, конечно, что арест и допросы, знакомство с показаниями подследственных, некоторые из которых (немногие, по счастью) оказались не в пользу Грибоедова, повлияли на его отношение к участникам «сумасбродного заговора».

Как бы то ни было, после освобождения Александра Сергеевича с бумагой от военного министра от 3-го июня 1826 года, в которой говорилось: «Коллежский асессор Грибоедов по повелению его императорского величества освобождён из-под ареста с выдачею аттестата, свидетельствующего о его невинности», общество не связывало автора «Горя от ума» с участием в Северном и Южном обществах.

Как на декабриста на Чацкого первым посмотрел Герцен. До 1868 года такой взгляд на главного героя пьесы просто не существовал. А ведь 44 года прошло. Потом-то советское литературоведение подхватит эту трактовку. Но ни Пушкин, ни Вяземский, ни Булгарин, ни Белинский, ни Гончаров, ни Аполлон Григорьев не увидели в Александре Андреевиче человека, который должен был выйти в следующем 1825 году на Сенатскую площадь.

Что говорили литераторы и критики о Чацком? А.С. Пушкин: «Что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напивавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Всё, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми...»

Вяземский, не отрицавший достоинств пьесы, обиделся на Грибоедова за Москву: она была совсем не той, какой ви-

дел ее Чацкий. В старой столице как раз было больше свободы мысли: «Вопреки Грибоедову и последователям, слепо поверившим на слово сатирическим выходкам его, оценка Петербурга и Москвы должна быть признана именно в обратном смысле, т.е. что в Москве было более разговоров и толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы и побуждения развлекаются и поглощаются двором, обязанностями службы, исканием и личностями. Оно так и быть должно: в Петербурге — сцена, в Москве — зрители; в нём действуют, в ней судят».

Белинский поначалу встретил пьесу резко: «Что за глубокий человек Чацкий? — говорит он. — Это просто крикун, фразёр, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий всё святое, о котором говорит... Это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади... Поэт не шутя хотел изобразить в Чацком идеал глубокого человека в противоречии с обществом, и вышло Бог знает что». Потом «неистовый Виссарион» смягчит оценку, ему откроется гений Грибоедова, но первому революционному демократу России и в голову не приходило делать Чацкого героем 14 декабря...

Можно продолжить цитирование оценок и многое найти в них интересного, но отыщем ли мы в них важнейшую — **оценку действия главного героя пьесы и других её персонажей с позиций христианской нравственности?** Чацкий может быть смешным шутком, благородным Дон-Кихотом, жертвой, борцом, обличителем, остроумцем, терзающимся, оскорбленным... Он резонер, он проповедник. Но нравственные портреты главного героя и других действующих лиц рисуются все же не только и, может быть, не столько в монологах Фамусова и Чацкого, имеющих прямой социальный адрес и укрепляющих презрение к России упомянутых Розановым выпускников университетов и гимназистов, сколько в замечаниях, нередко брошенных персонажами комедии вскользь.

«Грех не беда — молва не хороша» — говорит своей молодой госпоже Лиза. Чрезвычайно характерное замечание. Ловкая и умная субретка поняла, что лицемерие стало общественной нормой. Или вспомним, как Фамусов обращается к слуге Гришке: «Читай не так, как пономарь, а с чувством с толком, с расстановкой». Почему Павлу Афанасьевичу не нравится, как вычитываются богослужебные тексты? Надо полагать, потому что смысл их ему или непонятен, или скучен («будешь горе горевать, // за пальцами сидеть, за святами зевать», — грозит он Софье в финале комедии). Вера в нём (да и в его дочери) не вызывает живого чувства. Но положение требует бывать на похоронах и, следовательно, на па-

нихидах, на крестинах... «Я должен у вдовы у докторши крестить. // Она не родила, но по расчету // По моему должна родить». Безмужняя докторша должна родить? Это не коробит Фамусова, одного из столпов общества? А, кстати, почему будущий крестный отец знает примерную дату появления новорожденного на свет? Речь ведь идет не о расчетах сроков, сделанных докторшей, что было бы логичнее, а самим Павлом Афанасьевичем. Текст Грибоедова не дает места для вариантов по данной ситуации. Возможно, сатирик просто так развлекает зрителя? Но «просто так» для «Горе от ума» как-то не характерны. Да и в памяти еще Лизино: «Пустите, ветреники сами, // Опомнитесь, вы старики». На что барин кокетливо отвечает: «Почти».

Словом, в отношении к церкви и соблюдения заповедей Павел Афанасьевич Фамусов — весьма вольнодумец. Существуют, правда, для него и людей его круга связанные с церковными установлениями формальности, которые нельзя не учитывать, но нетрудно и обойти. Софья: «Съедутся домашние друзья // Потанцевать под фортепьяно. // Великий пост, так балу дать нельзя».

Разумеется, Грибоедов высмеивает здесь ханжество фамусовского общества. Но обратимся к главному герою, он ведь примет участие в этом вечере — его не смущают танцы в Великий пост.

Итак, Александр Андреевич Чацкий. Он «три года не писал двух слов // И грянул вдруг, как с облаков». Не с облаков, конечно: «Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, Верст более семьсот пронесся», — рассказывает Чацкий Софье о своем путешествии к ней. Примерно этому расстоянию соответствовала дорога из Питера до Москвы, проложенная во времена Петра. В Петербурге свили гнезда масонские ордена и руководимые ими тайные общества, целью которых является изменение государственного строя в России. Потому и несправедлив он к Москве, что его духовная столица — Петербург, где гнездились наследники Новикова и Радищева. Оставив за скобками вопрос, вышел бы Чацкий в декабре 1925 года на Сенатскую площадь («Горе от ума» написано годом раньше), нельзя не признать, что офицеры, решившиеся на восстание, симпатизировали главному герою пьесы, обличительный пафос его монологов был им достаточно близок.

В пьесе, правда, нигде прямо не говорится о принадлежности Чацкого к масонскому сообществу. Но прислушаемся к разговору, который Репетилов навязывает Александру Андреевичу, и иронические реплики последнего. Это же разговор профана с посвященным. Во-первых, Чацкий сразу разга-

дывает «тайну» Репетилова, задающего вопрос: «Зато спроси, где был?» И не может удержаться от иронии по поводу того, что в Английском клубе «Есть общество, и тайные собрания // По вечерам. // секретнейший союз...»: «Ах! Я, братец, боюсь. // Как? В клубе?» Ну, какие могут быть тайные собрания в клубе? «Вашей прогнать и вас и ваши тайны» желает недоумку посвященный. «Шумим, братец, шумим!» Здесь Александр Андревич чуть-чуть приоткрывается: «Шумите вы? и только?». Не шуметь, а делать нужно — вот подтекст этого диалога.

А что нужно делать? Вчера и сегодня — все то же. Массонская программа разрушения государства включает в себя разрушение государственных институтов («удары по штабам», говоря словами Михаила Горбачева, обращенными в наше время к шахтерам); разрушение армии, защищающей государство; разрушение семьи, как ячейки общества; минимизация влияния религии на общество.

Удары по штабам начинаются с рассказа Фамусова о екатерининском «вельможе в случае» — Максиме Петровиче. Память о веке Екатерины Великой была еще свежа. На троне сидел ее сын, поэтому двор матушки императрицы казался удобной мишенью для выстрела по самодержавию. Выстрел получился и произвел очевидное впечатление на общество.

Но, с точки зрения верности истории монолог Фамусова и ответное слово Чацкого едва ли выдерживает критику. Конечно, Максимы Петровичи — льстецы и подхалимы — были, есть и будут всегда. Но в чём, пожалуй, нельзя упрекнуть Екатерину, так это в том, что она не отличала людей, не ценила их по уму и достоинству. Недаром её эпоха дала плеяду замечательных государственных мужей. Шутом позволяя себе иногда быть Суворов, но то был Суворов! Державин однажды в споре с Фелицей сгоряча схватил матушку за фалду платья. Императрица великодушно извинила своего кабинет-секретаря. Да и сановники в XVIII веке умели держать себя с достоинством. Когда в 1763 году произошли крестьянские мятежи на заводах Казанской и Симбирской губерний, матушка-императрица, сняв опалу (впрочем, кратковременную) с генерала Бибикова, вызвала его из рязанской вотчины, пригласила к себе, чтобы дать поручение усмирить бунтовщиков. «Сарафан мой, сарафан, — отреагировал не лишенный чувства юмора Александр Ильич, — везде ты пригождаешься. А не нужен сарафан — под лавкой лежишь».

Следующий удар по штабам — монолог Чацкого «А судьи кто?». В нём целью для выстрела является социальный строй, очень уязвимый с его крепостным правом и торговлей людьми. А чтобы звук выстрела услышали в армии, есть строки,

посвящённые мундиру: «Мундир! один мундир! Он в прежнем их быту...» Благо, пришел защитник государства служака Скалозуб. Это не баловень судьбы, в полковники выбился из нижних чинов, он и по-французски-то не умеет: «Офицеров вам начтем, // Что говорят иные по-французски», с гордостью говорит он Чацкому о своей Первой армии.

Для полковника автор комедии не пожалел сатирических красок:

*В тринадцатом году мы отличились с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом...
За третье августа засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.*

Речь, заметим, идёт об офицерах армии, девять лет назад победившей Наполеона и освободившей Европу. Кстати, 3 августа 1913 года Силезская русско-прусская армия Блюхера и Ланжерона начала крупные боевые действия. В итоге отступающие французы оставили всю артиллерию, которую под проливным дождём захватили русские войска. Так что Скалозуб с братом, если и засели в траншею, то в ту, из которой только что выбили неприятеля.

И опять напрашивается аналогия с современностью: в 90-х годах прошлого века, когда разваливали Советский Союз, над армией издевались и глумились, как только могли, разрушая важнейшую скрепу государства.

А как быть с семьёй, важнейшей ячейкой общества в государстве, которое надо разрушить?..

Александр Андреевич Чацкий «верст больше семисот пронесся» и ворвался в гостиную к 17-летней девушке, с которой его связывала детская дружба, видит её весьма похорошевшей, в нем вскипает чувство. Он ждет ответного. А почему, собственно, она должна ему ответить тем же? Девушке надо было сохранять чувства, которые в Чацком не охладили «ни развлечения, ни перемена мест»? Может быть, и не охладили. Но... вспомним реплику, брошенную Молчалину на его предложение искать покровительство у некой Татьяны Юрьевны: «Я езжу к женщинам, но только не за этим».

Взаимная любовь предполагает верность, ведет к созданию семьи, рождению и воспитанию детей. На это у Чацкого своя формула: «Но чтоб иметь детей, // Кому ума недоставало». А вот образчик семьи, показанный Грибоедовым: старый друг Чацкого Платон Михайлович, еще недавно бравый офицер, попавший под каблук своей жены Натальи Дмитриевны: «Брат, женишься, тогда меня вспомнянь! // От скуки

будешь ты свистеть одно и то же». Словом, неверность — любви не помеха, а семья — скучная обуза. События сегодняшнего дня, когда проповедуется полная свобода в отношениях полов, а семью настойчиво и систематически разрушают, кажутся закономерным развитием интенций, обозначенных в пьесе Грибоедова 180 лет назад.

Наконец, вера — духовная основа личности, скрепа русской нации. Каково к ней отношение Чацкого? Вспомним его знаменитый диалог с Репетиловым. Последний в экстазе самобичевания рассказывает о себе: «Пил мертвую! Не спал ночей по девяти! Всё отвергал: законы! совесть! веру!» При последнем слове Чацкий раздражено бросает собеседнику: «Послушай! Ври, да знай же меру; Есть от чего в отчаянье прийти...»

Почему-то упоминания о вере и о Боге выводят из себя Александра Андреевича. Пылкие душепризнания Репетилова: «Пускай умру на месте этом, // Да разразит меня Господь» Чацкий грубо обрывает: «Да полно вздор молоть».

Заметим, что подобные замечания героя популярной пьесы не коробили слух зрителя и воспринимались, видимо, с пониманием, а то и сочувствием.

Не говорит ли это о том, что общество тогда уже было готово отойти от Церкви, чему небезуспешно способствовала набравшая силу масонская пропаганда, многочисленные сектантские проповедники. Секта духоносцев, например, распространяла пользовавшиеся популярностью «мистические книги» в которых, как отмечал протоиерей Георгий Фроловский «можно было прочесть о тьме нелепостей и суеверий, называемых греко-католическим восточным исповеданием».

Впрочем, надо отдать должное, Грибоедов не заходил так далеко, чтобы его можно было упрекнуть в отрицании Православия. В пьесе звучит тема борьбы с низкопоклонством перед Европой. Прекрасен монолог Чацкого в конце III действия. Приведу несколько строк:

*Я одаль воссылал желанья,
Смиранные однако, вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья,
Чтоб искру заронил Он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою возжой,
От жалкой тошноты по стороне чуждой,
Пускай меня объявят старовером...*

Здесь, конечно, в Чацком вполне выговаривается русский человек и он, заметим, признаётся, что обращается к Госпо-

ду. Герой пьесы в этом монологе рассказывает случай, действительно происшедший с Грибоедовым в Петербурге в 1816 году и послуживший импульсом к созданию великой пьесы.

На одном из светских вечеров он был поражён тем, как вся публика преклоняется перед иностранцами: она окружила вниманием и заботой какого-то болтливового француза. Оскорбленный Александр Сергеевич не сдержался и выступил с обличительной речью. В это время кто-то из публики сказал, что Грибоедов безумен. Слух о его сумасшествии был пущен по Петербургу. Монолог Чацкого, увы, тоже, как и в описанном случае из жизни автора, произносится в пустоту — все оставляют его: с величайшим усердием кружатся в вальсе или сидят за карточными столиками...

Но, отдавая должное патриотизму Чацкого, стоит заметить, что его пожелание изоляционизма:

*Ах, если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Их мудрого незнания иноземцев... —*

соответствовало тогдашней масонской идеологии, в частности ордена розенкрейцеров. Отдельные ложи выступали за национальное обособление. Священный союз европейских монархов стоял преградой развитию революционного движения — изоляционизм был призван ослабить их соединенную мощь.

Комедия «Горе от ума» — произведение идеологическое. Автор создал гениальную пьесу, отражающую масонскую антихристианскую идеологию и горячо воспринятую либеральной частью русского общества. В пьесе убедительно показано оскудение веры, засилье лицемерия и фарисейства, пороки чиновничьей бюрократии. Но правда здесь талантливо и страстно нередко служит неправде. Что же касается Александра Андреевича Чацкого, то он, с одной стороны, отрицает фамусовское общество, с другой — ищет контакта с ним: ведь Софья типичный представитель того круга, с которым герой пьесы в конце концов гордо порывает («Довольно! С вами я горжусь моим разрывом!» — говорит он той, кому еще сегодня признавался в любви); и, как точно отмечает И.А. Гончаров, «кипит бешенством»:

*Теперь не худо было б сряду
На дочь и на отца
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.*

Здесь поистине люциферианский взрыв ненависти, здесь язык демона, который, подобно герою поэмы Лермонтова, «все живущее клянёт». Понятно, из чего он возник, этот взрыв, где копилось взрывчатое вещество ненависти, вырвавшееся из эгоистического сердца, вдруг полюбившего и отвергнутого. Любовь бессмысленна, семья — обуза. Вера — не нужна. Армия, общество, государство — все достойно лишь разрушения.

«Горе от ума» произведение сложное, полное неразгаданных до конца смыслов. Идеологические штампы, восходящие к Герцену, мешали и мешают до сих пор непредвзято оценить гениальную пьесу во всем ее противоречивом многообразии. С «Горе от ума» начинается критический реализм (куда более критический, чем реализм пушкинский, давший свободу не столько отрицать, сколько «смотреть на вещи без боязни»). Дух отрицанья, живущий в Чацком, пожалуй, посильнее «байроновского мятежа и муки отчужденности гордого человека» (Вячеслав Иванов). Окажутся ли пророческими слова Гончарова: «Русская литература никогда не выбьется из круга, очерченного Грибоедовым», и прав Солоневич, видевший в классиках русской литературы виновников Октябрьской революции?

Поживи Грибоедов дольше, он, может быть, сам бы разрешил этот вопрос. Он не ждал скорой смерти. «Я два месяца как женат, люблю жену без памяти», — писал Александр Сергеевич перед отъездом в Тегеран. Грибоедов искал себе достойное поприще и нашел его — поприще дипломатическое. «Мало надеюсь на свое умение, и много — на русского Бога... У меня государево дело первое и главное, а мои собственные ни в грош не ставлю». Разве прежний Грибоедов, автор разоблачительных монологов мог такое сказать? «*В душе его*, — отмечает современный историк Константин Ковалев-Случевский, — *зарождаются новые чаяния, радостные предположения, неясные надежды. Он о себе пишет, что стал «неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожим на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже».* «С каждой луною, — добавляет он, — со мной сбывается что-нибудь, о чём не думал, не гадал»... Вот какого Грибоедова — «не похожего на себя прежнего» — мы потеряли. Ещё неузнанного».

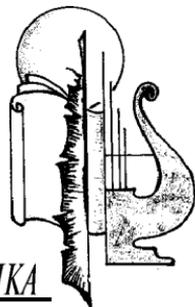
ЕСЛИ БОГА НЕТ В СЕРДЦЕ...

Отклик на статью «Отрицательная литература»

Прочитала в №10 «Молодой гвардии» статью поэта, главного редактора журнала Валерия Хатюшина «Отрицательная литература», и вот какие мысли она мне навела.

Не помню, с каких пор, но если по прочтении новой подборки, даже одного стихотворения любого поэта во мне вызревает ощущение, что «Бога здесь нет», то всё остальное в этой поэзии мне неинтересно, теряет всякий смысл. Зачем мне знать, как автору любилось, болелось, стенолось, жилось и так далее, если «Бога нет»? Зачем мастерство, оригинальность, свежесть, точность рифмы и так далее, если «Бога нет»? Зачем талант огромный, выразительность, метафоричность, образность — если «Бога нет»?

Причем слова эти — Бог, Господь, молитвы, иконы — еще не означают, что Бог в душе поэта есть, что человек с Богом в сердце пишет. Как ни относишься к Цветаевой, но она могла переиграть перед другими, а перед собой, садясь за тетрадь, не играла, когда пи-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

сала сверху страницы: «Дай Бог!». И не рифму просила, не слова или строки, как она сама объясняла, а силу **со-творить** его, этот стих...

В творчестве важно устремление к Истине. Если этого устремления нет, это отрицательная литература, отрицательное искусство. У нас, в Липецке, недавно была встреча с «московскими писателями», так они настолько были циничны и скептически, что ничего, кроме отрицательной литературы, из-под их холодного пера и не могло выйти. И не выходит. Что их несколько не огорчает. Ибо не высокой Истиной ведомы, а, к примеру, тем, чтобы на каждой странице было что-то неожиданное, непредсказуемое, забавное. Так и «волокут» читателя за собой до конца книги, захлопнув которую он не то что не понимает, зачем ему надо было это читать, а и не помнит, о чем она вообще, эта книга.

Не стеснялись либеральные литераторы признаваться, что им вообще не важно, ради чего и для кого писать. Они пишут для себя, а читать вообще должны лишь избранные, «тонко-рукие эстеты», «праздник класс», ибо все остальные должны не читать, а работать — печь, тачать, слесарничать и хлеб выращивать...

Какой там дух, какая истина, какая нравственность: лишь бы доступно и легко читалось. Вот таких писателей приглашают к нам из столицы руководители культурной сферы, центральной библиотечной системы города, платят им «бабло» — иначе зачем приезжать, если им читатели не нужны, а если и нужны, то не такие, как одна старая библиотекарша, выступившая на встрече против такого снобизма залетных «литераторов».

— Я знаю тракториста, — сказала она обиженно, — который читает серьезные, глубокие книги.

— Вот потому у нас такое сельское хозяйство и такая экономика, — парировал некий *очень русский* писатель Александр Абрамович Кабаков. — Стендаля читали вместо того, чтобы хлеб сеять... Это же ненормально, так страна дошла до ручки и развалилась...

Можно представить себе, что за «литературу» они создают. Да что там представить — пришлось и почитать кое-что из того же Кабакова: надо же знать, с кем имеешь дело. А после знакомства с этой беспорядочной и непорядочной литературой у меня родился афоризм: «К стыду своему, прежде я Кабакова не читала. Теперь, к стыду своему, прочитала...»

Но возьмем другой «лагерь», тех, кто всё-таки думает о читателе, не обделен талантом и даже наделен им сверх меры,

если так можно выразиться. Но что такое талант, дар Божий — без Бога?! Пустое, выхолощенное словотворчество, будь оно хоть трижды выдающееся. Потому что оно — бессмысленно.

Да, Истину нельзя знать, формулировать, препарировать, утверждать, но быть к ней устремленным писатель должен, иначе его неизбежно понесёт в обратную сторону. Но кто не с Богом, тот против Него. По-другому ведь не бывает. И над Ним, наравне с Ним — тоже не бывает. Это и впрямь гордыня, увлекающая от Бога...

Наверное, дело не столько в литературе, сколько в самом писателе, человеке. И в самые смутные, безбожные времена жили в России православные верующие люди, устремленные к Богу, ходили в церковь, молились. И Женя Родионов, не снявший Креста, вырос в атеистическом обществе.

Так и писатель. Если он дышит, живет Православием, не ханжа, а истинно верующий человек, то и писателем он будет если не духовным, православным (хотя почему бы и нет?), то с Богом в умном добром сердце, и божественным будет наполнение его творчества.

Да, иные не воцерковляются или слабо воцерковляются, тут, конечно, и ритм жизни сказывается, и несоответствие общественного, государственного «режима» церковному календарю. Да, и верующий писатель может ошибаться. Но в нем нет гордыни, своеволия, категоричности, превосходства, высокомерия — тех грехов, которые отвращают его от Бога и от людей. Если он живет с любовью в душе, то с каждым шагом, с каждым словом, с каждым своим вздохом не удаляется, а приближается к Богу.

Да, есть опасение, что даже такой писатель, такой поэт своим творчеством может принести людям больше вреда, чем пользы. Он же не воцерковлен, он может ошибаться, он может искусить, соблазнить слабого духом, слабо верующего читателя.

И всё же насколько это повод отказать литературе, культуре в существовании, отлучить людей от душевной, но не духовной в полном смысле этого слова литературы? Не потеряет ли мир вообще всякие гуманные ориентиры, погрязнув в той самой бездне греха, откуда к спасению души никогда не выбраться?

Думаю, что духовную, душеспасительную литературу нельзя сотворить в одночасье, вдруг. Даже святые, старцы, монашествующие проходили свой путь до создания молитв, духовных песнопений, житий, духовной литературы. И это в России, которая и образовалась-то, объединилась, прибав-

лялась, сохранялась, защищалась и веками, тысячелетиями жила Православием.

Что же говорить после столетия отлучения людей от Церкви, после атеистического столетия? Путь каждого писателя — тем более не духовного звания, мирского, светского — к Богу тернист, долог, болезнен. Сколько надо преодолеть в себе, сколько понять, сколько прочитать, сколько исповедаться, каяться, мучиться, страдать, думать...

А неписателю?! Ведь и читателю тоже нужно пройти свой путь до духовной литературы. Он же тоже светский, страшно мирской человек. Ему тоже нужны вешки: туда ли он идет? с теми ли? Душевная, добрая, устремленная к Богу литература ему помогает в определении, поиске, преодолении верного пути. Ведь в любой дороге человеку нужна помощь, поддержка.

Да, ни посох, ни краюха хлеба и кружка воды, ни кров от непогоды, ни совет и даже молитва сами по себе не приведут к цели его путешествия, но поддержат в пути, придадут силы, укрепят дух. А если еще найдутся добрые спутники, на которых можно опереться в горести и болезни, то тем более не дадут пропасть, не бросят на дороге.

Это я к тому, что добрая литература — это и посох, и вода, и хлеб, и даже спутник, которые ведут к молитве, к Евангелию, к Богу.

Кстати, вот появилась в липецкой поэтессе — хотя почему липецкой? — русской поэтессе Алле Линёвой, с которой я дружна много лет, устремленность к Богу, пришла она к серьёзной духовной литературе, выросла в метафизическом плане — и пишет уже совсем по-другому: не так быстро и споро, не так чувственно, не так эффектно, но глубже, чувствительнее, мудрее. Это ее путь, и она никогда не пришла бы к тому, чего достигла в духовном росте, без своего творчества, без своей поэзии. Но вместе с ней, за ней идут и ее читатели. Им еще идти и идти, но они идут. В том числе и благодаря тому, что она пишет.

Однако дай ей духовную литературу какое-то время назад, до которой она не дошла, не «созрела» душой, вряд ли это что-то изменило бы в ней. А идя в своем творчестве и в своей жизни к Богу, устремляясь к Нему, она и читателей подтягивает, ибо они тоже бывшие советские и простые светские люди. И сама становится по-настоящему верующим человеком, и искусство свое всё более и более подчиняет *высшим религиозным задачам*, Православию.

Я могла бы рассказать и о себе, о своем пути, но это было бы еще более подробно и мучительно. И вот после

этого читаю я легковесные, игроподобные стихи многих и многих поэтов, в которых «Бога нет», и не могу понять, как можно в их адрес источать какие-то похвалы, отмечать какие бы то ни было достоинства, когда там нет — главного?!

И мучаюсь, и никак не пойму, что же это такое происходит в нашей литературе, почему не только либеральные стихотворцы, но и наши живые «классики» — работающие вроде бы в традициях русской душеспасительной литературы, стоящие вроде бы на патриотических позициях, не говоря уж о совсем пока не состоявшихся молодых «ватылях» стихов и прозы, — не отдают себе отчета в том, на чём же стоит-держится русская земля и русская поэзия, литература...

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2014 год

(Апрель — август)

В декабре прошлого года я несколько дней находился с выступлениями в Санкт-Петербурге. В последний свободный день я побывал в Русском музее, а там, как нарочно, оказалась большая выставка работ Казимира Малевича. Ради любопытства я решил зайти на нее. Вот уже почти полгода прошло, но чувство омерзения, охватившее меня тогда, не утихло до сих пор. Раскрученный еврейскими журналистами, не создавший в прямом смысле н и ч е г о, этот абсолютный бездарь и шарлатан, каких, впрочем, немало среди подобной публики, добился мировой известности. Издеваясь над всем, к чему ни прикасался, и в душе над всеми хохоча (о природе подобных душ — особый разговор), этот полупсихозфреник и полудегенерат придумал даже теоретическое обоснование своему издевательски сатанинскому «искусству» под названием «супрематизм». Высшим достижением этого идиотического бреда являются известные на весь мир чёрный и красный квадраты (кло-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

нированные в такого же цвета другие геометрические фигуры — треугольники, круги и т.п.). Но поражает даже не это. Амбициозных шарлатанов и шизофреников во все времена хватало. Поражает зомбированное, упёртое стремление вроде бы нормальных людей тупо вестись на эту «искусствоведчески объясненную» шарлатанскую дурь.

* * *

Парламентская ассамблея НАТО решила прекратить сотрудничество с нашим парламентом. Это можно только приветствовать и этому можно только радоваться.

Россия столько лет стелилась под Америку и так долго смотрела Западу в рот, что теперь, после возвращения себе Крыма, ее изгоняют из многих американско-европейских организаций. И это для России очень положительный фактор. В этом явно прослеживается воля Провидения. Это, может быть, заставит российскую власть стать вполне самостоятельной и реально отстаивающей национальные интересы. А наши национальные интересы, как ни крути, как их ни камуфлируй, — это русские интересы и никакие другие. То есть Запад собственными руками, по собственной дурости, происходящей от собственной наглости, заставляет Россию становиться сильнее в моральном и духовном смысле.

Чем злобнее и бесцеремоннее по отношению к нам Запад, тем сильнее, выше, спокойнее и победнее мы по отношению к нему. Лет пятнадцать назад в одной из своих статей я сказал о том, что рано или поздно из Совета Европы нам все равно придется выйти. Всё идёт к тому. Дай-то Бог!

* * *

Киевско-западэнские дебилы бесновались на майдане, чтобы якобы изгнать коррумпированную власть. Януковича изгнали. «Беркут» распустили. «Небесную сотню» отправили в иной мир. Премьером поставили ушастого кролика Яценюка, а главным кандидатом в президенты запустили еврейского олигарха Порошенко...

* * *

В начале апреля поднялся юго-восток Украины — Донецк, Харьков, Луганск, Николаев... Восставшие заняли здания администрации своих городов, объявили о независимости от Киева и обратились за помощью к России. Жидо-нацистская киевская хунта, захватившая власть вооруженным путем, бросила на них внутренние войска, западэнскую милицию, боевиков Яроша и американских наёмников. Пролилась кровь.

Как я уже не раз писал, Путин после Крыма не сделает ни шагу, ни одного движения для защиты русских на Украине и в Приднестровье. Да и Крым он вернул России **вынужденно**, т.к. если бы он этого не сделал, то опозорился бы **на все века** перед русским народом. Но Крымом он наелся **досыта**.

* * *

Украинство — это сплошной комплекс неполноценности, ставший за многие годы национальным комплексом целого народа. И теперь избавиться от этого комплекса возможно будет только в одном случае — при исчезновении Украины как государства. Украина, несомненно, исчезнет, она не имеет исторической перспективы, а вместе с ней исчезнет и комплекс неполноценности украинцев. Ведь нет же никакого национального комплекса у тюменцев, поморцев, вятичей, новгородцев и т.д. Они станут не украинцами, а киевлянами, запорожцами, полтавчанами и т.д. — то есть гражданами Великой России.

* * *

Киевская нацистско-самозванная власть — это враги Украины. Они делают всё, чтобы ее не стало. И той, прежней Украины больше не будет никогда. Ее убивали все прежние президенты, а нынешняя еврейско-хохлятско-бандеровская хунта ее добьет окончательно и навсегда. Так, видимо, было предназначено свыше.

Несостоявшееся государство, как и несостоявшийся «украинский народ», потерпели историческое поражение, и все разумные люди в конце концов должны будут это признать. Сами украинцы привели к власти своих могильщиков. Комплекс этнической неполноценности, замешанный на злобе, зависти, лжи и невежестве, не способен создать полноценную нацию. Доведенный до абсурда и возведенный в национальную идеологию, этот комплекс в лучшем случае становился темой анекдотов, а в худшем — вызывал отвращение.

Да, мы любили украинские песни, мы переводили на русский язык сентиментальные стихи украинских поэтов, благодаря чему они становились известными как в России, так и в других странах. Но когда на Украине закрывали русские школы, украинцы или молчали, или аплодировали. Когда киевская фашистская хунта запретила русский язык, ни один украинский писатель публично не выразил протеста, а простые украинцы опять или промолчали, или обрадовались. Когда бандеровские отморозки из «правого сектора» избивали и убивали русских на улицах украинских городов, ук-

раинцы вновь промолчали. Трусость, псевдонациональное убожество и комплекс неполноценности задавили в них элементарную человеческую солидарность. Они и впрямь ведут себя не как братья. Но со временем с помощью России они выздоровеют.

* * *

Америка всегда и во всём ведет свою геополитическую игру и проводит только свои корыстные интересы. Мораль для Америки — понятие смехотворное. Европа же, как американская дворняжка, в международных делах руководствуется лишь одним принципом и одним чувством: хорошо всё то, что вредно для России. Генетическая ненависть к России — это единственное чувство, которое является для Европы стимулом к существованию. И те российские руководители, кто этого не знает и не понимает, при взаимоотношениях с Европой будут всегда проигрывать.

* * *

Украина кончилась. Нет больше государства под названием «Украина». Случилось это даже раньше, чем мы думали. Юго-восток фактически уже ушел от нее и к ней не вернется. Восставший народ взял власть в областных городах — Донецке, Луганске и Харькове, а также в районных — Мариуполе, Енакиеве, Харцызске, Артемовске, Славянске, Краматорске, Иловайском, Макеевке, Снежном, Дружковке и Красноармейске. Киевская преступная проамериканская клика объявила этим людям войну и бросила на них войска и тяжелую военную технику — танки, бэтээры, пушки, боевые вертолеты. Я ведь не зря писал, что вся эта киевская еврейско-хохлятская банда сошла с ума. Их ненависть к России и к русским затмила им разум. А вернее говоря, Бог лишил их разума. И дьявол вместе с дьявольской страной, США, толкают этих безмозглых дегенератов в пропасть, из которой нет выхода и нет пути назад. Они **уже** в этой пропасти. В ближайшие месяцы их или арестуют, или начнут отстреливать, или они сбегут за границу. Ясно одно — конец их плачевен. Самые хитрые из них сбегут первыми.

* * *

Головорезы киевской хунты, по словам Путина, «совсем сбрендили». Мало того, что они бросили против русских юго-востока танки, пушки и реактивные установки, вдобавок они решили всех взрослых русских мужчин вообще не пускать через границу так называемой Украины, даже если у них близ-

кие родственники живут на этой самой так называемой Украине. На границе их уже разворачивают назад. Нет, хохляцкие фашисты не просто сбрендили. Сбрендившими они были и раньше. Но теперь, урвав в своей столице бандеро-фашистскую власть, они отрываются по полной программе, как отрывается распоясавшийся дебил, видящий за своей спиной еще более наглых и еще более отвязанных дегенератов.

Да, вновь фашистские танки утюжат русскую землю. Этническая война, разожженная укронацистами, миром уже закончиться не сможет. Слишком многое она обнажила, слишком многое уже сказано с обеих сторон, слишком ясно она открыла глаза русскому народу в бывшей Украине. И сколько бы ни велись переговоры на самых высоких уровнях, сколько бы большие дяди ни пытались обе стороны примирить, мира между ними не будет. С укрофашистами русские люди вместе существовать не смогут. Сейчас или позже граница между ними пройдет по Днепру.

19 апреля, накануне Пасхи, по улицам Одессы прошла грандиозная демонстрация. Казалось, на нее вышел чуть не весь город. Неся российские флаги, люди скандировали: «Одесса — русский город!», «Одесса — город-герой!»

Но вот в Киеве, который называют «матерью русских родов», была другая картина. «Город-герой» Киев никаких русских демонстраций не проводил. Население Киева, забившись в свои квартиры, помалкивало. Этот «город-герой» трусливо проглотил хохляцко-бандитский майдан и оккупацию галицийскими нацистами. А ведь Киев — русскоязычный город. Куда же подевались там русские люди? Почему они сохранились на юго-востоке Украины, в Крыму и в Одессе, а в Киеве — нет? А вот почему. Потому что в Киеве они ожлобились, охохлятились и орусофобились. Потому что в Киеве стало выгоднее и удобнее быть русофобом и майдонутым самостийником. А свои русские корни для этого надо забыть, а еще лучше проклясть. И когда к ним пришли бандеровцы, киевляне на каждом шагу всем своим видом стали показывать: мы ваши, мы с вами, мы ненавидим москалей... Так выгоднее, удобнее и спокойнее за свою дешевую предательскую школу.

Киев, сдавшись сопливым бандеровцам и безмозглым укрофашистам, утратил и опозорил свое звание города-героя.

Нападение в Пасхальную ночь, 20 апреля, «правого сектора» на блокпост возле города Славянска Донецкой области и хладнокровное убийство русских людей говорит о том, что украинские фашисты не только не православные, но и вообще не христиане. И это случилось сразу после подписания Женевского соглашения о недопущении насилия на всей территории «Украины».

Киевская еврейско-хохлятская хунта может записать еще одно злодеяние на свой счет — подлое, мерзкое, циничное. «Правый сектор» стал ее «национальной гвардией», а смрадный майдан — «легитимным» органом ее безумной самозванной власти. Бандитская хунта, видимо, хочет свою «гвардию» повязать кровью, чтобы у нее не было пути назад. Армия воевать со своим народом не желает. И нацистская «гвардия» — это единственная опора бандитской хунты. Но у безвольной, полуразложившейся армии есть только одна возможность оправдаться перед Богом и перед Судом истории — направить оружие против преступной хунты, прийти в Киев и арестовать ее повязанных кровью главарей.

Нужно напомнить, что 20 апреля — это еще и день рождения Гитлера. И украинским фашистам захотелось его отметить...

* * *

Для украинцев есть только одна возможность вновь сделать Крым своим — это стать гражданами России.

* * *

30 апреля. Фашистская клика заставила русских на востоке Украины самоорганизоваться и вооружиться. Среди них нашлись лидеры и герои, а народ двух областей — Донецкой и Луганской — оказался настолько духовно сильным, национально стойким и удивительно смелым, даже отчаянным, что перед ним рассыпались как местные силовые органы, так и наёмные каратели. Женщины вместе с безоружными мужчинами выходили на дорогу и останавливали танки и бэтээры.

Русские люди на востоке Украины провозгласили создание суверенных республик — Донецкой и Луганской. Надо помнить, что Крым — это тоже **русская республика**, но уже в составе России.

Стойкость русских на юго-востоке Украины — это вдохновляющий пример для русских России. Пример и надежда. Там, в Донецкой и Луганской республиках, уже никакие либеральные фишки не пройдут, никакая толерантная демаго-

гия уже не прокатит, никакие еврейские олигархи уже не пролезут во власть (именно это больше всего бесит и страшит киевско-американскую хунту). За это заплачено человеческими жизнями. Там, в этих двух русских республиках, люди, насмотревшись на олигархическую Россию и еврейско-олигархическую Украину, уже **всё знают** и **всё поняли**. Они своими телами защищают свою русскую территорию, показывая всему миру, и прежде всего нам, русским России, как надо себя вести, чтобы отстоять, сохранить национальную идентичность от агрессии любого фашизма. Причём без вооруженной помощи России.

Бандеровская мразь, засевшая в Киеве, разобьет о них зубы. Американско-европейская шваль, бросившая на помощь киевской мрази своих тупых наёмников, умоется чёрной кровью.

Турчиновские террористы убивают русских людей в Одессе. Террористические банды, вооруженные фашистской хунтой, расстреливают русских под Славянском. Террор украинских фашистов направляется и поощряется Америкой и Европой. Великая Отечественная война России с американско-европейским фашизмом из холодной стадии вновь перешла в горячую.

Не было никакой Второй мировой войны. Была война с Россией и русскими. Не было т.н. «холодной войны». Была психологическая, моральная, идеологическая война с Россией и русскими. Не будет никакой Третьей мировой войны, т.к. ежедневно идет война мирового фашизма с Россией и русскими. Нескончаемая Великая Отечественная война.

В Одессе за один день 2 мая турчиновскими террористами было убито и заживо сожжено около 50 противников фашистского майдана и более двухсот получили тяжелые травмы. В этот же день турчиновские головорезы убили более двадцати защитников Славянска и Краматорска. Америка любые боины русских готовит нам к большим праздникам.

Украинские фашисты и впрямь по жестокости превосходят своих гитлеровских учителей. У них ведь теперь другие наставники — чернорожий ублюдок Обама и старая дворняжка Меркель. Да еще примкнувшая к ним кривоzubая крыса Эштон.

Ну что, «укры», опять промолчите или в душе порадуетесь

гибели «москалей»? Вы стали прямыми, откровенными врагами русских.

* * *

Путин каждый день получает урок «толерантности» от своих западных «друзей-партнёров». Они хладнокровно, цинично руками бандеровских недочеловеков уничтожают русское население Украины и так же хладнокровно обвиняют в этом Россию. Но реально ответить им Путин трусит. Боится ввести войска, боится ответить на санкции, боится выйти из Совета Европы, боится порвать отношения с НАТО, много чего боится.

Ясно было с самого начала, что юго-восток Украины Путину не нужен — своих проблем полон рот. Крым же, по его собственному признанию, он не собирался, но **вынужден** был присоединить. Однако на большее его духу не хватит.

Одесская Хатынь, устроенная новыми бандеровскими дикарями, в США, в Европе и в Киеве не вызвала ничего, кроме поощрительных аплодисментов. Как и положено фашистскому сознанию. Российские либеральные «правозащитники» обошлись без комментариев, прикрыв ладошками молчаливые ухмылки.

Путин тоже, как обычно, хранит свое традиционное хладнокровное молчание. А вместе с ним молчит руководство ГД и СФ.

* * *

Как стало понятно, русских на Украине защитить некому. Путинская фраза «Своих не сдаём» оказалась блефом, о котором я знал заранее. Не нужны Путину русские на Украине, как, впрочем, и в России. Для него нет разницы между русскими и кавказско-азиатской ордой. А Крым, повторяю, был им возвращен **вынужденно**. К тому же Крым стратегически и геополитически очень важная территория.

Но теперь, когда русских на глазах у всего мира ежедневно десятками убивают и заживо сжигают на юго-востоке Украины, Кремль ведет какие-то переговоры с людоедской киевской кликой — по газу, по изменению конституции, по федерализации, по статусу русского языка... Похоже, «партнёрские» верхушки между собой никак не договорятся... А русских в это время там ежедневно убивают пачками...

Даже соболезнавание одесситам Путин выразил через своего пресс-секретаря...

* * *

По сообщению СМИ, Путин 4 мая в телефонном разговоре с Меркель вновь призвал содействовать переговорам «между властями в Киеве и представителями юго-востока Украины».

Кому, с кем и о чём договариваться? После бойни в Одессе? После расстрела мирных граждан в Славянске, Краматорске и Мариуполе? Проснитесь, президент великой державы! Донецк и Луганск — это уже не Украина! И никогда больше ею не будут! Да и от самой Украины осталось одно воспоминание. Теперь Украина — это преступная киевская мразь и бандеровское молокососное зверьё. И никакой другой Украины больше не существует. Это с ними русские Новороссии должны вести переговоры? Не учите их жить. Они защитят и освободят себя сами, без вашей помощи. А потом и Киев очистят от фашистской нечисти. Российские войска там уже не нужны. Ну а вы на очередной пресс-конференции расскажете нам, как спасали Россию от санкций...

Новые полёты ведьмы в гробу. Как сообщили из Одессы, в сгоревшем Доме профсоюзов уже обнаружили 80 трупов. Но СМИ об этом молчат. «Они сами себя сожгли», — объявила ведьма майдана Юлия Капительман. Это теперь такой еврейско-одесский юмор. «Туда им и дорога», — добавил П. Порошенко — главный еврейский олигарх фашистской хунты. Для бандеровских зверей 2 мая отныне — большой *национальный* праздник. Отчего же бесам не попроядновать после своей вальпургиевой ночи... У них теперь новая забава: железными прутьями добивать выпрыгивающих из окон горящего дома.

Совбез ООН вполне ожидаемо выступил на стороне киевской фашистской хунты. Эта контора уже давно — политическое прикрытие мирового фашизма.

Нацистский «жовто-блакитный» флаг — это символ предательства, злобы и ненависти к России. И это уже навсегда. Он должен быть проклят и недопустим у нас, как флаги третьего рейха. «Украина» — это название враждебной нам территории.

«Жги москалей!» — орали эти твари 2 мая в Одессе. Как теперь выясняется, в Одесской Хатыни погибли более ста человек.

5 мая под Славянском каратели фашистской Украины устроили артиллерийскую мясорубку защитникам города. Там начались бои настоящей Гражданской войны.

Ельцин не боялся применить войска в Молдавии, чтобы защитить Приднестровье. Медведев не испугался ввести нашу армию в Южную Осетию. Путин колеблется, осторожничает, боится. И мы не знаем, сколько должно быть убито русских на юго-востоке сопредельной с нами территории, чтобы Россия выступила на их защиту. Может быть, много. Осторожность граничит с нерешительностью. И эту грань, похоже, кремлёвские игроки уже перешли. От любви до ненависти — один шаг, господин Путин. Благодарность за Крым может легко смениться народным презрением за предательство русских в Новороссии. Малодушное молчание — не лучший способ сохранить лицо.

6 мая. Более ста мученически погибших в Одессе — это хохлятско-бандеровская месть за потерянный Крым. Месть, продуманная, подготовленная и спровоцированная совместно в Киеве и Вашингтоне и осуществлённая тупым зверьём из новой нацистской партии «Правый сектор». Разгромив палаточный город сторонников федерализации на Куликовом поле — центральной площади Одессы, они загнали избиваемых и расстреливаемых людей в Дом профсоюзов и там устроили человеческую бойню, а затем Дом подожгли, чтобы скрыть следы преступлений. Трупы стаскивали в подвалы. Сколько людей погибло на самом деле — до сих пор неизвестно. Около двухсот человек пропали без вести.

Киевская людоедская клика, как ей и положено, в этой жуткой, не укладывающейся в сознании трагедии обвинила самих сторонников федерализации, якобы напавших на несчастных и мирных «правосеков» и футбольных ультра-фанатов, вооружённых автоматами, пистолетами, дубинами, металлическими трубами и сапёрными лопатками. Ну и, конечно же, обвиненными оказались российские спецслужбы. То, что среди убитых — **только** противники нацистского майдана, не смущает никого из мерзавцев озверевшей хунты.

Кремль, ГД, СФ молчат, как потерявшие дар речи. Этот их моральный ступор и внезапное онемение выглядят уже не столько странным, не столько недоумённым, даже не столько грустным, сколько смешным.

Господа кремляне, политиканствовать не надоело?

Террористическая карательная операция преступной киевской банды переросла в Гражданскую войну русского народа с

фашистско-бандеровским отребьем сгнувшей Украины. Отмалчиваться, отсиживаться, договариваться и политикантствовать в этой войне — означает потворствовать поднявшему голову фашизму и желать гибели русскому народу.

* * *

Чем больше молчит и чем больше бездействует Кремль, тем больше гибнет русских людей в Новороссии. Поистине это молчание — **гробовое**. И чем бы оно ни объяснялось, какие бы тактические и даже стратегические соображения это молчание и это бездействие ни оправдывали, ежедневная героическая гибель русских людей от рук фашистских карателей вызывает всё большее и большее непонимание и возмущение в России политическим малодушием Кремля. Сколько же можно чего-то выгадывать, молча наблюдая звериное пожирание НАШИХ людей потерявшими рассудок киевскими нелюдьми?! Ну ладно, господа кремляне, не хотите ничего предпринимать, не хотите шевелиться, боитесь каких-то санкций, опасаетесь большой войны наконец, но сделать заявление от лица государства вы способны или нет? Хотя, честно говоря, уже поздно делать какие-либо заявления. Время заявлений прошло. Заявлениями геноцид русских в Новороссии не остановить. Вера в Россию тает в их сердцах не по дням, а по часам. И молчать — значит, поощрять людоедов. Господин Путин, сами себя перехитрить не боитесь? Не заигрались ли вы в свою политическую рулетку?

Парад 9 Мая — это хорошо. Но армия, вообще-то, существует не для парадов.

* * *

11 мая Донецкая и Луганская народные республики в тяжелейших боевых условиях провели референдум о своей независимости от Киева. Несмотря на убийства, карательные операции и мерзкие провокации т.н. «нац. гвардейцев», более 90% населения Донбасса сказало «да» отделению от Украины. В людей стреляли, а они все равно голосовали. И это при том, что Путин просил референдум перенести. Однако народ Донбасса оказался бесстрашнее и решительнее российского руководства. И лидеры этих двух Русских республик сумели в сложнейших условиях организовать, провести и обеспечить на большей части своих территорий безопасность народного волеизъявления. Им было гораздо труднее, чем крымчанам. И тем ценнее их победа.

Да, они победили вооруженных до зубов укрофашистов. Хотя малодушный Кремль всё еще призывает лидеров Дон-

басса пойти на переговоры с фашистской нелюдью. Уж больно не хочется Путину иметь дело с независимыми Русскими республиками бывшей Украины... Да и нет у него желания нарушать мартовские договоренности с Обамой...

Ну что ж, посмотрим, чего стоит распиаренный телевизор путинский клич «Своих не сдаём!»...

* * *

19 мая. Запад продолжает шантажировать Россию санкциями, а ее президент всё так же играет в свою излюбленную игру под названием «молчанка», которую многие считают его стратегией... Но такая «стратегия» уже всё чаще и чаще вызывает усмешку.

Америка раскручивает на бывшей Украине сирийскую драму, толкая своих киевских жидобандеровских марионеток на новые жертвы, новые провокации, новую жестокость, новую бесстыжую ложь. А те из кожи вон лезут, чтобы заставить славян убивать друг друга. Бешеный олигарх Коломойский уже напялил на себя майку с надписью «жидобандеровец». То ли юмор у него такой, то ли решил больше не скрывать сути майданной «революции».

Отказавшихся воевать со своим народом призывников украинской армии «нац. гвардейцы» просто-напросто расстреляли. Выходит, Украина вернула смертную казнь. И Европа не обратила на это никакого внимания.

Путин в коротких перерывах игры в «молчанку» всё так же призывает Киев, Донецк и Луганск к федерализации и переговорам. Какая федерализация? Какие переговоры? Кого и с кем? Фашистской жидобандеровской мрази с их жертвами? Очень странные призывы после быстрого решения крымского вопроса... Нет, он сдает не Украину — она сама себя сдала фашистской Европе. Он сдает русских на Украине.

Главнокомандующий РФ приказал отвести наши войска от границы с Украиной именно тогда, когда фашистская армия начала наносить артиллерийские удары по г. Славянску. Можно как угодно к этому относиться, но факт есть факт, и никакие пропутинские конформисты отменить его не в силах.

* * *

Хохлятские нацисты по приказу еврейских олигархов и американских оккупантов уничтожают своё же украинское население — как гражданское, так и армейское. Для них чем больше трупов, тем радостнее. Трупы и жертвы — моральная подпитка этих фашистствующих нацистов, стимул их звериной жестокости и животной жажды крови.

Но тупая жестокость — это всё, чем могут прославиться хохлятские нацисты. пытки, издевательства, стрельба по безоружным людям — вот и вся их доблесть. В реальных боевых столкновениях они разбегаются и прячутся, как крысы. «Москаляку на гиляку!» — это вся их идеология и единственный стимул, который их объединяет. А то, что во главе их всегда стоит еврей вроде Турчинова, Яценюка, Порошенко, Коломойского и т.п., — это их совершенно не колышет. Главное, чтобы этот «высокий» еврей оправдывал все их преступления и не мешал убивать, грабить, насилловать, издеваться и получать удовольствие от насилия.

Перефразируя бывшего министра культуры Швыдкого, можно без преувеличения сказать: хохляцкий фашизм и впрямь страшнее немецкого. Одесская бойня — это подтверждение данных слов на века.

23 мая. Путин молчал, молчал и тут — разговорился. На Петербургском экономическом форуме его спросили: будет ли он сотрудничать с П.Порошенко и новым украинским режимом после т.н. «президентских выборов» 25 мая? Буду, ответил Путин, только пусть сначала долги нам заплатят. И — ни слова о фашистской сути этого режима. Деньги важнее. Уж лучше бы он дальше молчал.

Еще два месяца назад я предсказывал в Интернете именно такое развитие событий. Но в меня тогда бросали камни со всех сторон, как на майдане... «Да мы!.. да Путин!.. да он!.. — кричали влюбленные в него недоумки. — Как ты смеешь! Это собиратель русских земель! Он Крым вернул!.. Пусть только посмеют напасть на юго-восток!.. Мы их всех раздолбаем!..» Но после того, как этот «собиратель» отказался признать референдум в Донецкой и Луганской республиках, эти близорукие ура-патриоты немного поутихли. После 25 мая им придется признаться в своей дурости или начать мямлить о новой «стратегии» «продолжателя дела Сталина».

На фоне украинской гражданской войны в России в конце мая были произведены две крупные диверсии. Сначала ракета «Протон М», взорвавшись в верхних слоях атмосферы, вновь не вывела на орбиту большой спутник связи, стоимостью миллиард рублей. В июне прошлого года та же ракета не вывела на орбиту три навигационных спутника системы ГЛОНАС и упала на землю. Тогда «неудачу» объяснили якобы неправильной установкой приборов координации ра-

кеты. Хотя, как считают специалисты, такая причина в принципе невозможна. Но «стрелочник» был найден, и сообщением о нём СМИ ограничились. «Пятая колонна», давно внедренная в космическое ведомство, научилась через подчиненные ей СМИ дурачить доверчивое население. Ясно, что истинных заказчиков и исполнителей этих стопроцентных диверсий мы так и не узнаем.

20 мая под Нарофоминском (на Киевском направлении...) товарный поезд столкнулся с пассажирским. Поезда двигались по параллельным путям в противоположных направлениях. По всей вероятности, под товарняком был подорван рельс и один из вагонов завалился на пассажирский поезд, протаранив три вагона с людьми. В результате — 6 человек погибших и более 40 раненых. По сообщению СМИ, накануне в этом месте происходили «незапланированные ремонтные работы», о которых почему-то никому не было заранее сообщено... Не умеющим соображать обывателям объяснять что-либо бессмысленно, а способные думать пусть доходят своей головой. Во время гражданских войн диверсии — обычное дело.

«Пятая колонна» устроила в России целую систему провокаций и диверсий.

* * *

Патриарх Кирилл поздравил фашистского карателя с «избранием» на пост «президента» Украины, а точнее говоря с назначением его на эту должность вашингтонским убийцей. Поздравил в тот самый день, когда давно завербованный агент ЦРУ Вальцман-Порошенко отдал приказ бомбить Донецк и Славянск. «Уважаемый Петр Алексеевич!» — обратился к нему Предстоятель Русской Православной Церкви. Для кого же этот жидовско-хохляцкий ублюдок «уважаемый»? Ну разве что для Обамы и Меркель...

Вот так всегда бывает, когда служитель Церкви торопится быть впереди всех и лезет в политику.

* * *

Фашистская артиллерия бьет по Славянску, уничтожая жильё дома, школы, больницы и мирных жителей, а Москва просит у Киева денег за газ. Не требует, а именно униженно просит, взывая к европейским посредникам: «Ну заплатите хоть частичку долга, мы вам всё простим...» Позиция Кремля еще подлее, чем позиция Киева.

Пропутинские воздыхатели и оправдатели уже два месяца повторяют одну и ту же трусливо-дебильную присказку: «Вот

подождите, не спешите, Путин ещё всем покажет, мы не можем знать его планов... Ведь он же Крым вернул...» Два месяца, как спасительную молитву, они гундосят, оправдывая собственную тупость, собственное ничтожество и собственный маразм: «Путин всё делает правильно, не дай бог нам втянуться в войну на Украине...» А в Новороссии каждый Божий день от снарядов и пуль гибнут десятки и сотни русских людей.

* * *

2 июня авиация укронацистов нанесла ракетно-бомбовый удар по зданию республиканской администрации в Луганске. Были применены запрещенные конвенцией ООН каскадные бомбы. В здании начался пожар. Восемь человек погибли, около тридцати ранены. Со стороны Кремля и МИДа последовала новая «озабоченность». Киевские СМИ опять объявили, что луганские «террористы» взорвали себя сами.

Замминистра обороны США Д.Шолле прибыл в Киев для дачи инструкций по отражению, как сказано по укронацистскому ТВ, «российской агрессии». Штатовские кукловоды и их оборзевшие еврейско-хохляцкие марионетки видят, что Путин просто трусит, и наглеют всё больше и больше. А малодушие Путина уже видно и ясно абсолютно всем. Даже тем, кто продолжает заикливо оправдывать его судорожное онемение. За целый месяц уничтожения населения Новороссии не сделано **ни одного** официального Заявления правительства РФ по событиям на юго-востоке бывшей Украины.

И вот еще интересный факт: за это время в Москве не проведено ни одной демонстрации и ни одного митинга протеста у посольства Украины. А ведь мы помним, какие помпезные демонстрации и митинги проходили в Москве перед присоединением Крыма! Спрашивается, отчего же сейчас такое молчание, такой ступор вдруг охватили московскую и федеральную власти? Ответ на этот вопрос всё тот же, уже не раз прозвучавший тут. Не нужна Путину Новороссия.

Как быстро исчез с экранов центрального ТВ недавний популистский клич: «Своих не сдаём!»

* * *

В Интернете появилось заявление Зюганова о необходимости объявления беспилотной зоны в небе над ДНР и ЛНР. Во-первых, подобные заявления должен делать президент, а не Зюганов. Но, видать, у президента от страха язык не поворачивается. А во-вторых, в новостях по центральным каналам ТВ это выступление лидера КПРФ так и не показали. О

чём это говорит? О том, что Кремль — против. И в-третьих, давно уже нужно было объявлять и вводить эту беспилотную зону, а не заявления озвучивать устами Зюганова.

Фашисты штурмуют города Новороссии. Авиация и танки укронацистов бьют по жилым кварталам, больницам и школам. Люди ночуют в подвалах или пытаются прорваться через границу в Россию. В городе Красный Лиман началась зачистка населения бандами «нац. гвардии».

Глядя на весь этот фашистский террор, демократический мир, молящийся на «права человека», делает вид, что не замечает льющейся крови тысяч мирных людей. Но чёрт с ним, с демократическим миром. Европа — родина фашизма.

При всём при этом — молчит российская Дума. Молчит Совет Федерации. Молчат президент и премьер. Очень интересная у нас власть! Оказывается, не только Европа, но и российская власть поощряет фашизм. Да-да, господа, своим бессмысленным молчанием она именно поощряет, именно толкает укронацистов к беспощадному беспределу и новым преступлениям против наших соотечественников. И никакие объяснения, никакие политические обстоятельства не могут и не должны это тупое, трусливое молчание оправдывать. Царская Россия спасала болгар и сербов. Советский Союз посылал добровольцев в Испанию, в Корею и во Вьетнам, чтобы защищать мир от фашизма. Даже медведевская РФ спасла южных осетин.

Даже завзятая демократка Элла Панфилова на встрече с Путиным, показанной по ящику, не скрывала своего искреннего возмущения нацистским варварством по отношению к детям, женщинам и старикам Новороссии и просила его помочь несчастным беженцам. Путин, поджав губы, смотрел на нее исподлобья и молчал. В конце этой встречи он выдавил из себя: «Я поручу администрации президента, чтобы они этим занялись».

Путин предал не только Новороссию, но и всех нас. Не нужно ему стоять со свечкой в храме. Задолго до него сказано: «Молчаньем предаётся Бог».

«Порошенко не запятнал свои руки кровью», — сказал 4 мая Путин в интервью французским журналистам. Но мы-то еще не забыли, что сразу после избрания гражданина Израиля, агента ЦРУ Вальцмана-Порошенко президентом карательная операция приобрела гораздо более широкий мас-

штаб и сверхфашистские, зверские формы. Город Славянск взят в блокаду. Вслед за круглосуточным артиллерийским обстрелом укроублюдки перерезали поступление в город воды и электричества и перекрыли завод продуктов. Еврейско-хотляцкая клика повторяет все зверства своих нацистских учителей. А Порошенко, оказывается, не запятнан кровью... В таком случае этой кровью запятнан кто-то большой в России...

Когда в марте я писал: «Прозрение наступит скоро», я **знал**, что будет в мае-июне. Прозрение для многих наступило. Пусть не для всех упёртых путинцев, но для многих, кто не потерял способности думать.

Русские гибнут в Новороссии, героически защищая нас с вами, наше русское имя и наш язык. Но путинская Россия их предала. Путинская Россия предала сама себя и нас с вами, господа россияне. Командующий ополченцами Донбасса Игорь Стрелков не раз писал и говорил в Сети, что Кремль им **не помог ничем**.

Вслед за президентом трусливо молчит Нарышкин, трусливо молчит Матвиенко, трусливо молчит премьер Медведев, трусливо молчит министр обороны. Где многомиллионные шмаковские профсоюзы? Где ожиревшая партия «Единая Россия»? Где крикливый Кургинян со своими красными бантами и алыми знамёнами? Почему они не на Васильевском спуске, не на Манеже, не у киевского посольства? Где говорливый путинский соловей Проханов со своими клонами-путинистами? Почему не на площади у Генштаба с плакатом на груди: «Спасите детей Донбасса!»? Впрочем, где ж ему быть, как не в кустах у Соловьева среди галдящих попусту известных голов?

Путин ведёт себя так же, как Янукович, когда от замороженные нацисты избивали, убивали и сжигали «Беркут», — смотрит и думает о чём-то другом...

Телевизорные оракулы только лишь констатируют подробности зверств фашистов и ничего не требуют от кремлёвской власти. Впрочем, чего от нее требовать? Кремлёвская власть всем открыла глаза на саму себя.

«Россия воздержится от создания бесполётной зоны над Донбассом. Россия не будет обращаться в Совбез ООН с инициативой о создании бесполётной зоны над востоком Украины, где местные власти проводят военную операцию против ополченцев». Об этом заявил РИА Новости замглавы МИДа РФ Геннадий Гатилов. На данном этапе, по его словам, такой сценарий не рассматривается.

Как сообщило 4 июня агентство ИТАР-ТАСС, в Омске в пакетах с ряженкой обнаружена ртуть.

22 января этого года, по сообщению того же агентства, в Санкт-Петербурге в магазине «Полушка» на проспекте Энергетиков было обнаружено ртутное загрязнение. Аварийная бригада предприятия «Экострой» собрала около 1 кг ртути и провела химическую обработку. Замеры показали превышение предельно допустимых концентраций паров ртути для атмосферного воздуха в помещении в 200 раз.

Это то, о чём я писал в своем романе «Поле битвы» 15 лет назад.

Путин создал новую проблему для России — бесконечный поток беженцев в наши южные регионы. Люди, спасаясь от бомбардировок и гибели, тысячами хлынули к нам. В основном — женщины и дети. Поток этот с каждым днем только растет, несмотря на то, что киевские власти закрывают пункты пропуска через границу с Россией. (Похоже, хотят, чтобы как можно больше людей погибло.) Приграничные с Украиной области вынуждены размещать прибывающих, находить им кров, кормить. Гонимые войной беженцы бросили у себя дома всё. И в этой трагедии, в этой человеческой беде виновны не только Киев и Вашингтон, но и Кремль. Только и единственно Кремль мог остановить эту войну. И не пожелал этого сделать, испугавшись каких-то санкций и негативного отношения Европы.

Трусливое отстранение от защиты Новороссии — главная причина всей этой ситуации: и физического уничтожения русских людей, и проблемы с беженцами. Путин хотел выгладеть белым и пушистым, хотел самооправдаться в Европе и покрасоваться перед телекамерами в Нормандии на 70-летие открытия Второго фронта. Ну что ж, покрасовался, пообщался с Оландом, с Обамой, с Кэмероном, с Меркель и даже с Порошенко. Дал новое интервью журналистам, произнес красивые фразы. И что? Что после этого изменилось? Только одно — усилились артобстрелы Славянска и увеличилось число танковых атак на блокпосты ополченцев.

Беженцы из Украины — это итог политиканства одного единственного человека — Путина. Повторяю, только он один мог остановить и войну, и человеческую катастрофу соотечественников, и поток беженцев. Но, заигравшись в политиканстве, он этого не сделал. Нерешительность и хитроумные игры политиков всегда оборачиваются трагедиями для простых людей.

* * *

После того, как патриарх Кирилл 25 мая поздравил шоколадного короля Вальцмана-Порошенко с избранием на должность президента, укрофашистами было убито несколько сотен русских людей. Надо полагать, в качестве благодарности за поздравление. После того, как с шоколадным королем побеседовал во Франции Путин и остался, по его словам, доволен этой беседой, русских людей будет убито гораздо больше.

7 июня во время своей инаугурации Порошенко заявил, что не намерен до полной победы прекращать карательную, террористическую операцию на Донбассе и что после этого, после полной победы, он и приедет, как обещал, в Донецк и Луганск.

* * *

В 2005 году во время своей инаугурации, которая происходила на Майдане, президент Ющенко (отобравший победу у Януковича с помощью т.н. «третьего тура» голосования) должен был выпустить из клетки белых голубей. Но голуби почему-то вылетать отказались. На второй срок президентства Ющенко не прошел.

Когда Янукович во время своей инаугурации по красной ковровой дорожке входил в Верховную раду для принесения присяги, перед ним самопроизвольно закрылись двери в зал парламента. Как известно, он не дотянул даже до конца первого срока президентства и был свергнут.

7 июня, когда Порошенко шел по этой пресловутой красной ковровой дорожке на инаугурацию в Верховную раду, солдат почётного караула уронил карабин и потерял сознание. Не сомневаюсь, что это — знак, говорящий о поражении преступной власти Украины в развязанной ею гражданской войне.

Это не просто приметы, а знамения свыше.

* * *

Фашистские ублюдки применили против Славянска ракетно-артиллерийскую систему «Град», созданную русскими инженерами. Господин Путин, Порошенко у вас всё еще не запятнан кровью? Вам этого недостаточно? Вы и дальше будете довольны переговорами с ним? В таком случае, г-н президент, это вы вместе с шоколадным мерзавцем применили против русских людей систему «Град». Согласно любому уголовному кодексу, виновен не только преступник, но и тот, кто по долгу службы обязан был остановить преступление, и не остановил.

* * *

Еще раз повторяю: я ни секунды не сомневаюсь в том, что если бы в 2008 году президентом был Путин, то Россия не ввела бы войска в Южную Осетию, и война там продолжалась бы до сих пор. Более того, я уверен в том, что если США нанесут ядерный удар по России, Путин найдет сотню аргументов и отговорок, чтобы не ответить тем же.

Вся страна ждет решительных действий власти, и только один человек — боится.

* * *

Для чего нужна российская армия, если у нее на глазах фашистские изверги уничтожают русское население и стирают с лица земли русские города и села? Может, для того, чтобы под маршевую музыку продефилировать перед счастливо улыбающимся президентом? Не стыдно ли нашим генералам молча наблюдать безнаказанные бомбардировки русских городов? И если трусливо молчат, значит, не стыдно. Вот вам, сограждане, и прославленный герой России — наш облюбованный всеми министр обороны, тупо глядящий на танковые атаки и залпы установок «Град» по русскому Славянску! Ну что ж, смотри, армия, на дело рук своих! Это ты, армия, не защитила Донбасс. Это вы, летчики «мигов» и «сушек», каждый год 9 Мая красиво летающие над Красной площадью, не уничтожили обнаглевшего и озверевшего врага, потерявшего человеческий облик. Вы хорошо устроились, ребята! Учтите воевать, получаете за это большие бабки и не воюете.

Кремль предал Новороссию. На глазах у всего циничного мира второй месяц гибнут, разрываются снарядами дети и женщины. Страну захлестывает поток беженцев. И никакого Заявления правительства России — нет. Никаких жёстких требований к киевским ублюдочным недочеловекам — нет. А Газпром гонит им бесплатный газ и униженно просит денежек. Это кого же мы с вами вскормили, «господа» россияне!

Нет у России ни армии, ни правительства, ни парламента, ни президента. Есть только говорящие головы, любящие разглагольствовать перед журналистами и на экране телятника.

Новый потоп обрушился на Сибирь. Урок прошлогоднего дальневосточного потопа, как и следовало ожидать, пошел не впрок. А причины — те же. И отнюдь — не дожди.

* * *

Переговоры с обнаглевшей фашистской мразью о цене за газ с показом этой комедии по ящику дошла уже до какого-

то маразма. Фашистская мразь прямо говорит: платить не будем, гони газ бесплатно. А газпромовские ничтожества просят: ну хоть что-нибудь заплатите, хоть чуть-чуть, мы вам будущую цену скинем... И в ответ: «Да пошли вы!..» Смотреть на этих упырей без омерзения уже невозможно. Как ни удивительно, Д. Медведев пять лет назад и газ перекрыл Украине, и войска не побоялся ввести в Южную Осетию.

Славянск в огне и блокаде. Беженцев десятки тысяч. Спасшиеся дети боятся гула самолетов...

Интересно, российский президент новости по ящику смотрит или нет?

* * *

Оправдывая бесхребетность и трусоватую анемичность Путина, его клеветы оправдывают не столько своего главного начальника, сколько самих себя и собственное приспособленчество к обстоятельствам, продиктованным властью. Идти на попятную и говорить всем видимую правду о своем главном начальнике они не могут по причине себялюбия и неумения признавать неправоту, хоть и называют себя православными и радателями истины. И продолжают искать всё новые и новые аргументы для объяснения путинских «мудрых решений», а на деле — для самооправданий, дабы не выглядеть вместе с главным шефом в далеко не лучшем, а попросту говоря, в позорном виде.

Позорище с разбомбленным Славянском, позорище с армией беженцев, позорище с газовой эпопеей, позорище с мартовским враньем о защите русских на Украине... Всё это ведь надо как-то и чем-то оправдывать. Иначе и сами они, клеветы, оказываются в этом позорище. Вот и зашевелились, вот и засуетились... Взяли и обозвали правду об этом позорище «истерикой патриотов»... Видимо, это всё, что им осталось.

* * *

12 июня, в т.н. «день России», укронацистские нелюди применили фосфорные бомбы и установки залпового огня по пригородам Славянска. Сожжена деревня Семёновка. Европа и Путин вновь промолчали. Как говорится, «партнёры» молчат в унисон. На глазах у всего мира с жесточайшим цинизмом убивают русских людей, а «русский» президент спрятал голову в песок. Где, когда такое могло быть?! И нам рассказывают о его высоком «рейтинге». А среди записных патриотов немало тех, кто гордится «русским» президентом! Хохлятские недочеловеки расстреляли автобус с вывозимы-

ми из ада детьми. Убиваемые люди просят, умоляют: «Спасите нас, защитите, возьмите в Россию!» Но он делает вид, что не видит и не слышит.

Господин Проханов, а слабо повторить в своей газете педеровицу «Путин — это Сталин сегодня»?

* * *

Фашисты нанесли артиллерийский удар по больнице и роддому в Славянске. В посёлке Счастье только за один день 15 июня было убито около ста человек гражданского населения.

Тут надо напомнить слова из выступления Путина 4 марта 2014 года: *«Если мы увидим, что этот беспредел начинается в восточных регионах, если люди попросят нас о помощи, а официальное обращение действующего легитимного президента у нас уже есть, то мы оставляем за собой право использовать все имеющиеся у нас средства для защиты этих граждан. И считаем это вполне легитимным»*. Он жестоко обманул жителей Донбасса.

Но что же получается? Ладно, Путин струсил, его чем-то припугнули, он скис, у него по каким-то причинам парализована воля и т.п. Однако все остальные ветви власти — они что, перестали существовать? Или в России власть одного человека? Госдума ведет себя так, будто она всем составом улетела на Луну. Совет Федерации словно вымер, самораспустился, онемел, канул в небытие. Министр обороны, «герой России», словно проглотил мышь и спрятался в каком-то глухом чулане — не видно и не слышно. Глава МИДа не устает смущенно улыбаться при встречах с коллегами из Европы и США. Укрофашистская военная техника переходит нашу границу, нацистские отморозки громят российское посольство, министр иностранных дел убудочной хунты публично оскорбляет президента России — и в ответ какое-то вялое, формальное бубнение пресс-секретаря президентской администрации и анонимных мидовских чиновников. Господа, у вас что, никак штаны не просохнут от страха?!

Зачем нам такие руководители? Зачем нам такие телевизорные болтуны? И ведь они уже знают реакцию народа, они уже слышат то, что говорят о них на самостоятельных митингах! Но у них не хватает духу выступить перед народом страны и честно, ясно и прямо **ОБЪЯСНИТЬ** свою бесхребетную позицию. У них даже на это не хватает смелости. А всё потому, что **честно и прямо** они сказать ничего не способны.

Опозорились господа кремляне. Предали наших уничтожаемых соотечественников. И Крым уже не спасет их от позора. Прош им цена. И нет им доверия.

* * *

Интересно сейчас звучит фразочка Путина о том, что на руках Порошенко нет крови. Ведь он до сих пор от этой своей фразочки не отказался. Интересно понять и то, до какого предела хватит у Путина терпения наблюдать за геноцидом русских в Новороссии. Или такого предела не существует?

Россия предала русских. Как ни обидно это звучит, но это так. Нет, не только Путин и все остальные ветви власти предали русских на Украине, но вся Россия их предала — вся Россия, молча и трусовато сидящая у телевизора и не способная заставить власть пошевелить мизинцем, чтобы спасти русское население, уничтожаемое у всех на глазах. И как бы мне ни возражали, что бы мне ни говорили в ответ, я вижу и понимаю, что русские Новороссии, да и всей Украины, брошены всеми на уничтожение. Всеми, кроме героических, сражающихся ополченцев.

Русских убивают под весёленькую музыкачку по «Маяку» и под беснование еврейских смехачей по первому каналу ТВ. Им, как и ржущим телезрителям, весело.

14 июня на митинг в защиту Новороссии на Триумфальной площади в Москве пришли 500 человек.

* * *

Нам сейчас важно осознать реальную ситуацию и прекратить тешить себя всякой расслабляющей ерундой вроде того, что кто-то хочет втянуть нас в войну, а мудрый президент упорно сопротивляется. Эту издевательскую туфту придумали наши враги, а трусы и моральные ничтожества ее с радостью подхватили.

Всё гораздо хуже и примитивнее. Путин деморализован и не способен ни на какие решительные действия. Американцы, как и Януковича, взяли его за самое большое место и поставили ему трехходовый мат.

Освобождать нужно даже не столько Новороссию, сколько Киев. И тогда весь русский народ, живущий на Украине, вместе с украинским народом поднимутся на освобождение страны от фашизма и неонацизма.

* * *

Депутаты осмелели. 18 июня им дали возможность поговорить о погибших на Украине журналистах. С какой лихостью они выходили по очереди на трибуну ГД и требовали наказать виновных в гибели под Луганском корреспондентов ВГТРК! С ума можно сойти от такой неожиданной решительности! От кого требовали? От тех, кто сжёг более сотни

человек в Одессе. О тех, кто установками «Град» и «Ураган» бьет по жилым кварталам сел и городов. Ах, какие у нас смелые депутаты!.. А г-н Маркелов заявил даже (верх храбрости!), что не надо вообще журналистам появляться в зоне боевых действий. Ведь жизнь дороже... Молодец! Очень смелый депутат. Мол, сиди себе в редакции, слушай вражеское радио под названием «Эхо Москвы»... Не зря ведь это «Эхо» ежегодно дотируется российским правительством...

Журналистов, конечно, очень жаль. Они исполнили свой долг в отличие от депутатов. Но в это же самое время, в день гибели журналистов, укронацистскими нелюдьми в Новороссии было убито более ста человек. Про это послушным депутатам говорить с трибуны ГД было как-то не с руки. А вдруг президенту не понравится?..

Президент в тот же день, как нам в двух словах сообщили центральные СМИ, о чём-то поговорил по телефону с Порошенко. Может быть, о том, сколько крови на руках этого израильско-пиндосского ублюдка — много или мало...

Наконец-то обнаружили, вышли из глубокого подполья сенаторы Совета Федерации. Они тоже с необыкновенной смелостью и с глубоким возмущением запричитали о недопустимости гибели журналистов...

* * *

Когда Новороссия будет задавлена, мы скажем подпевалам-путинистам: это вы ее задавили, вы. Своей трусостью, тупостью и своим ничтожеством.

* * *

Представьте себе такую фантастическую и в реальности невозможную ситуацию: где-то за границами Германии на протяжении нескольких месяцев ежедневно, методично, на глазах у всего мира пачками убивали бы немцев, а канцлер этой страны смотрел бы на это сквозь пальцы, оправдываясь тем, что никаким провокаторам не удастся втянуть Германию в военный конфликт... Думаю, все прекрасно понимают, что нечто подобное просто невысказано. Да и ни в какой другой стране подобная ситуация тоже невысказана. Кроме нынешней России.

Причем оправдание безразличного отношения к варварскому уничтожению русских за пределами России мы слышим даже не столько со стороны ее президента (он, как обычно, хранит свое излюбленное хладнокровное молчание), сколько со стороны его клеветов — трусливых, подловатых, лизоблюдских путинистов, корчащих из себя больших и кру-

тых патриотов. Мол, чего вы, идиоты, пристали к президенту? Нельзя, никак нельзя государству спасти каких-то там русских! Не дай бог ввести войска! Это грозит нам гибелью, самоубийством, третьей мировой войной! Мол, хотите воевать — идите и воюйте! А государству нельзя!

На какие только ухищрения не идут путинские клеветы, чтобы оправдать безвольное малодушие человека, который их, патриотов-путинистов, в упор не видит и видеть не желает. Но цинизм их поведения состоит еще и в том, что если вдруг завтра войска будут всё же введены в Новороссию, то они громче всех будут кричать, как правильно поступил президент, что наконец-то ввел войска...

* * *

Мы, нормальные люди, еще не перестаем поражаться тому, что происходит. В нас еще не умерла естественная реакция на садистскую бесчеловечность ненавистников русского мира. Мы уже видим не просто закат Украины или даже закат Европы, о котором сто лет назад писал Шпенглер, мы видим кровавый пир, торжество дьявола, угасание человеческого в человеке. Без объявления войны в центре Европы руками человекоподобных, лишённых разума укрообезьян дьявол убивает женщин и детей. Всеми видами современной военной техники дьявол разрушает жилища мирных граждан и при этом через все европейские СМИ издевается над погибающими, называя их террористами. То есть повторяется в глобальном масштабе евангельская трагедия: невинный принесен в жертву и причтен к злодеям. Обезображенные тела убитых детей и женщин украинские и европейские СМИ очень стараются не замечать.

Кремль, пообещавший уничтожаемым людям военную помощь, от них отвернулся. У президента есть для этого, оказывается, веские причины, которые трусы, лизоблюды и приспособленцы нахраписто и крикливо нам, неразумным, разжевывают и обосновывают. У любых предателей **всегда** находят адвокаты и апологеты.

Но предательство, как известно по Евангелию, — самый страшный грех. Оно никогда не остается без трагических последствий. Предательство Кремля страшнее всего скажется не на убиваемой Новороссии, оно неотвратимо ударит по самой России и в первую очередь — по предательской власти. Эта власть еще не понимает, что своим иудством, своей трусостью и своей мнимой выгодой убивает саму себя. И наказание последует очень скоро и очень неожиданно. Сво-

им подлым предательством эта власть приближает самоликвидацию. А это грозит и саморазрушением страны.

Предательство Януковича привело к уничтожению Украины.

Аннушка, г-н президент, уже пролила масло...

* * *

Ну и что с того, что украинско-фашистская армия обстреляла из минометов наш пограничный пост и разрушила таможенный пункт, тяжело ранив работника таможни? Ну и что с того, что украинские танки вторглись на нашу территорию? Для нас это не повод. Ну и что с того, что на границе с Россией обстрелян автобус с детьми? Это тоже не повод. Может, мы его сами обстреляли... Вот если бы укронацисты долбанули из минометов по Кремлю — тогда еще, может быть, это стало бы поводом... Да и то не факт. «Мы ждём извинений», — заявила пресс-служба Кремля. Но никаких извинений, естественно, не последовало.

И отчего мы вдруг решили, что Путин — большой государственный деятель? «Сталин наших дней» (Проханов). Средства массового оболванивания так долго и так упорно делали из него супергероя нашего времени, что всё сидящее у телевизора население в это и впрямь поверило. И когда пришло время решительных государственных поступков, достойных главы великой Державы, обнаружилось, что ему очень и очень далеко не только до Сталина, но и до Хрущёва с Брежневым. Одним словом, все его заоблачные «рейтинги» оказались продуктом барабанной пропаганды, а весь его высосанный из пальца патриотизм — полной туфтой. Честно говоря, глядя на него, мне всё время вспоминалась сказка Гофмана про крошку Цахеса...

Зарвавшаяся укронацистская клика, ведомая главным мировым громилой, наглеет не по дням, а по часам. Отмороженный Порошенко врёт в каждом слове. Любое его заявление о прекращении огня тут же сопровождается новыми авиа- и артиллерийскими ударами по гражданскому населению.

Еврейско-бандеровские главари хунты плевать хотели на Украину, их задача — ликвидировать «нэзалэжную» и отдать ее территорию в подчинение НАТО и США, а затем сбежать за океан, к своим хозяевам. Но безмозглые и осатаневшие от крови бандеро-укры тоже плевать хотели на всё и на всех, лишь бы без передыху резать, жечь, стрелять, громить, грабить и орать «слава Украине!». Слава-то слава, да только никакой «нэзалэжной» больше не существует. Пока еще есть залэжная, воюющая сама с собой и убивающая своих жен-

щин и детей. Но скоро даже и без вмешательства России не будет и её. Хотя крови она прольёт еще немало. И если бы во главе России действительно был достойный лидер, эту чело-векодавильню мы могли бы остановить. Окровавленные трупы детей страшнее любых санкций мировых разбойников. Народ санкции выдержит, но трусости и предательства — не простит, несмотря ни на какие высосанные из пальца президентские «рейтинги».

Если до февраля 2014 года Украина была несостоявшейся, пародийной псевдостраной, то теперь она — преступное, ультрафашистское территориальное образование, не имеющее права называться государством.

Путин снова назвал Новороссию «неотъемлемой частью Украины». Теперь понятно, почему он просил Донецкую и Луганскую республики отложить референдум. Он вообще не хотел, чтобы этот референдум состоялся.

Мы называли его поведение элементарной трусостью. Нет, господа, это даже не трусость. Это подлость.

После стольких погибших, после разрушения деревень и городов, после такого потока беженцев...

Смешно мне было видеть, как и в личных разговорах, и в Интернете практически все (ну, может быть, за редчайшим исключением) выражали свое активное несогласие и едва ли камни в меня не бросали, когда в марте месяце я писал и говорил, что дальше Крыма Путин не пойдет. Последовавшее затем «необъяснимое» поведение Путина прямо-таки шокировало очень многих, хотя лично я, возмущаясь и оскорбляясь, не сомневался в таком его поведении ни одной секунды. За прошедшие 14 лет его правления я уже **знал** Путина и мог точно предвидеть его шаги. К сожалению, очень многие его так и не узнали, не поняли, не раскусили.

То, что он отменил постановление Совета Федерации, дававшее ему право ввода войск на территорию Украины, причём в условиях фашистского переворота и жесточайшей братоубийственной бойни, говорит о том, что живые люди его волнуют гораздо меньше, нежели личный престиж в глазах т.н. «мирового сообщества». Американцы взяли его за большое место и будут держать его за это место столько, сколько им нужно. Опыт Януковича не пошел ему впрок. И он про-

кололся на том же самом месте. Невозможно быть независимым и твердым руководителем, имея личный капитал в зарубежных банках, о чём масса информации в Интернете.

«Хитрый план» Путина, о котором три месяца долдонили путинские лизоблюды, оказался дешёвым планом предательства соотечественников, о чём писал я все эти прошедшие три месяца. Теперь же вся лизоблюдская шобла хором оправдывает, «обосновывает», отмывает этот свержхитрый, облитый кровью план. Хотя, конечно же, в первую очередь все наши путинисты думают не о престиже своего «кумира», а о собственной заднице, надеясь хоть на какую-то подачку с барского стола. И потому они будут оправдывать и «объяснять» **любой** его шаг и **любое** его действие или бездействие.

Государственный преступник Вальцман-Порошенко поставлен Брюсселем и Вашингтоном на должность президента Украины для разрушения этой «страны». Большая часть одуроченного населения «нэзалэжной» проголосовала за него, не понимая, не догадываясь, что его миссия — обеспечить захват натовской Европой территории под названием «Украина», обезлюдить ее и превратить в еще одну постсоветскую колонию Запада. Что, собственно, и происходит у всех на глазах — стремительно, цинично и нагло. А восставшая Новороссия, по их уже не хитрым, а вполне откровенным планам, должна быть разрушена и заселена другим, западэнским, зомбированным быдлом.

Но с Божьей помощью Новороссия пока срывает этот глобалистский замысел. Воля русских бойцов в Новороссии пока еще оказывается сильнее нового европейско-фашистского плана. И не только его, но и плана путинско-предательского. И теперь **задача всех русских — спасти Новороссию, не дать ее задавить**. Нет у нас сейчас более важной цели. Она — данный нам свыше прообраз будущей России, остров русской свободы и русской правды. История и Бог давали нам шанс для освобождения — в 1991-м и 1993-м годах. Не воспользовались, прохлопали, проспали. Не спасем Новороссию — не будет нам оправдания ни на земле, ни на небе. Все силы зла с двух сторон (в виде танков, «Градов», «Эха Москвы» и кремлевского предательства) обрушились на этот **остров свободы**. И вся святая небесная рать вновь с надеждой смотрит на нас. Земные герои, отдающие жизнь за русский остров свободы, останутся в памяти веков, как герои «Варяга», как защитники Бреста, Севастополя и Сталинграда.

Путин, видимо, не понимает, что, убивая Новороссию, он убивает себя.

И какая дребедень идет по всем каналам ТВ! Как будто и нет войны, как будто и не истребляют каждый день десятками и сотнями русских! А в новостях — сплошное соплежевание, смакование слёз, жалоб, разрушенных жилищ, окровавленных трупов, охов и ахов. И никаких серьезных комментариев по поводу бесхребетной, трусливой, убудочной, антигосударственной позиции Кремля. Ведь эта, с позволения сказать, «позиция» у нормальных людей всего мира вызывает только презрение к России. Вся же либеральная мразь от удовольствия потирает ладошки.

Озверевшие укронацисты бьют из тяжелых орудий по нашей территории, а главный «стратег» страны называет кровавого Вальцмана-Порошенко «Петром Алексеевичем». И всё чаще и чаще стыдливо прячет глаза...

5 июля под натиском фашистских танков и тяжелой артиллерии ополченцы отступили из Славянска. Город в руинах.

Как же вертятся путинские щелкопёры, корчащие из себя патриотов! Вроде бы и возмущаются звериной жестокостью укронацистов, вроде бы и восславляют героев-ополченцев, вроде бы и причитают по погибшим, но одновременно продолжают умиляться «мудростью» ВВП. Ну никак им без ВВП в этой жизни не обойтись!.. Отец родной, защитник нации, самый рейтинговый политический лидер...

Экранно-говорящие головы отрабатывают свой доступ к центральным медийным каналам. Понимают, что иначе они будут задвинуты в тёмный угол. Сколько же продажных дельцов пасётся на патриотическом поле!

Разгром Новороссии — это прямой путь к войне в Крыму. Ничто уже тогда не остановит напившуюся человеческой крови фашистскую киевскую хунту от продолжения «победной» кровавой истории. Остановить ее может только адекватный военный отпор в Новороссии. Но Путин на этот отпор не способен по чисто моральным причинам. Он боится материальных последствий (в широком смысле). А глава такого государства, как Россия, в первую очередь должен думать о духовных последствиях — и для нынешних дней, и для будущего. Путин же для этого морально и духовно слаб, сколько бы медиаресурсы и продажные псевдопатриотические щелкопёры ни выдували из него «лидера нации».

Как выясняется, всё время боёв за Новороссию кремлёвская камарилья действительно поставляла тяжелое вооруже-

ние на Украину. Только не ополченцам, а фашистской хунте. С трибуны Владимир Владимирович сожалел о погибших и втихоря отправлял своему «партнеру» «Петру Алексеевичу» танки из Крыма. Нет, господа, это уже не просто предательство, это — мерзкое двурушничество.

Русских националистов кремлевская власть размещает по тюрьмам, чуть ли не ежемесячно ужесточая уголовные статьи «за разжигание» и «экстремизм», и одновременно вооружает озлобленных укронацистов. Ничего другого от этой власти и ожидать было нельзя. Русские националисты для нее страшнее любого на свете нацизма. Правильно замечено, что пособники русофобствующих фашистов всегда мерзее и подлее самих фашистов.

* * *

Россия спасала болгар и сербов, малороссов и грузин, осетин и абхазов. И только русских не хочет спасти Россия. Точнее говоря, не Россия, а ее русофобская власть.

Кто-нибудь обратил внимание, что диктор программы «Время» теперь говорит на фоне большой шестиконечной звезды?.. Они уже этого не скрывают. Более того — прямо и ясно демонстрируют, кому принадлежит власть.

* * *

«Нацгвардейцы» фашистской киевской хунты, вступив в Славянск, согнали на площадь матерей отступивших ополченцев и расстреляли. Владимир Владимирович, что же вы ничего нам не рассказываете о кровавых руках своего «украинского партнёра» Петра Алексеевича? Или они всё ещё не в крови? Ваши американские, европейские и украинские «партнёры» в реальном времени подвергают геноциду русское население Новороссии, а вы встречаетесь с раввинами, чтобы заклеить холокост евреям... «Его нельзя забывать и нельзя отвергать», — пафосно отчеканили вы. А поощрять происходящий на наших глазах **русский** холокост на Украине можно? А ведь ваше трусливое не оказание помощи уничтожаемым людям — это и есть поощрение геноцида. То, что евреи вам дороже, чем русские, — сомневаться не приходится по вашим словам и делам. И огромные шестиконечные звёзды в студии новостных программ на Первом канале ТВ всё это подтверждают.

Владимир Владимирович, мы ведь с вами уже пенсионеры. Пора и о душе подумать. Не страшно будет умирать? Те, кто ждал вашей помощи и не дождался, будут вам вечным укором в ином мире. Или вы в него не верите?

Когда бомбили Донецк и Луганск, он встречался с европейскими раввинами и вспоминал про еврейский холокост. Защищать русский народ от геноцида на Украине он не собирался. Заручившись поддержкой раввинов, он поехал на Кубу и списал ее долг нам в 32 млрд. долларов. (Давно ли Кремль и Газпром клянчили у Киева 2 миллиарда долга за газ?) Там же он заявил, что в 2018 году болельщики со всего мира смогут приехать в Россию на ЧМ по футболу без виз. То есть широкие ворота в российский проходной двор будут распахнуты настезь.

Ну, провели мы олимпиаду в Сочи. И что нам это дало, кроме обогащения олигархов? Ну, проведем мы чемпионат мира по футболу, настроим новых стадионов. И что нам это даст, кроме никому не нужного (помимо олигархов) ажиотажа и разворовывания бюджетных денег? Может, наши футболисты станут играть лучше? Думаю, в это не верит никто при сохранении иностранного тренера сборной команды и отсутствии государственной политики по духовно-патриотическому воспитанию молодежи и содержанию детско-юношеских спортивных школ.

Вся путинская деятельность — показуха, игра на публику, швыряние деньгами, создание мифа о «большом благодетеле». При этом русская провинция прозябает в нищете, беззаконии и безысходности. Жуткая безработица, страшная коррупция, бандитизм и засилье кавказцев (а теперь и азиатов) — вот реальная картина жизни русской провинции, созданная правлением этого человека.

Зачем спасать русских на Донбассе, когда можно покрасоваться перед телекамерами на стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро? Зачем пресекать неонацистский геноцид, когда можно, ни за что не отвечая, мило и застенчиво улыбаться на пресс-конференциях?..

В России при Путине 8 млн. наркоманов. Не считая грудных младенцев и глубоких стариков, — это каждый десятый. Президент, естественно, здесь ни при чём.

Самый страшный сон диванных лизоблюдов — победа Новороссии без участия кремлёвского «благодетеля».

12 июля после многочасового ржания эстрады на Первом канале ящика беженка из Славянска в программе «Время» рассказала, как украинские нацгвардейцы распяли ребёнка на глазах его матери. А затем они привязали мать к танку и таскали по площади. Реакция «европейской общественнос-

ти» и «российских правозащитников» во главе с «борцом с экстремизмом» А.Бродом нулевая. Не волнуют их ни расстрелы женщин на площади, ни детские распятия. Ведь это же не отрицание холокоста...

После двадцатого «китайского» (точнее, мидовского) предупреждения фашистская «гвардия» вновь обстреляла российских пограничников. В результате последовало двадцать первое предупреждение. Мол, если еще раз такое повторится, то мы уж вам уж... Повторилось буквально через два часа. Погиб человек. «Нужно выяснить все обстоятельства», — заявил зам. главы МИДа Г.Карасин.

Лицемерный мир почти одновременно лишился русофобских монстров — Шеварнадзе и Новодворской. Видать, небесам уже невыносимо было их созерцать. Путин выразил «правозащитникам» соболезнование.

* * *

«Майдан нэзалэжности» погубил Украину. Вне всяких сомнений, через некоторое время Западная Украина отойдет к Польше. И это станет концом существования «нэзалэжной». Но погубила она себя сама — тупой жестокостью бандероуков, возомнивших себя самой древней нацией, злобной завистью и ненавистью к России, умопомрачительным комплексом этнической неполноценности.

Дегенеративные «укры», спрыгнувшие с украинского глобуса, превратились в озверевших нелюдей, заживо сжигающих, режущих и распинаяющих «москальских» детей. Внуки эсэсовских недобитков стали еще жесточе своих обесчеловеченных дідов. Их трудно назвать людьми, т.к. их души сужились до животного состояния и стали душами плотоядного зверья, не просто животных, а именно агрессивного, питающегося кровью зверья.

Наши писатели-классики думали о всечеловечности, открытости, доброте русской души. Мы изучали наследие Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Есенина... Наши отцы и деды 70 лет строили социализм в СССР, а эти недочеловеки мечтали об одном — о праве свободно резать москалей. И дождались. Яценюк, Турчинов, Коломойский, Вальцман-Порошенко им такое право предоставили. Но и этого им оказалось недостаточно. Детей они стали заживо сжигать и распинать. Их звериная душа, видать, только в этом находит удовлетворение. Никогда они не были христианами.

Бог не может дать победы зверью, как не дал он победы Гитлеру и Бандере. Бог, правда и справедливость на стороне ополченцев Новороссии. Через кровь, огонь, трупы женщин,

детей и стариков, через гибель своих товарищей они вновь загонят укрозверей в клетку преисподней. Уже навсегда.

Новый учебник истории Новороссии должен начинаться со слов: «Укронацизм страшнее любого фашизма».

* * *

Киевляне и украинские писатели молчат, не осуждают войну против своего народа. Они опозорились на века. Когда-то я переводил украинских поэтов на русский. Больше не буду.

Гражданин Израиля, военный преступник Вальцман-Порошенко, по мнению некоторых кремлевских умников, «не запятнавший своих рук кровью», будет, конечно же, пойман и судим. Вместе с ним будут судимы и все его «партнеры» по уничтожению русских людей в Новороссии. И «партнеры» эти не спрячутся ни за какими должностями, как и все адвокаты измены, лихорадочно ищущие оправдание политическим ничтожествам и своим шкурным, изменническим натурам.

Варварское уничтожение людей не может быть оправдано никакими политическими выгодами, никакими «умными» объяснениями, никакой трусливой демагогией. Трусость всегда поощряет врага на еще большую жестокость. Трус виноват в человеческих трагедиях больше, чем каратель и агрессор. Во время войны трусы и предатели приговариваются к расстрелу в первую очередь.

14 июня было сообщено о поимке украинских диверсантов в Москве. А уже 15-го произошел теракт в метро. И что символично — на Киевской линии между станциями «Славянский бульвар» и «Парк Победы». А электропоезд назывался «Русич»...

Трусливые демагоги и политические ничтожества привели войну на наши улицы.

* * *

Жертвами стопроцентной диверсии в московском метро стали 23 человека. Около двухсот получили ранения. Лживо-трусливая власть упорно представляет её как «техногенную аварию». Мол, нет признаков взрывчатки, заявили в Следственном комитете. Но теракт — это совсем не обязательно взрывчатка. Чтобы случилась катастрофа, достаточно в нужный момент перевести или заблокировать стрелку на путях. Для подготовленных агентов это не составляет слишком большой проблемы.

Американцам нужно было любыми путями сорвать саммит БРИКСа в Бразилии. Для этого им нужен был большой

теракт в столице, чтобы вынудить Путина срочно вылететь в Москву и отложить подписание многих важных решений. Этот саммит для Обамы был как кость в горле. Теракт осуществили, но своих целей не достигли.

За месяц до своего бегства из Киева В. Янукович подписал контракт с англо-американскими корпорациями «Шелл» и «Шеврон» сроком на 50 лет о разведке, разработке и добыче сланцевого газа на территории Донецкой и Луганской областей. Население этих двух областей, согласно контракту, обязано предоставить свою землю в пользование этим двум корпорациям, а в случае отказа оно должно быть принудительно выселено в другие регионы. Это и есть причина развязывания столь жестокой войны на Донбассе. Это и есть причина беспощадного разрушения Новороссии и физического истребления ее народа, проголосовавшего на референдуме за отделение от Украины и от ее продажной, марионеточной, преступной власти.

На эту зверскую войну новую фашистскую власть Киева толкают США. Толкают, вооружают и прикрывают в ООН. Для одурачивания хохлов*, тупо и завистливо ненавидящих всё русское, пиндосские и хунтовские СМИ обвиняют в этой войне Россию. И обвинения эти ложатся на благодатную бандеровско-хохлятскую почву. Даже киевский майдан теперь, оказывается, является детищем ФСБ... А Европа в ущерб себе, как послушная собачёнка, тявкает на Россию из подворотни и всё пугает дебильными санкциями...

Но поведение Кремля ничуть не лучше. Кремль со своей стороны подло и трусливо спасает капиталы олигархов в западных банках. И также малодушно закрывает глаза на разрушение Новороссии и истребление людей.

Не сумев путём диверсии в московском метро сорвать встречу БРИКС в Бразилии, америкосы решились на новую зверскую провокацию — заставили порошенковских фашистских вояк сбить над ДНР малазийский пассажирский самолет «Боинг 777», чтобы обвинить в этой катастрофе ополченцев и Россию. 17 июля эта провокация была осуществлена. На высоте 10 000 м самолет был сбит украинскими сред-

* Я различаю понятия «хохол» и «украинец». Украинцы — это наши славянские братья. Хохлы — это враги России и русских.

ствами ПВО. До сих пор неясно — то ли ракетой, то ли с помощью истребителя. Погибли 298 человек. Ну что стоит для безжалостных мразей, ежедневно истребляющих мирное население, превращающих в руины больницы, школы и детские сады, что стоит для них сбить над своей территорией чужой самолёт? Тем более, что эти мрази находятся под защитой своего пиндосского хозяина.

Военный преступник Вальцман-Порошенко мгновенно обвинил в гибели самолета ополченцев ДНР. Вслед за ним его американские поводыри тут же бросили обвинения в сторону России. У ополченцев нет ни ракет, ни истребителей, а переносной противоздушный комплекс ПЗРК, который у них есть, способен доставать цели на высоте до 3000 м. Обвинять же в этой провокации Россию просто глупо. Россию, которая не реагирует даже на обстрелы собственной территории.

Давно известно, что америкосы — мастера провокаций. Достаточно вспомнить 11 сентября 2001 года, пробирку с белым порошком в Совбезе ООН или артиллерийский обстрел рынка в Сараево. Как только ополченцы Новороссии начали громить нацистскую «гвардию», срочно понадобилось взбудоражить мировое информационное пространство, чтобы остановить наступление сил сопротивления нацистам. И это пиндосским провокаторам вновь удалось. Послушная, убудочная Европа, не вдаваясь в детали, тут же встроилась в хор, обвиняющий Россию. А Кремль, как обычно, начал вяло и нудно оправдываться. И этих тупых, суетливых оправданий, само собой, никто в мире не услышал. Надо обвинять, а не оправдываться.

* * *

Даже после жуткой провокации со сбитым малазийским «Боингом» Путин опять публично назвал государственного преступника Вальцмана-Порошенко «Петром Алексеевичем». «Партнёры»... Ну и, конечно же, несколько раз подряд выразил соболезнование родственникам погибших в сбитом парашенковскими карателями самолете, хотя Россия вообще не имела никакого отношения к этой авиакатастрофе. На следующий день от нацистских снарядов «Петра Алексеевича» в Луганске погибли 20 человек. Родственникам этих людей ни Путин, ни Совбез ООН, ни «европейская общественность» соболезнований не выражали. Еще чего! Это же не голландцы, не англичане и даже не малазийцы!

Вот к чему приводят политиканство, трусость и предательство своего народа: любая американская провокация будет с

легкостью оборачиваться против России. А Кремлю придется беспомощно глотать кровавые последствия этих провокаций. Уже **ежедневно** Ростовская область обстреливается пороженковскими нацистами. А МИД после всех своих «озабоченностей» и «протестов» вообще перестал реагировать на эти обстрелы.

* * *

Неужели и впрямь никто не замечает, что новостные программы Первого (государственного) канала ТВ проходят на фоне шестиконечной звезды? Удивительно, но реакции на этот демонстративный, откровенный показ нет никакой — ни в Интернете, ни в печати, нигде. Что, может, звезда Давида, могоновид, уже стала символом России? Или поголовная трусость «патриотических» обывателей не позволяет им это разглядеть? Я писал об этом еще месяц назад, но такое ощущение, что никто не услышал и никто не увидел.

Однако теперь надо больше сказать: эта самая звезда на государственном канале и карательная операция фашистской киевской власти против Донбасса — звенья одной цепи. И появились они в нашем информационном пространстве почти одновременно. И абсолютно ясно, почему Россия ничем не помогает Новороссии. Вот именно поэтому, господа. Власть уже не скрывает, под чьей звездой и под чьим влиянием она вершит свои дела. Ей запрещено помогать Донецку и Луганску. Говорить-то она может всё, что угодно, но действовать ей запрещено. Нет, не случайно и не напрасно ВВП встречался с раввинами в Кремле...

Вот потому-то так нагло, разнузданно и безнаказанно ведет себя «пятая колонна». Уж она-то лучше нас всё знает и всё понимает...

Вот по этой причине в то время, когда в Новороссии течёт кровь и ежечасно гибнут русские люди, чуть ли не на всех каналах ТВ стоят эстрадные вопли и дебильная ржачка.

* * *

Как нам убедительно показывают, палестинцев и русских убивать можно. Одновременно с войной в Новороссии идет война в секторе Газа. Под шумок событий на Украине Израиль начал свою очередную карательную операцию. Танки, артиллерия и авиация нацистско-сионистского государства под предлогом уничтожения боевиков Хамаса бьют по жилым кварталам, площадям, школам и больницам палестинского анклава. Уже более 1000 погибших мирных граждан Палестины, среди которых женщины и дети. И ни Совбез

ООН, ни Евросоюз, ни Совет Европы даже и не пытаются остановить эту карательную бойню. Как, впрочем, и украинскую. Русских и палестинцев убивать можно. И как наглядно, как красноречиво в новостях на Первом накале ТВ выставлена сионистская шестиконечная звезда!..

* * *

Нобелевский лауреат премии мира мерзавец Обама заставил гражданина Израйля цэрэушного агента Вальцмана-Порошенко сбить малазийский пассажирский самолет, чтобы избежать разгрома нацистской украинской армии ополченцами Донбасса. Естественно, как всякий преступник, Обама свалил вину за авиакатастрофу на непричастную к этому варварству сторону. Более того, Вашингтон обвинил в этом лично Путина. Однако все факты, улики и результаты расследования показали на Украину. Весь мир еще раз убедился в циничной лживости, мерзости и преступности этих двух государств. Теперь Обама ничего не остается, как начать вторжение на Украину, чтобы подавить сопротивление ополченцев и спровоцировать войну с Россией. Сколько Путин ни увиливал от защиты русских на Украине, сколько ни пытался спрятаться от войны, она сама придет на нашу землю.

* * *

Двурушничество продолжается. Российские медслужбы, видимо, по команде из Кремля, принимают на своей территории прижатых к нашей границе раненых карателей нацистской украинской армии, оказывают им медицинскую помощь и прибывшими из Украины самолетами отправляют назад, под нацистское командование. Тех самых карателей, которые обстреливали автобусы с беженцами, лупили из артиллерии по жилым кварталам городов юго-востока и которые били из минометов по станциям Ростовской области. Многие из них, подлечившись в украинских госпиталях, вновь отправляются на войну против ополченцев Донбасса. Можно легко себе представить, что думают по этому поводу бойцы, защищающие Новороссию.

А если присоединить сюда и другой факт, о котором пишет газета «Завтра»: «...рославские «вертолетчики» оказывают комплексную помощь харьковским коллегам в ремонте подбитых ополченцами Донбасса вертолетов украинской армии...», то как это будет называться при упорном отказе Кремля помогать истекающей кровью Новороссии? Нет, господа кремляне, это не «гуманитарный коридор», это гуманитарная подлость.

* * *

Улицы русского города Луганска после двухсуточных бомбардировок «Градами» и «Ураганами» усеяны разорванными и обуглившимися трупами женщин, стариков и детей. В новостях эти трупы показаны на весь мир. Молчит Европа, молчит Путин, молчит Медведев, молчат депутаты ГД и СФ. Я уже повторял в своих записках эту фразу Григория Богослова: «Молчаньем предается Бог». Они, молчащие власти предержажшие, то и дело стоящие со свечкой в храме, предают всех и всё — Бога, русский народ, Россию, правду, справедливость, смысл человеческого существования и необходимость своего собственного присутствия на земле. Зачем они проникли во власть? Для чего они что-то болтают в микрофон? Зачем улыбаются с экрана? Для какой надобности они подписывают какие-то законы, указы, договора, если с их молчаливого, безвольного, бессмысленного молчания и соизволения улицы русских городов усыпаны трупами женщин, стариков и детей?

И разве не этим молчанием и не этими трупами определяется подлинная сущность нынешней российской власти? Сущность предательская, антирусская, лживая, корыстная, трусливая и беспринципная. Сущность эта полностью в наши дни обнажилась, стала ясна и понятна всем, даже тем, кто не желает ее видеть, знать и понимать.

* * *

Оказывается, наши правители могут спокойно и безмолвно смотреть, как истребляют русских людей. Не знаю, может, у них и беспокойно на душе, но они нам об этом не говорят.

Разорванная снарядом молодая женщина, прижимающая к себе мёртвого ребёнка, названа в Интернете *новороссийской мадонной*. Эта фотография надолго станет символом украинофашистской звериной жестокости и подлого предательства. Предательства тех, кто божился этого не допустить и трусливо допустил. Рядом с этой фотографией должны находиться улыбающиеся физиономии президентов Украины и России, США и Германии, Польши и Франции. Как появятся где-то их лыбящиеся фотографии, тут же должна возникнуть фотография «новороссийской мадонны». Для большей объективности.

* * *

Военные преступления фашистской Украины войдут в историю Новой России, которая с годами возродится на ру-

инах и пепелищах Донбасса. Фашистские главари «нэзалэжной» будут историей и людьми приговорены к вечному проклятию. О самой же нацистско-бандеровской «Украине» будет вспоминать лишь по траурным датам как о безумном помрачении рассудка целого народа. Всякий раз при упоминании слова «Украина» перед глазами будет возникать позорное клеймо с личинами Турчинова, Порошенко, Авакова, Яценюка, Тимошенко, Кличко, Ляшко, Тягнибока, Яроша, Сашки Билого, а также разорванные снарядами тела женщин и детей.

Моральные уроды нацистского Киева, перейдя предел самого низкого цинизма и нечеловеческого варварства, применяют против жителей Донбасса баллистические ракеты средней дальности. В Луганске уничтожены все электроподстанции и водозаборы, перекрыты пути подвоза продуктов. Этих моральных уродов еврейско-хохлятской хунты уже мало называть фашистами. Это — свихнувшиеся на ненависти безмозглые дегенераты. Они перестали быть людьми. В сущности, они такими были и раньше. Но теперь вся их внутренняя мерзость вырвалась наружу, обнажилась, стала видна и понятна всем.

Этим убийцам и мерзавцам аплодируют «звёзды» российской эстрады, обвешанные государственными наградами Кремля. На своём июльском сборище в Юрмале они нарочито выступали в жёлто-голубых одеяниях...

Кремль спокойно наблюдает со стороны за уничтожением Новороссии.

* * *

7 августа. На наших глазах происходит жуткое зверство, которое совершают демофашистский Запад, нацистская Украина и трусоватая российская власть. Кремль (как символ власти) участвует в преступлении тем, что не препятствует его совершению.

Идет варварское уничтожение простого населения Донбасса. С помощью тяжелого, реактивного и запрещенного к применению оружия разрушаются города, поселки, деревни благодатного южного края. Европа закрыла на это варварство глаза. Никчемная, циничная, давно изжившая себя организация под названием «ООН» поощряет зарвавшихся нацистских варваров. То, что происходит, даже бесчеловечнее, омерзительнее преступлений Второй мировой войны. Тогда еще не было оружия столь разрушительной силы — «Градов», «Смерчей», «Ураганов»...

Я думаю, даже Ельцин этого бы не допустил. Всё-таки при нём разгромили молдавских фашистов в Приднестровье. Но Путин, словно не видит и не слышит страданий и взываний к помощи погибающих людей.

Около миллиона беженцев, бросив всё, под обстрелами укрокарателей сумели прорваться на нашу территорию. И здесь им придется начинать жизнь с нуля. А ведь скоро осень и зима. Кто будет восстанавливать Донбасс? Где будут жить оставшиеся там люди?

Героические ополченцы Новороссии, не имея такого и в таком количестве оружия, как у нацистов, каким-то фантастическим, чуть ли не мистическим образом сдерживают танковые атаки озверевших карателей. Те бросают в прорыв сотни танков и напарываются, как на стену, на малочисленные отряды ополченцев с гранатометами, после чего, оставив на поле боя десятки горящих машин, отходят назад. Под Шахтерском, пригородом Донецка, по словам Игоря Стрелкова, произошла новая Прохоровка. Как и немцы на Курской дуге, укрофашисты бросили в бой 250 танков. И не прошли. Разница лишь в том, что у наших под Прохоровкой танков было столько же, а здесь, у стрелковцев, — два или три. Эта битва, несомненно, войдет в Военную энциклопедию.

Без объявления войны, без введения военного положения стираются с лица земли целые города со всей их инфраструктурой и населением. Причем на собственной территории. Такого, по-моему, еще не было нигде в мире. Киевская хунта — это сумасшедшие нелюди. Даже если она всем внушает, что воюет с некими «сепаратистами» и «террористами», зачем уничтожать больницы, роддома, школы, детсады, вокзалы, церкви, водозаборы?.. И всё это делается руками свидомых хохлов, готовых назло России самих себя кастрировать. Исполняя безумные приказы своей инородной хунты, они сами становятся преступной нелюдью, народом-самоубийцей. Точнее говоря, уже стали. В истории от них останется одно лишь недоумённое воспоминание.

Вот уже более трех недель прошло после крушения малазийского авиалайнера в небе над Донецком. «Чёрные ящики» находятся в Лондоне, комиссия по расследованию катастрофы отбыла с места падения самолета, но о результатах

расследования и о данных найденных самописцев — молчок. А ведь английские эксперты обещали расшифровать кассеты самописцев за два дня! Это значит, что результаты расследования и данные «черных ящиков» не устраивают ни Америку, ни Европу, ни Украину. И это стопроцентно означает, что «Боинг» сбита Украина. Можно уже не сомневаться в том, что убийцы официальным Западом не будут названы. А Киев будет по-прежнему голословно и тупо во всём обвинять Россию и ополченцев.

298 человек, пассажиров «Боинга», стали жертвами анти-российской американо-европейской провокации.

* * *

США разрешили себе нанести воздушный удар по Ираку. И одновременно запретили России оказывать Донбассу какую-либо гуманитарную помощь. Их представитель в ООН заявил, что они будут расценивать ее как вооруженное вторжение. (Ракетный удар по Ираку вооруженным вторжением не является.) Это и есть звериная фашистская логика. Но в тот же самый день Путин вновь назвал американцев «нашими партнерами».

Всё же очень интересное у них «партнерство» получается...

* * *

На всех патриотических сайтах несколько месяцев мусировался вопрос: введет Россия войска на территорию Донбасса или не введет? Всякого рода эксперты, от зарубежных до доморожденных, неоднократно предрекали: ну, если не завтра, то послезавтра, ну, в крайнем случае, через 72 часа... Мол, уже всё готово, ждут приказа, наш источник в МО по секрету сообщил... А путинские клеветы то и дело уверяли: подождите, не торопите Путина, он знает, когда и что надо сделать. Мол, есть секретный план, мы его сами видели...

Насколько же смешно теперь об этом вспоминать! Какой ввод войск, какая помощь вооружением?! Путин боится ввести в Новороссию гуманитарную помощь! Америка погрозила ему пальцем, и он онемел от страха! Машины с гуманитарной помощью стоят на границе с Донбассом и не могут ее пересечь, потому что Кремль не дает разрешения! А ему не дает разрешения Вашингтон.

О каком вводе войск ради спасения Новороссии могла идти речь, господа блогеры, всезнающие политики и все телевизионные говорящие головы? Да об этом в кремлевских кабинетах страшно было подумать! На завоз лекарств и продовольствия там спрашивают разрешения у Обамы и без его

согласия шагу не могут ступить! А вы о каких-то войсках, о бесполётной зоне... Не смешно ли?

10 августа укрофашисты вновь обстреляли Ростовскую область.

* * *

То, что струсил сделать Янукович, за три дня сделал Вальцман-Порошенко — разогнал «майдан». Причем исключительно с помощью коммунальщиков. Даже полицию не пришлось использовать. На Западе никто и не дёрнулся. И разбредлись оставшиеся здесь укродебилы, как миленькие. Остальных послали в качестве пушечного мяса на восток. Кончился «майдан», больше стал не нужен. Вашингтон и Брюссель с помощью майданутых дебилов скинули Януковича и посадили на власть еврейских олигархов. Дебилам хватило для этого одного пакета печенья. (Вспомним, как Белый дом и Конгресс в начале года грозили Януковичу: не смей разгонять майдан! не нарушай права человека! накажем! счета заблокируем!)

Киев уже сидит без горячей воды. Осенью будет сидеть без газа, света и пенсий. «Слава Украине!», «Хероям слава!». Десять тысяч гробов за три месяца без объявления войны... Это цена за пакет печенья... Нормально. Ну, подумаешь, Крым потеряли, Луганск и Донецк разбомбили... Зато какая у педофила Ляшко популярность! «Слава Украине!» «Хто нэ скаче, той москаль!»

* * *

И ведь теперь становится абсолютно ясно: признай Путин в свое время ДНР и ЛНР, то и не требовалось бы ничего разрешения на провоз гуманитарной помощи для Донбасса. И более того, сама эта помощь оказалась бы ненужной, т.к. не произошло бы в Новороссии никакой гуманитарной катастрофы. Для Путина это признание ничего бы не стоило — ни ДНР, ни ЛНР на своих референдумах не ставили вопроса о присоединении к России. В отличие от Крыма. Но закулисные интриги и тайные договоренности с Вашингтоном не позволили Путину совершить дальновидный, человеческий и благородный поступок.

* * *

Украинские фашистские обезьяны решили уничтожить на Донбассе всех до последнего. Коридоры для выхода оставшегося населения донбасских городов и поселков карательной армией не открыты. А тех, кто пытается вырваться

самостоятельно, каратели расстреливают. Все должны погибнуть — так решил Потрошенко.

Украинский фашизм — это нечто уникальное в истории Европы. Интересно, где сейчас прячется г-н Швядкой, бывший министр культуры, со своей крылатой фразой о «русском фашизме»? Не икается ли ему?

* * *

Вот уже который месяц телевидение изо дня в день настойчиво показывает нам кровавые сцены донбасского апокалипсиса. Оно прямо-таки смакует одни и те же кадры с окровавленными телами гражданского населения, с плачущими детьми и женщинами, убивающимися над погибшими близкими людьми. Ежедневно все теленовости начинаются с показа разбомбленных жилых домов, школ, больниц, с испуганных лиц простых людей, прячущихся в подвалах и бомбоубежищах, с жалоб старушек и молодых мам, прижимающих к себе несчастных детей, о невыносимых условиях жизни под ежечасными артиллерийскими обстрелами, со слёз стоящих на пепелище донбасских жителей. И при этих кадрах комментарии журналистов только усиливают впечатление от увиденного, обостряя и без того зашкаливающее чувство безысходности. **Но ни одного слова о том, кто мог этого не допустить и кто это допустил, мы не слышим.** А о боевых успехах ополченцев телекомментаторы или вообще не говорят, или упоминают вскользь, мимолетно, в течение пяти секунд.

Создается впечатление, что нас хотят потоком кровавых сцен, слёз и людских страданий придавить морально, оглушить и в конце концов притупить наше чувство сострадания, чтобы наша психика надорвалась от них и перестала на них естественным образом реагировать. Специалисты зомбирования и психологического воздействия на население приставлены к телевидению давно, еще с девяностых, и своё дело знают профессионально. Нет, господа, вовсе не случайно с начала киевского переворота в этом году все новостные программы на Первом канале ТВ стали выходить на фоне большой шестиконечной звезды. Информация в наше время — это **главное** оружие в войне с человечеством. И тот телевизионный садизм, который обрушился на наши головы, лишний раз это подтверждает.

* * *

Владимир Владимирович на встрече в Минске всё же пожал руку «Петру Алексеевичу».

«Война на Украине — это не наше дело, — заявил он на пресс-конференции после долгой беседы за закрытыми две-

рями с киевским убийцей. — Главной темой наших переговоров были поставки газа в Украину и в Европу». Кто бы сомневался. То, что в Новороссии русские люди вместе с детьми живут в подвалах и ежедневно гибнут десятками — это, конечно же, «не наше дело». Главное «наше дело» — получать валюту за газ. Кровавую фашистскую хунту ВВП несколько раз назвал «нашими украинскими друзьями».

* * *

Всего лишь во вторник, 26 августа, Путин сказал, что война на Украине — это «не наше дело». А уже в пятницу 29-го предложил ополченцам Донбасса «отпустить домой» из окружения украинских карателей. У них, видите ли, дома есть жёны и матери... И это, по словам Путина, просто ужасно, что они могут погибнуть. И хочется спросить президента: если эта война — «не наше дело» и если вы до сих пор молча наблюдали, как гибли жены и матери Новороссии, то чего это вы теперь вдруг обеспокоились жизнями тех, кто пришел убивать, жечь и разрушать, кто безжалостно истреблял жилища, больницы, детсады, школы и чьих-то жён, матерей и детей? Как-то это очень странно, господин президент...

* * *

Как же наши люди легко ведутся на всякие бредовые глупости, услышанные ими от пустых телевизионных голов! Даже очень многие путинские отставные генералы по причине ожирения мозгов повторяют эту чушь, хитро вброшенную для употребления в информационное пространство: «Любые войны заканчиваются переговорами». Какими переговорами закончилась Великая Отечественная война? Какими переговорами закончилась Вторая мировая война? Они закончились Знаменем Победы над Рейхстагом, Парадом на Красной площади, Нюрнбергским трибуналом и казнью фашистской мрази.

ПРОЗА

- АЗ Александр. Командировка в Мальту. Рассказ — 5-6.
БЕСЕДИН Николай. Рассказы — 5-6.
БОЙКО Нина. Митино счастье. Рассказ — 10.
БОЛЬШАКОВ Владимир. Рассказы — 3.
БОНДАРЕВ Юрий. Непротивление. Глава из романа — 3.
БРЕЖНЕВ Александр. Псих Филипп и другие. Рассказ — 1-2.
ГОРЫШИН Глеб. Товарищ военврач. Рассказ — 5-6.
ГРИБАНОВА Татьяна. Короткие рассказы — 10.
ГРУНТОВСКИЙ Андрей. Плотничьи разговоры. Рассказ — 7-8.
КЛЕПИКОВ Геннадий. Рассказы — 9.
КОЗЫРЕВА Анна. Шурочка в белых карпеточках. Рассказ — 5-6.
ЛИНЁВА Алла. Два рассказа — 3.
ЛИНЁВА Алла. Чёрный принц. Повесть — 11-12.
ЛУКИН Антон. Рассказы — 1-2.
МЕЛЬНИКОВ Виктор. Догорала осень. Рассказ — 11-12.
МИХЕЕНКОВ Сергей. Рассказы — 5-6.
МУСТАФИН Ямил. Стригунок. Рассказ-быль — 4.
НАГОВИЦЫН Вадим. Ганин луг. Рассказ — 9.
НИКУЛЬШИН Иван. Вечер любви. Рассказ — 4.
ПАНТЕЛЕЕВ Анатолий. Путём адмирала. Рассказ — 5-6.
ПАХОМОВ Юрий. Рассказы — 4.
ПЕТЕЛИН Геннадий. Чернобыль. Рассказ — 10.
ПОЛЯКОВ Александр. Как далеко до завтрашнего дня. Повесть — 7-8, 9, 10.
ПРОНИН Виктор. Багульник. Рассказ — 10.
ПРОНСКИЙ Владимир. Казачья засека. Роман — 3, 4.
СЕЛЕДЦОВ Олег. Молитвами Сергия. Фрагменты романа — 9.
СМИРНОВ Николай. Слушай сюда! Смешные рассказы — 1-2.
ТАРКОВСКИЙ Михаил. Два рассказа — 1-2.
УХАНОВ Иван. Рассказы — 9.
ХЛЫСТОВ Валерий. Блудный сын. Рассказ — 3.
ЧУГУНОВ Владимир. Случай в метель. Рассказ — 11-12.
ШАМШУРИН Валерий. Ниже травы. Рассказ — 1-2.
ЯНГУРОВА Светлана. Два рассказа — 7-8.

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. По русскому полю. Стихи — 7-8.
АГАЛЬЦОВ Сергей. И светел мир. Стихи — 1-2.
БЕРЗИНА Любовь. Сияющий Родины свет. Стихи — 11-12.
ВОРОТНИН Юрий. Соловьиная свирель. Стихи — 4.
ГРИГОРЬЕВ Олег. Огни небесные. Стихи — 1-2.
ГУСАРОВ Михаил. Лампада. Стихи — 11-12.
ДЕМЧЕНКО Олег. От столицы до окраин. Стихи — 5-6.
ИВУШКИН Александр. Сердца боль. Стихи — 5-6.
КИРЮШИН Виктор. Созвездия плывут над головою. Стихи — 10.
КОРНЕЕВ Алексей. Мой костёр. Стихи — 4.

КОСЯКОВ Павел. Рождение зари. Стихи — 1-2.
КРАСИЛЬНИКОВ Николай. Неужели грачи прилетели?
Стихи — 3.
КУНИЦЫН Игорь. Деревья тянутся к цветам. Стихи — 1-2.
МАНАКОВ Юрий. Затопленная память. Стихи — 1-2.
МАРТЫШКИН Михаил. Дикий фраер. Стихи — 3.
МИЗГУЛИН Дмитрий. Рябины тяжёлые кисти. Стихи — 3.
МОРОЗОВ Геннадий. На окских откосах. Стихи — 10.
НЕСТРУГИН Александр. Метельные годы. Стихи — 1-2.
ОЛОЕВ Алексей. Врезаюсь в зелёные волны. Стихи — 5-6.
ПАНАСЕЧКИН Анатолий. Время в колокол бьёт. Стихи — 11-12.
ПАСТУХОВ Виктор. На древней отчине. Стихи — 7-8.
РАЧКОВ Николай. Луговой костёр. Стихи — 9.
РУМЯНЦЕВ Андрей. Вывает время к доброте. Стихи — 3.
СИНЬКОВ Сергей. Мелодия минувших лет. Стихи — 7-8.
СМИРНОВА Нина. Смотрят вдаль поля. Стихи — 7-8.
СМЫК Владимир. Над радостью земного бытия. Стихи — 4.
Стихи поэтов России — 11-12.
СУПРУНОВА Светлана. Вечно холодно душе. Стихи — 1-2.
ТИМОНИН Михаил. Вхожу я в русский лес. Стихи — 4.
ТИХОНОВ Александр. Всё та же Русь. Стихи — 10.
ТОКАРЕВА Анна. Рябина в меду. Стихи — 9.
ХАТЮШИН Валерий. Шестьдесят пятая осень. Стихи — 4.
ХАТЮШИН Валерий. Новороссия — как звезда... Стихи — 11-12.
ЧУПРОВ Олег. Становлюсь постепенно репой. Стихи — 4.
ШЕМШУЧЕНКО Владимир. Трава в росе. Стихи — 9.
ШЕНДАКОВ Андрей. Затерянный край. Стихи — 11-12.
ШОРОХОВ Алексей. Вечерний час. Стихи — 5-6.
ШОРОХОВА Татьяна. Крым. У рубежной черты. Стихи — 7-8.
ШУВАЕВ Владимир. Божья колесница. Стихи — 9.
ЮШИН Евгений. Струны дождя. Стихи — 5-6.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АГЕЕВ Борис. Сломанный магнит — 7-8.
АНДРЕЕВ Михаил. Время речей прошло — 3.
АНТОНОВ Михаил. Русский идеал и корпоративное государство. — 1-2.
БОНДАРЕНКО Виталий. «Украинство» как психологическое явление — 10.
ВОРОНЦОВ Андрей. Сталин, «смершевцы» и «либералы» — 5-6.
ГОЛЬЦОВА Елена. Операция «Ликвидация» — 5-6.
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. О «нашей» интеллигенции» — 4.
КАТАСОНОВ Валентин. «Пятая колонна» как многоголовая гидра — 11-12.
КИРВЕЛЬ Чеслав. Что поставлено на карту? — 9.
КУСКОВА Галина. Сегодня русская идея называется белорусской — 4.
ЛЕМЕШЕВ Михаил. Западная цивилизация и Россия — 4.
МАРКОВ Юрий. О национальном государстве — 4.
МАРКОВ Юрий. Современная Россия перед выбором — 10.
МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. «Адская машина» международного усыновления — 9.

МЕНЬШИКОВ Владимир. Духовная война с Россией — 4.
МЕНЬШИКОВА Эмма. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. — 1-2, 3, 4, 5-6, 10, 11-12.
МОНОМЕНОВА Мария. Россия — гетто национального «большинства»? — 3.
НЕХЛЕБОВА Наталья. Власть и дети — 11-12.
ОРДЫНСКИЙ Василий. Радикальные течения ислама в среде русского населения — 7-8.
ПЛЕХАНОВ Александр. «Эффективные менеджеры» — 5-6.
ПОПЕНКО Михаил. Сеятели зла — 1-2.
РАСТОРГУЕВ Валерий. Каинова печать, или Дерево без корней — 9.
РАСТОРГУЕВ Валерий. О планетарной войне и толерантной нации — 1-2.
РЯБИЧЕНКО Людмила. «Анкета с того света», или... — 9.
САУЛКИН Виктор. По законам России или по «законам гор»? — 1-2.
САУЛКИН Виктор. Размышления после событий в Бирюлёве — 3.
СИВКОВ Константин. Выводить в расход — 10.
СИДОРЕНКО Сергей. О смысле наших катастроф — 3.
СУХИНИН Денис. Окончательное уничтожение крестьянства в России — 1-2.
ТРОИЦКИЙ Всеволод. Культура в России: стратегия защиты — 7-8.
ТУРЧЕНКО Владимир. «Реформы» образования — это деградация России — 7-8.
ТУРЧЕНКО Владимир. Чертополох на ниве российской науки — 3.
ФИОНОВА Людмила. Агония цивилизации — 11-12.
ФУРСОВ Андрей. Им Украина нужна для удара по России — 9.
ФУРСОВ Андрей. Психоисторическая война — 5-6, 7-8.
ЧИЧКИН Алексей. Крым: стратегические ресурсы для всей страны — 10.
ЧИЧКИН Алексей. Новая угроза с Чёрного моря — 11-12.
ШВЕЧИКОВ Алексей. От либерализма к неонацизму — 11-12.
ЯКОВЛЕВ Григорий. О террористах-смертниках — 7-8.

ДОСЬЕ «МГ»

АНТОНОВ Андрей. Дело Квачкова — 1-2.
АНТОНОВ Андрей. Сионофашисты и их пособники — 10.
ИЛЮШЕНКО Роман. Человек, который мог остановить войну — 9.
КАТАСОНОВ Валентин. Афера тысячелетия — 4.
СТАРОСТЕНКО Геннадий. Почему Эйнштейн показал всем язык — 9.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ПОДСВИРОВ Иван. Солоухин. К 90-летию со дня рождения — 5-6.
РУМЯНЦЕВ Андрей. Зарницы. Миниатюры — 4.
ХАТЮШИН Валерий. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. — 5-6, 7-8, 11-12.
ЮДИН Владимир. Полонез Огинского — 9.

РУССКИЙ ВОПРОС

- АКСЮЧИЦ Виктор. Российская нация — это русский народ — 1-2.
АКСЮЧИЦ Виктор. О русском патриотизме — 5-6.
АЛТУХОВ Евгений. Раковая опухоль русского мира — 10.
БЕНДИН Сергей. Москвабад — 3.
БОГАЧЁВ Алексей. Русский крест — 7-8.
ГОРШКОВ Андрей. Закрепить статус государствообразующе-
го народа — 4.
ДМИТРИЕВ Павел. Мир стремится к хаосу — 5-6.
ДМИТРИЕВ Павел. Русский опять забыли — 3.
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. Прощевай, Украпно! — 11-12.
ИЗРАИЛЕВ Александр. Украинство — это предательство — 11-12.
КАРАМЫШЕВ Сергей. Важнейшая задача русской мысли — 7-8.
КОМКОВ Сергей. Россию приговорили к нелегальной мигра-
ции — 1-2.
ПАВЛОВ Евгений. О младорусских — 11-12.
ПШЕНИЦЫН Андрей. Статистическая погрешность — 4.
САВВИН Дмитрий. Сбережение русского национализма — 5-6.
САВИН Николай. Нерусский фашизм — 7-8.
СВЯТЕНКОВ Павел. Какой статус в России имеет русский на-
род? — 9.
СВЯТЕНКОВ Павел. Куда ведёт Россию Путин? — 1-2.
СИДОРОВ Георгий. Об этнической войне в России — 10.
СОКОЛОВ Евгений. Ещё раз о национальной идее — 3.
СОШЕНКО Андрей. Да здравствует азиопский народ! — 3.
СЫЧЁВА Лидия. Они и мы — 9.
ХАТЮШИЃ Валерий. Жизнь заставит — 1-2.
ШУМСКИЙ Александр. Наступит ли эпоха «просвещённого
сталинизма»? — 4.
ЯЦЕНКО Станислав. И русский, и украинец — 5-6.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

- ЛЕОНОВ Иван. О вавилонской модели управления миром — 3.
ЛЕОНОВ Иван. Под прикрытием операции «Майдан» — 10.
ЛОПУХА Анатолий. Организационное оружие — 5-6.
МИШУСТИН Николай. Концлагерь для всех — 3.
ПОЛЯКОВ Георгий. Обратни майдана — 7-8.
РЯБИЧЕНКО Людмила. «Азбука смерти» новейшего времени — 4.
ЧЕТВЕРИКОВА Ольга. Диктатура «просвещённых» — 4, 5-6.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- ЗАМЛЕЛОВА Светлана. Русины — 3.
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. Как в тёмном лесу — 7-8.
РАСПУТИН Валентин. Возвращение Тобольска — 11-12.
САМСОНОВ Александр. Разрушение русского мира — 11-12.
ФРОЛОВ Михаил. «Стереть с лица земли» — 4.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- КОКУХИН Николай. «Как же я томлюсь по России...» — 7-8.

ИСКУССТВО

БОЙКО Нина. Рассказы о русских художниках — 7-8, 9.
СМЫК Владимир. Песня и мы — 1-2.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

ПЕТРОВА Татьяна, ГОСТЕВ Андрей. Чёрная бань — 1-2.
СУЛЕЙМАНОВ Раис, МОНОМЕНОВА Мария. Православие — защита от ваххабизма — 9.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПЕТРОВ Владимир. «Завет предвечного храня...» К 200-летию М.Ю. Лермонтова — 10.
МЕНЬШИКОВА Эмма. Если Бога нет в сердце... — 11-12.
СМЫК Владимир. Бессмертная комедия и вечная истина — 11-12.
ХАТЮШИН Валерий. Отрицательная литература — 10.

СИМВОЛ ВЕРЫ

АДЛИВАНКИН Изяслав. Свои среди чужих — 1-2.
БОРОПАЕВ Владимир. Нет другой двери — 9.

ПОДВИЖНИКИ

БОЙКО Нина. Николай Кумраков — 11-12.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

МАСЛОВСКИЙ Леонид. Правда о блокаде Ленинграда — 7-8.